

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(70)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия в многополярном мире
Russia in the Multi-Polar World

Россияне за рубежом
Russians Abroad

Эволюция государства в России
Evolution of the State in Russia

1990-е годы: Оценка сегодня
The 1990s: Current Appraisal

Миллиардеры в российском обществе
Billionaires in the Russian Society

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2011

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.И. Шанишвили* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Бельский*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2011. – ISSN 1726–5223. – № 1(70). – 268 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

РОССИЯ И МИР **В XXI ВЕКЕ**

Д.В. Ефременко
Россия и постамериканский мир

6

Х. Фогель
Передышка или поворот?
(К текущим дискуссиям
о внешней политике России)

27

Л.Е. Бляхер
Сотрудничество
«поверх границ»:
Экономические выгоды
и политические проблемы

39

РОССИЯНЕ ЗА РУБЕЖОМ

А.Н. Барковский,
А.Б. Шилов
Русские немцы
в современной Германии

58

А.В. Докучаева
Отношение к России и русским
в Украине, Белоруссии
и Казахстане (по опросам
соотечественников)

72

Е.И. Шибаета
Русские и поляки в Литве:
Разный статус нацменьшинств

80

РОССИЯ ВЧЕРА, **СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

И.И. Глебова
Особенности эволюции госу-
дарства в России: «Дворец»

84

RUSSIA AND THE WORLD **IN THE 21ST CENTURY**

D.V. Yefremenko
Russia and the Post-American
World

H. Vogel
A Moment of Respite or a Time of
Turn? (After the current discus-
sions of Russia's foreign policy)

L.Ye. Blyakher
Collaboration
«across Boundaries»:
Economic Advantages
and Political Problems

RUSSIANS ABROAD

A.N. Barkovsky,
A.B. Shilov
Russian Germans
in Today's Germany

A.V. Dokuchaeva
Attitudes toward Russia
in Ukraine, Byelorussia and
Kazakhstan (polls among
Russians abroad)

Ye.I. Shibaeva
Russians and Poles in Lithuania:
Different Statutes of Minorities

RUSSIA YESTERDAY, **TODAY, TOMORROW**

I.I. Glebova
Peculiarities of the State's Evolu-
tion in Russia: «The Palace»

<i>Р.Х. Симонян</i> <i>Реформы 1990-х годов:</i> <i>Оценка сегодня</i>	113	<i>R. Kh. Simonyan</i> <i>The Reforms of the 1990's: An</i> <i>Appraisal Today</i>
<i>А.М. Кулькин</i> <i>К вопросу о становлении обще-</i> <i>российской инфраструктуры</i> <i>технологического развития</i>	131	<i>A. M. Kulkin</i> <i>On the Problem of Formation of</i> <i>the All-Russian Infrastructure</i> <i>of Technological Development</i>
<i>И.В. Игнатова</i> <i>Миллиардеры как явление</i> <i>современного российского</i> <i>общества</i>	143	<i>I. V. Ignatova</i> <i>Billionaires as a Phenomenon</i> <i>of the Contemporary Russian</i> <i>Society</i>
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ.</u> <u>СООБЩЕНИЯ.</u> <u>КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS.</u> <u>COMMUNICATIONS.</u> <u>COMMENTS</u>
<i>А.Е. Чирикова</i> <i>Женское лидерство и семейные</i> <i>роли: Социологический анализ</i>	149	<i>A. Ye. Chirikova</i> <i>Female Leadership and Family</i> <i>Roles: A Sociological Analysis</i>
<i>Т.А. Воронина</i> <i>Практика поста в «сказаниях</i> <i>о 12-ти пятницах»</i> <i>(XIX – начало XX в.)</i>	163	<i>T. A. Voronina</i> <i>Fasting Practices in «the Tales of</i> <i>the Twelve Fridays» (19th – early</i> <i>21st centuries)</i>
<i>А.А. Тюняев</i> <i>Сколько лет Москве?</i> <i>(К вопросу о спорах между</i> <i>археологами и летописцами)</i>	172	<i>A. A. Tyunyaev</i> <i>Just How Old Is Moscow? (On the</i> <i>polemics between archaeologists</i> <i>and chroniclers)</i>
<u>ФЕНОМЕНОЛОГИЯ</u> <u>СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА</u>		<u>PHENOMENOLOGY</u> <u>OF THE SOVIET SOCIETY</u>
<i>Б.К. Лисин</i> <i>Вожди о кадрах,</i> <i>кадры о вождях</i>	179	<i>B. K. Lisin</i> <i>Leaders on Executives, Executives</i> <i>on Leaders</i>
<i>С.В. Сергутин</i> <i>Разведка в советской системе</i> <i>международной информации</i> <i>(1934–1941 гг.)</i>	191	<i>S. V. Sergutin</i> <i>Intelligence in the Soviet System</i> <i>of International Information</i> <i>(1934–1941)</i>
<u>ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ</u>		<u>FACTS. EVENTS. PEOPLE</u>
<i>Две беседы</i> <i>с директором ИНИОН РАН,</i>		<i>Two Interviews with</i> <i>Academician Yu. S. Pivovarov,</i>

академиком Ю.С. Пивоваровым. Беседа первая. Как становятся исследователями в ИНИОН	201	<i>Director of INION RAS. Interview One. How They Become Researchers at INION.</i>

Л.В. Камедина Русские Духовные миссии в странах Дальнего Востока	212	<i>L.V. Kamedina Russian Religious Missions in the Far East Countries</i>

**НАУЧНАЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

**SCHOLARLY AND
CULTURAL LIFE**

Т.В. Абанкина, В.М. Гнедовский Национальное культурное наследие как фактор устойчи- вого местного развития (на примерах Веймара, Стратфорда и Ясной Поляны)	222	<i>T.V. Abankina, V.M. Gnedovsky National Cultural Heritage as a Factor of Sustained Local Development (cases of Weimar, Stratford and Yasnaya Polyana)</i>

Д.А. Ивашинцов Альманах «Русский мир»	232	<i>D.A. Ivashintsov The «Russkiy Mir» Almanac</i>

А.А. Будко, Н.Г. Чигарева Военно-медицинский музей Министерства обороны РФ. Материалы периода Великой Отечественной войны	237	<i>A.A. Budko, N.G. Chigareva The Museum of Military Medicine of the RF Defence Ministry. Materials of the Great Patriotic War</i>

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ESSAYS. DIGESTS

Валлерстайн И. Куда идет мир?	244	<i>Wallerstein I. Where Is the World Going?</i>

Ноймайер Э., Плюмпер Т. Международный терроризм и конфликт цивилизаций	247	<i>Neumayer E., Plumper T. International Terrorism and Conflict of Civilizations</i>

Репникова М., Балзер Х. Китайская миграция в Россию: Упущенные возможности	250	<i>Repnikova M., Balzer H. Chinese Migration to Russia: Missed opportunities</i>

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА**

SUMMARIES

256

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Д.В. Ефременко

РОССИЯ И ПОСТАМЕРИКАНСКИЙ МИР

**Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук,
заведующий Отделом социологии
и социальной психологии ИНИОН РАН.**

Советский Союз еще был жив, хотя и дышал на ладан, когда в торжествующей победу в «холодной войне» Америке началась гонка триумфалистских манифестов. Со временем их исчерпывающий обзор будет, наверное, интересен лишь историкам политической мысли и международных отношений, но наиболее яркие из этих писаний все-таки останутся своеобразными памятниками недолговечному Рах Америсана. Лидировал в этом соревновании манифестов «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы, привлечший к себе наибольшее внимание благодаря броскости и простоте основного тезиса. Но если предложенное Фукуямой эсхатологическое обоснование незыблемости постисторического либерального мирового порядка довольно быстро перестало выдерживать испытание временем, то автор гораздо более жесткого и откровенного манифеста американского унилатерализма – Чарльз Краутхаммер – был достаточно осторожен, чтобы в своем прогнозе ограничить временной горизонт глобального доминирования США тремя-четырьмя десятилетиями (15). Впрочем, зимой 2003 г., накануне второй войны в Персидском заливе, Краутхаммер пересмотрел эту оценку и заявил, что никакая внешняя сила уже не может быть ограничителем мировой гегемонии США, а продолжительность эры однополярности зависит исключительно от внутреннего выбора американской нации (16). Однако считанные годы спустя после этого супертриумфалистского заявления среди аналитиков и обозревателей началась гонка манифестов с обратным знаком.

В числе текстов, возглашающих скорый конец «американского века», едва ли не самым ярким является книга Фарида Закарии «Постамериканский мир». Опубликованная в 2008 г., еще до краха банка Lehman Brothers и глобального обвала финансовых рынков, сегодня она производит странное впе-

чатление. Кажется, что автор хотел преподнести читателю (прежде всего – американскому) неприятную новость в успокаивающей оболочке. Закария видит главную проблему не в упадке Америки, а в «подъеме остальных» (the rise of the rest) (3, с. 25). Благодаря американскому экономическому, политическому, военному, культурному и моральному лидерству в мире были созданы огромные возможности, которыми, в конце концов, и воспользовались «остальные» во главе с Китаем и Индией. Получается, что многополярный постамериканский мир есть результат, в общем-то, успешного осуществления исторической миссии США.

Вместе с тем Закария откровенно и нелестно говорит об ошибках и провалах американского лидерства, которые привели к компрессии периода абсолютного американского доминирования после окончания «холодной войны». Ведь, в сущности, первоначальный прогноз Краутхаммера о 30 или 40-летней продолжительности «момента однополярности» был вполне реалистичным. Основная «заслуга» в столь быстром схлопывании унилатерализма принадлежит администрации Буша-младшего и вдохновлявшим ее политики неоконсерваторам, хотя свою долю ответственности несет и администрация Клинтона. По словам Закарии, «почти по всем статьям – решение проблем, достижение успеха, создание институтов, укрепление репутации – Вашингтон распорядился этими картами из рук вон плохо» (3, с. 232).

Можно сказать, что все эти провалы и неудачи эпохи американского всемогущества уже не столь важны, они остались в прошлом, жирную черту под которым подвел глобальный экономический кризис. Но именно кризис становится точкой невозврата и в процессе «постамериканизации». Международные отношения обретают новое качество, адаптироваться к которому придется всем их участникам. В том числе, разумеется, и России.

Мир многополярный, постамериканский – это то, к чему стремилась Россия, начиная, по крайней мере, со знаменитого разворота самолета Евгения Примакова над Атлантикой. Но теперь, когда желанный миропорядок начинает становиться политической реальностью, впору задать вопрос: а готова ли Россия к этому новому миропорядку? Осознают ли ее лидеры не только новые возможности, открывающиеся благодаря эрозии американской гегемонии, но и риски существования в мире силового мультицентризма? Ведь после окончания «холодной войны» Россия не только испытывала чувство горечи от приниженного положения в системе международных отношений и угрозы от попыток минимизировать ее влияние на постсоветском пространстве, но и вполне комфортно чувствовала себя в нише крупнейшего поставщика энергоносителей на европейский рынок. И хотя пребывание в этой нише, по крайней мере для России, можно рассматривать как признак экономической деградации в системе мирохозяйственных связей, Владимир Путин с успехом использовал «тучные годы» для терапевтического лечения

социальных травм, вызванных посткоммунистическими трансформациями, и для концентрации ресурсов, достаточной, чтобы позволить себе в Мюнхене «откровенный разговор» с западными партнерами. Теперь же, по истечении «тучных лет», за реализацию новых возможностей еще только предстоит бороться, и, по всей видимости, бороться упорно.

Для России американская гегемония была тягостна, неприятна, в иные моменты – едва выносима. Но все-таки стоит признать: раз уж какой-то державе было суждено на время достичь глобальной гегемонии, то в американской версии такая гегемония оказалась меньшим из зол. Гегемония, исходящая от любого европейского или азиатского государства, была бы, наверное, и вовсе непереносимой. И если представить себе совсем другой исход «холодной войны», то можно предположить, что советская глобальная гегемония была бы одним из худших видов гнета, а едва ли не главной его жертвой – народы самой державы-гегемона.

О всемирно-исторических уроках однополярного мира еще будут написаны целые библиотеки (теперь, разумеется, электронные), но несколько актуальных выводов для международной политики наступающей эры многополярности могут быть следующими:

- постамериканский мир – это пока не завершенное состояние, но необратимый процесс, имеющий свои стадии;
- на завершающих стадиях процесса «постамериканизации» следует стремиться к максимальному снижению его конфликтного потенциала;
- необходимо предотвратить возникновение в будущем любой новой глобальной гегемонии, от кого бы она ни исходила;
- необходимо найти работоспособные механизмы стабилизации многополярного мира, предотвращения его хаотизации и сползания к «холодной войне» всех против всех.

Эти выводы не являются специфическими и тем более исчерпывающими для России; они, скорее, позволяют увидеть, что в рамках нового, по всей вероятности совсем не либерального, миропорядка будут существовать возможности для согласования интересов самых разных акторов международных отношений. И в этом – шанс для России. Но далеко не единственный.

Глобальная срединная империя

«Подъем остальных» как движущая сила «постамериканизации» означает появление множества национальных «историй успеха» и, соответственно, множества игроков, претендующих на значительное укрепление своего международного статуса. Но на нынешней стадии становления многополярного мира все просто заморожено Китаем. Глобальный экономический и финансовый кризис способствовал тому, что все большее число аналитиков и ком-

ментаторов начинают рассматривать китайскую модель в качестве альтернативы Вашингтонскому консенсусу.

О возможности «Пекинского консенсуса» еще в 2004 г. писал Джошуа Рамо. Он перечислял следующие его компоненты: твердое осознание необходимости и стремления к модернизации и инновациям, сочетание долгосрочных целей и прагматичной тактики, опора на национальный суверенитет и стабильный экономический рост, социально-ориентированная экономика и асимметричные силовые ресурсы, например значительные накопления государственных долговых обязательств иностранных государств (18). Стивен Маркс видел суть «Пекинского консенсуса» в том, что основным инструментом достижения экономического процветания становится сильное авторитарное государство, управляемое эффективными лидерами, мало озабоченными степенью соответствия их действий западной ценностной матрице (17).

Преимущества китайской модели, продемонстрированные в ходе нынешнего кризиса, породили на Западе новую волну алармистских комментариев. Например, Анатолий Калецки полагает: «Перед Западом стоит выбор: или мы уступим и признаем, что Китай, как показывают пять тысяч лет изученной истории человечества, показал себя более успешной и долговечной культурой, нежели Америка или Западная Европа, и теперь возвращает себе естественное положение мирового лидера, или же перестанем отрицать факт соперничества между китайской и западной моделями и начнем всерьез думать о том, как можно реформировать западный капитализм, чтобы у нас было больше шансов на победу» (14).

В этом комментарии привлекает внимание не только представление ситуации в категориях «свой / чужой», но и повышенный градус идеологизации. Наоборот, коммунистический Китай, который во времена Мао был источником идеологической экспансии, после совершенного в 1978 г. прагматического поворота являет сегодня образец идеологической индифферентности и толерантности к любым существующим моделям социального и политического устройства. И в этом, очевидно, еще один секрет китайского успеха.

В России «пробуждения» Китая ждали и опасались на протяжении десятилетий. Не случайно при всех зигзагах российской (советской) внутренней и внешней политики, стремление к «нормализации отношений», а затем и к стратегическому партнерству оставалось внешнеполитической константой со времен Юрия Андропова. И нельзя не признать, что нынешний уровень российско-китайских отношений является ценнейшим достижением, которое, правда, все же не гарантирует нас от проблем и осложнений в будущем.

Однако ясно, что сохраняя и наращивая преимущества добрососедства с Китаем, необходимо избежать превращения России в его сателлита. Иначе говоря, фактическая слабость наших нынешних позиций в Азиатско-

Тихоокеанском регионе должна компенсироваться за счет активной политики, направленной на максимальную диверсификацию экономических и политических возможностей начиная с маршрутов экспорта энергоносителей и заканчивая механизмами безопасности.

Среди причин, по которым для России предпочтителен вариант стабильного, но несколько дистанцированного партнерства с Китаем, далеко не только гигантская разность демографических потенциалов с двух сторон нашей общей границы. Угроза китайского заселения Сибири и Дальнего Востока – это, скорее, «бумажный тигр», во всяком случае, в среднесрочной перспективе. Гораздо серьезнее перспектива закрепления структурного дисбаланса в двусторонней торговле, быстрого скатывания к положению сырьевого придатка новой «всемирной мастерской». Однако вопрос выхода из сырьевой ниши – эта общая проблема модернизации российской экономики, а не принципов торговых отношений между Москвой и Пекином.

Пожалуй, самая серьезная проблема, из-за которой России следует избегать слишком тесной привязки к китайскому локомотиву – это его скорость. Казалось бы, поддерживаемые уже не первое десятилетие двузначные (или близкие к двузначным) темпы экономического роста являются именно тем, чего нам так не хватает для успеха модернизации. Эти темпы и продолжительность роста действительно беспрецедентны, а способность нескольких поколений высшего руководства КПК – от Дэн Сяопина до Ху Цзиньтао – их поддерживать, избегая при этом острых социальных конфликтов, с достаточным основанием может претендовать на статус исторического рекорда управленческой эффективности. Но чем дольше длится китайское экономическое чудо, тем больше нарастают экономические, социальные и региональные диспропорции, и тем более опасными могут быть последствия резкого торможения.

Далеко не просто оценить и реальный набор социально-экономических опций, которыми сегодня располагают китайские лидеры. Хотя в условиях мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. были предприняты усилия, направленные на повышение роли внутреннего спроса как фактора роста, тем не менее экспортной ориентации китайской экономики пока нет убедительной альтернативы. Ясно также, что китайско-американский торговый и финансовый симбиоз, который Н. Фергюссон иронично назвал Chimerica, порождает все больше проблем и для Китая, и для США, и для мировой экономики в целом. Однако целенаправленные действия по «распариванию» (decoupling) Китая и США, возможность которых Фергюссон сегодня не исключает (12), могут вызвать на порядок более серьезные проблемы. Вполне вероятно, что обратный отсчет нового глобального экономического кризиса уже запущен, а таймер находится в Китае.

Китай не может не быть важнейшим партнером России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако сколь бы многообещающими ни казались перспективы стратегического взаимодействия России и Китая, нам необходимо стремиться к поиску страховочных механизмов, запасных вариантов и новых возможностей. Каковы же эти возможности?

К сожалению, неурегулированность территориального спора не позволяет рассматривать Японию в качестве партнера, сотрудничество с которым позволяло бы уравновесить китайский фактор. Возможно, в будущем рост экономического, политического и военного могущества КНР заставит японских политиков более философски относиться к факту российского контроля над Южными Курилами и не отягощать тем самым экономический и политический диалог с Москвой. Но в ближайшие годы Япония едва ли сможет и захочет выступить для России в качестве регионального балансира.

Несомненно, что России необходимо стремиться к интенсификации связей с восточноазиатскими региональными акторами второго порядка – Южной Кореей, Тайванем, Вьетнамом, Индонезией и другими странами АСЕАН. Ни один из этих акторов в одиночку не может служить альтернативой континентальному Китаю, но, по крайней мере, в совокупности их можно рассматривать как множество потенциальных опорных точек на периферии Срединной империи. Кроме того, придание самостоятельного значения сотрудничеству с отдельными странами АТР уже само по себе должно способствовать диверсификации, поскольку, например, в случаях Южной Кореи и Вьетнама конкретное наполнение такого сотрудничества будет иметь принципиальные отличия.

В общеазиатских масштабах ценнейшим партнером является Индия. Отсутствие конфликтного потенциала и восходящая к истокам индийской независимости традиция дружественных двусторонних отношений являются прочной основой стратегического взаимодействия Москвы и Дели в XXI в. Однако есть и трудности, главным образом психологического порядка. В России все еще не вполне освоились с тем, что Индия уже не может быть ведомым, что уже сейчас по ряду ключевых показателей эта страна является равновеликим партнером, а в скором будущем – более мощным полюсом постамериканского мира, чем Россия. Ситуация, в которой Индия может выступать в качестве успешного экономического конкурента, также пока не всеми воспринимается как стандартная.

Стоит вспомнить и о том, что некоторое время назад Дели несколько дистанцировался от Москвы и пошел на заметное сближение с Вашингтоном. Это сближение явилось серьезным успехом Индии, которая получила от США и фактическое признание своего статуса ядерной державы, и выраже-

ние готовности к равноправному стратегическому партнерству¹. Для России этот опыт весьма поучителен. В условиях новой активизации сотрудничества Москвы и Дели этот опыт также показывает, что улучшение отношений третьей страны с Америкой уже не обязательно является игрой с нулевой суммой в отношении России.

Вне всякого сомнения, Индия представляет собой собеседника, с которым в числе первых следует обсуждать и растущую китайскую мощь, и любую другую серьезную политическую проблему Евразии. При этом следует учитывать, что в Индии с ее опытом военного конфликта 1962 г. подъем Китая вызывает бóльшую настороженность, чем в России, которая сумела урегулировать пограничные проблемы с КНР. В то же время участие России и Индии в форматах ШОС и БРИК позволяет обеим странам принимать во внимание более широкий контекст глобальных изменений и выстраивать взаимодействие с Китаем именно в этом контексте.

И все же без учета американского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе нечего и думать о возможности успешного российского «поворота на Восток». Прежде всего, здесь обнаруживается, что и США, и Россия осознают ключевое значение региона для их будущего в XXI в. Далее, именно в этом важнейшем регионе у России и США нет сколько-нибудь серьезного конфликта интересов. В то же время резервы взаимодействия в самых разных областях очень велики. И если говорить о расстановке сил и тенденциях безопасности в АТР (хотя бы на время абстрагируясь от общего баланса российско-американских отношений), то следовало бы признать, что военное присутствие США в АТР вовсе не противоречит интересам России. Если укрепление позиций США и НАТО вблизи западных и южных рубежей России является, как минимум, фактором дискомфорта, то в АТР дело обстоит иначе. Во всяком случае, России едва ли имеет смысл вливаться в число энтузиастов лозунга «Окинава без американцев», который столь неудачно пытался осуществить бывший японский премьер Ю. Хатояма. Причем лежащая на поверхности причина сохраняющейся потребности в американском военном присутствии в регионе – угроза резкой дестабилизации положения на корейском полуострове – не является далеко единственной.

Сказанное не означает, что России нужно очертя голову формировать вместе с США какие-то новые схемы региональной безопасности, которые неизбежно стали бы рассматриваться Пекином как направленные против его интересов. Здесь, в самом деле, нужно четко проводить грань между поиском оптимального для России баланса сил и созданием реальных или виртуаль-

---

1. В «Постамериканском мире» Фарида Закарии отношения в треугольнике Вашингтон–Дели–Пекин характеризуются довольно прямолинейно: глава об Индии называется «Союзник», глава, посвященная Китаю, – «Соперник».

ных антикитайских коалиций, участие в которых для России совершенно недопустимо. В то же время именно раскрытие потенциала российско-американского взаимодействия в АТР могло бы стать основанием для будущих отношений между Россией и США, для сохранения и развития крайне хрупких результатов «перезагрузки».

Отношения с державой № 1 постамериканского мира

Звучит иронично и одновременно банально: державой № 1 постамериканского мира остаются США. Ослабление американского могущества продолжается, но не следует думать, что этот процесс бесконечен. Во-первых, неуклонный подъем основного конкурента – Китая – также не является чем-то предопределенным. Во-вторых, даже в случае нового, еще более мощного удара кризиса можно ожидать, что Америка, в конце концов, выйдет на некоторое плато, и дальнейшее (относительное) снижение ее глобальной роли приостановится. Помимо всего прочего, в пользу этого говорит главный фактор – человеческие ресурсы. В этом смысле Америка имеет много шансов сохранить за собой предпочтительные позиции в новой системе международных экономических и политических отношений.

С другой стороны, проблемы Америки как нисходящей сверхдержавы не только огромны – они глобальны, поскольку любой вариант их решения (или отказа от решения) будет иметь глобальные последствия. Кризис показал не просто зависимость всего остального мира от Америки как всемирного центра финансового могущества и главного источника дестабилизации мировой экономики, но и огромную социальную цену, которую придется рано или поздно платить *всем* за санацию этой системы. Между тем почти вся антикризисная активность «большой двадцатки» и институтов Вашингтонского консенсуса начиная с сентября 2008 г. свелась к тому, чтобы эту санацию отстрочить.

Вообще говоря, никакие меры по преодолению нынешнего кризиса не могут дать результата, если их основным объектом не является американская экономика и финансовые институты. В числе этих мер немало таких, которые будут способствовать укреплению постамериканского мира. Так, сколько-нибудь существенное сокращение дефицита федерального бюджета США просто невозможно без значительного сокращения военных расходов. Пока Америка еще продолжает вести две бушевские войны, эти расходы всерьез никто сокращать не решится. Но после видимого завершения непосредственной вовлеченности Америки хотя бы в одну из этих войн (скорее всего, в Ираке), вопрос о судьбе расходов на оборону уже обойти не удастся. Внешнее влияние в этой будущей дискуссии решающим не будет, но, по крайней мере, России стоило бы продемонстрировать поведение, которое сторонники су-

щественного сокращения американских военных расходов могли бы истолковать в свою пользу. Основной смысл такой позиции состоит в том, чтобы способствовать «мягкой посадке» Вашингтона в постамериканский мир, предотвратить стратегически безнадежные, но нервнующие Россию попытки восстановить ускользающую глобальную гегемонию США. Не менее важно для России создать в обозримом будущем благоприятные предпосылки для конструктивного и стабильного партнерства с США.

По всей видимости, перезагрузка как важный внешнеполитический проект администрации Барака Обамы представляет собой один из компонентов комплексной переоценки глобальной роли США в контексте мирового кризиса. Возможно, для Обамы и его ближайших сотрудников важен был и момент разрыва с внешнеполитическим наследием предшествующей администрации, однако решающего значения он не имеет. Общее понимание, очевидно, состояло в том, что в мире XXI в. совсем не Россия будет представлять для Америки основную проблему. Вероятно, что американские инициаторы перезагрузки желали бы также убедить своих российских партнеров, что в мире XXI в. основную проблему для России будет представлять не Америка.

Но чем же обернулась перезагрузка на деле? В России с началом глобальных экономических потрясений многие с торжеством возвестили «закат Америки», хотя кризис одновременно поставил вопрос и о подлинной цене путинских «тучных лет». В Америке, в свою очередь, немало обозревателей были рады приветствовать «падение России с небес на землю» (19). Даже вице-президент Джо Байден, который первым ввел в оборот термин «перезагрузка», не отказал себе в удовольствии заявить: «Реальность в том, что русские находятся там, где они есть. Они имеют сужающуюся демографическую базу, увядающую экономику, банковский сектор и структуру, которые вряд ли будут способны выстоять на протяжении следующих 15 лет, они в положении, когда мир меняется быстрее их, а они цепляются за нечто в прошлом, что не является устойчивым» (цит. по: 12).

Таким образом, поначалу перезагрузка немногим отличалась от российско-американских интеракций постсоветской эпохи, характеризующихся столкновением ресентимента с высокомерием. Между тем в результате кризиса обе страны оказались в рядах проигравших, и именно это обстоятельство должно было стать реалистичной основой для диалога на основе баланса интересов. Но и здесь ситуация оказалась парадоксальной. Например, Сергей Караганов совместно с рядом коллег из Совета по внешней и оборонной политике сформулировал весьма радикальную программу «большой сделки» – компромисса, нацеленного на нахождение баланса интересов России и США (4). По всей видимости, к ней с пониманием отнеслись близкие к администрации Обамы сторонники реалистического подхода, а динамика двусторон-

них отношений на протяжении последнего года создавала впечатление, что стороны негласно следуют основным параметрам «большой сделки», когда Россия демонстрирует конструктивный подход в отношении американских интересов в различных регионах Азии и сдержанность на постсоветском пространстве, а США, в свою очередь, воздерживаются от попыток дальнейшего ослабления позиций России в странах СНГ и формирования еще более дискриминирующей Россию архитектуры безопасности в Европе. Но именно негласно. На официальном уровне эти параметры невозможно даже вербализовать, не говоря уже об их переводе в статус комплексных формальных договоренностей. В результате даже после подписания Пражского договора (СНВ-3) и поддержки Россией санкций против Ирана в Совете Безопасности ООН все выглядит как весьма избирательное улучшение двусторонних отношений, или, используя путинскую метафору, «выковыривание изюма из булки». Мало того, вслед за каждым, даже незначительным шагом по пути перезагрузки, следуют заявления или действия, призванные сгладить их эффект, продемонстрировать локальный характер, доказать, что США по-прежнему следуют курсу на «продвижение демократии» на постсоветском пространстве и отвергают любые претензии на «сферы влияния», от кого бы они ни исходили.

Объяснения тому связаны, главным образом, со спецификой формирования американской политики по отношению к России, которая с начала 1990-х годов определялась «негибкими» реалистами и неоконсерваторами, а также внутренними группами, преследующими собственные интересы, – в частности, корпорациями с участием зарубежного капитала и этническими общинами (1, с. 26). Но если перезагрузка пока даже не сумела существенно повлиять на доминантный дискурс российско-американских отношений, то едва ли стоит удивляться, что при первом же серьезном внутривластном повороте в США (а таковым стали итоги промежуточных выборов 2010 г. в Конгресс) почти весь позитив перезагрузки может быть скомкан, а то и вовсе отброшен в угоду электоральным перспективам одной из влиятельных групп американской политической элиты.

Значит ли это, что идеи перезагрузки или – тем более – «большой сделки» в принципе неработоспособны? В качестве селективного подхода перезагрузка едва ли может рассчитывать на успех, но если перезагрузку понимать как кропотливую и целенаправленную работу по формированию устойчивой основы российско-американских отношений в XXI в., то у нее есть неплохие шансы. В этом смысле азиатский фокус поиска взаимного баланса интересов может иметь решающее значение. Однако сам этот баланс должен в конечном счете зафиксировать изменение общего соотношения сил, в котором США – все еще наиболее мощная держава постамериканского мира, а Россия – один из полюсов нового мирового порядка и (по совместительству)

крупнейшая страна Евразии. Политические следствия такого баланса интересов должны быть вербализованы, *проговорены* на уровне политической элиты США и России, а затем и трансформированы в совокупность формальных и неформальных обязательств.

Насколько далеко могут (и должны) идти эти обязательства? Основным контекстом выстраивания российско-американского партнерства является возвышение Китая и возникающая в связи с этим новая сфера близости интересов России и Америки. Учитывая «низкий старт» двусторонних отношений, Россия заинтересована в том, чтобы в обозримой перспективе ее уровень партнерства с Америкой оказался сопоставимым с нынешним уровнем российско-китайских отношений. Но если двигаться в этом направлении дальше, то плюсы со все возрастающей скоростью начнут меняться на минусы, поскольку перерастание гибкого партнерства в жесткий набор двусторонних обязательств выдвинет Россию на авансцену соперничества двух ведущих держав современного мира. И тогда Россия, в конце концов, окажется втянута в игру, в которой в лучшем случае останется на вторых ролях, а в худшем – превратится из игрока в фигуру, которой основные игроки при случае могут и пожертвовать.

По всей видимости, во втором десятилетии XXI в. разговоры об интеграции России в НАТО или какую-либо другую форму военно-политического союза с участием США и стран ЕС будут только усиливаться. Пока такие разговоры далеки от конкретики, но они начались и начались не случайно. О динамике этого процесса можно судить и по характеру обсуждения проекта общеевропейского Договора о коллективной безопасности, предложенного президентом России. Достаточно характерно, что саму идею не решился отвергнуть никто, даже натовские новобранцы из стран Центральной и Восточной Европы, для политической элиты которых едва ли не экзистенциальное значение имеет удержание России вне рамок той системы безопасности, функционирование которой обеспечивает НАТО. В результате в Москве уже третий год слышат вежливые заявления о намерении «тщательно изучить» и «всесторонне рассмотреть» российскую инициативу. Несколько реже звучат фразы о принципиальной поддержке предложенного Договора и о солидарности с его базовым постулатом о неделимости европейской безопасности. Можно предположить, что «тщательное изучение» и «всестороннее рассмотрение» будут продолжаться до греческих календ, если только в один момент наши партнеры в Вашингтоне и Брюсселе не захотят обнаружить, что такой Договор, в сущности, предлагает единую систему безопасности не только для Европы, но для индустриально развитого Севера в целом, и исключает из этой системы Китай и другие страны быстро развивающегося Юга.

Вероятно, что кошмарный сон российской внешней политики – дальнейшее расширение НАТО на восток – так и не станет явью. В сущности,

в этом состоит основное достижение мюнхенского курса Владимира Путина, хотя, скорее всего, экспансия НАТО на постсоветском пространстве окончательно утратит свою актуальность в контексте общей динамики «постамериканизации». Проект Договора об общеевропейской безопасности также призван блокировать расширение НАТО, но если эта цель будет достигнута, то лишь как международно-правовая фиксация *fait accompli*. Следовательно, это уже не тот приз, за который стоит платить любую политическую цену. Гораздо большее значение имеет сама возможность равноправного участия в определении правил игры как в вопросах европейской безопасности, так и в том, что касается более широкого спектра межгосударственных отношений в Большой Европе.

Европейские надежды и азиатские реалии

С Европой связаны фундаментальные интересы России. Но ситуация здесь почти патовая. Периодически возобновляющиеся разговоры о стратегическом партнерстве Европейского союза и России, скорее, оттеняют их взаимное отчуждение. Впрочем, также и взаимное удовлетворение: Евросоюз доволен уже тем, что Россия (в отличие от почти столь же проблемной Турции) даже не пытается претендовать на членство в этом объединении, тогда как Москва может видеть все больше плюсов в том, что ее к этому никто и не подталкивает. Сам институциональный дизайн ЕС (даже с новоприобретенными «президентом» и «министром иностранных дел») фактически блокирует сколько-нибудь существенное сближение с Москвой. Это не значит, что вовсе исключен прогресс на отдельных направлениях, как, например, установление безвизового режима для краткосрочных поездок. Но ожидать каких-то качественных прорывов в отношениях между Россией и институтами Евросоюза (если, конечно, не относить к числу прорывов велеречивые декларации о партнерстве и долгосрочные планы действий) в ординарных обстоятельствах едва ли приходится. Хуже всего то, что участие в ЕС неизбежно ограничивает свободу политического маневра отдельных его членов, включая и самых мощных, с которыми Россия стремится развивать привилегированные отношения на двусторонней основе.

Тупиковая ситуация на европейском направлении может быть преодолена в случае, если внутренние и внешние обстоятельства развития стран ЕС драматически изменятся. Если же динамика процессов в Евросоюзе будет носить рутинный характер, то, очевидно, это интеграционное объединение так и останется «успешной проваливающейся организацией» (8, с. 68). Проект евроинтеграции слишком инерционен, чтобы кто-либо из облеченных властью политиков стран ЕС решился заявить о необходимости завершить этот, безусловно, великий исторический эксперимент. Скорее, напротив, да-

же при усилении позиций евроскептиков и росте их поддержки среди европейских избирателей громоздкая машина ЕС будет набирать обороты.

Но в конце концов ничто не вечно. И в этом смысле России, ее политической и интеллектуальной элите важно не отворачиваться от ЕС-овской машины, а вести разговор как с ее функционерами, так и с европейской общественностью, т.е. с той силой, с выходом которой на политическую арену Юрген Хабермас и Жак Деррида относительно недавно связывали надежды на «второе рождение Европы» (2). Надежды двух философов оказались преждевременными, но европейская публичная сфера все-таки играет очень важную роль в том, что касается определения ситуации (буквально по теореме Томаса: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»). Конкретно, в новом определении европейской ситуации интересам России могла бы соответствовать фиксация, по крайней мере, двух вещей:

- Европейский союз не равнозначен Европе;
- другая Европа возможна.

Даже если Россия определяет свою собственную ситуацию как участие в «подъеме остальных», то открытость к широкому диалогу с отдельными странами ЕС и с Евросоюзом в целом должна сохраняться. Более того, в данном случае особенно важна способность генерировать нестандартные идеи и ходы, задающие направления диалогу. В этом смысле можно только приветствовать идею «Союза Европы» (5), которую намерен продвигать Сергей Караганов. Будучи весьма проблематичной в качестве конечной цели, она очень важна процессуально, поскольку может серьезно расширить пространство маневра для России, государств – членов ЕС, других европейских или полувосточных стран.

Последняя группа имеет особенное значение. Сергей Караганов не случайно упомянул в числе потенциальных инициаторов Союза Европы такие страны, как Турция, Казахстан и Украина. Сближение России с Турцией в последние годы – один из самых интересных и неожиданных поворотов в процессе становления постамериканского мира. Турция с ее мощным потенциалом и серьезными амбициями не может оставаться вечным просителем в приемной Евросоюза. Осознавая свою страну ведущим центром силы в одном из ключевых регионов мира, находящиеся у власти в Анкаре представители партии Справедливости и развития делают все более решительные шаги в направлении нового позиционирования Турции в глобальной политике. И здесь обнаруживается близость интересов России и Турции, по крайней мере на данном этапе процесса «постамериканизации». Не исключено, что Россия и Турция могли бы предпринять совместные усилия по выработке консолидированного подхода в отношении Европейского союза и будущего Большой Европы.

Наконец, Украина. Динамичные позитивные изменения в российско-украинских отношениях после избрания президентом Виктора Януковича относятся к числу наиболее ярких событий 2010 г. Но есть опасность растратить этот потенциал, если Москва и Киев будут ориентироваться на существующие шаблоны межгосударственных отношений на постсоветском пространстве. «Бегство от Москвы» – альфа и омега политики прежней украинской власти – оказалось прорывом не в Европу, а в геополитический тупик. Но и резкие движения в противоположном направлении не сулят Киеву больших дивидендов, особенно если они будут опираться на существующие институциональные формы сотрудничества постсоветских государств. России следовало бы помочь нынешней украинской власти в определении особого положения Украины в Большой Европе, где она могла бы играть действительно активную и уникальную роль, к которой с равным уважением будут относиться и в Москве, и в Брюсселе, и в Вашингтоне. И если России имеет смысл претендовать на статус самостоятельной силы в масштабах всего постамериканского мира, то и Украине стоит стремиться к аналогичному положению в Большой Европе.

При всей важности поиска новой формулы Большой Европы и расширения в процессе этого поиска пространства политического маневра для России, все же следует исходить из фактической расстановки сил и наличия «лиссабонской» модели ЕС. Диалог с Евросоюзом необходим, трудности в нем неизбежны. И даже ради одного упрочения позиций России в этом диалоге требуется осуществить поворот на восток, максимально использовать возможности, связанные с перемещением центра глобальной финансовой и индустриальной мощи в Азиатско-Тихоокеанский регион. Только утвердившись там в качестве активного и влиятельного игрока, Россия сможет вести диалог с другими европейскими странами более уверенно. И главное: российские территории к востоку от Урала должны стать задействованным резервом национального развития, а не пространством демографического и индустриального вакуума.

Глобальное междуцарствие:

От постамериканизации к поствестернизации

При обсуждении перспектив России в многополярном мире нельзя обойти вниманием и аргументы более общего порядка. Зигмунт Бауман, анализируя динамику модерна в начале XXI в., обращается к термину *Interregnum* – междуцарствие, который Антонио Грамши использовал для характеристики ситуации ожидания радикальных перемен, вызванных социальными потрясениями эпохи Великой депрессии (7). Грамши вкладывал в понятие «междуцарствие» свой особый смысл, имея в виду одновременные и глубокие изме-

нения социального, политического и юридического порядка. Как и тогда, сегодня старые концепции, институты и механизмы влечат свое существование, демонстрируя прогрессирующую дисфункциональность. Глобальный капитализм в его «докризисном» виде, Вашингтонский консенсус, западное государство всеобщего благосостояния, «постбиполярные» механизмы безопасности и т.д. сохраняются, но вера в их жизнеспособность тает. В то же время никакой полноценной замены этим столпам современности пока не видно.

Процесс «постамериканизации» также вписывается в эту картину «междуцарствия», но не исчерпывает ее. Вполне уместно говорить о более общем процессе «поствестернизации», имея в виду завершение эпохи доминирования цивилизации Запада и множасьщиеся опровержения догмата о сингулярности европейской (западной) версии модерна.

Как известно, концепция множественности модернов (multiple modernities) была выдвинута Шмуэлем Эйзенштадтом, который подчеркивает, что структурная дифференциация неевропейских обществ совсем не обязательно воспроизводит европейскую модель. По его мнению, европейская модель стимулирует появление различных институциональных и идеологических паттернов за пределами Европы. Эйзенштадт пишет: «Существенно, что эти паттерны не конституировали простое продолжение в современной эре традиций их обществ. Такие паттерны, несомненно, относились к модерну, хотя и испытывали сильнейшее воздействие специфических культурных посылок, традиций и исторического опыта. ...Идея множественности модернов означает, что наилучший путь понимания современного мира ...состоит в рассмотрении его как повествования о непрерывном конституировании и реконституировании разнообразия культурных программ» (10, с. 2).

В контексте теории Эйзенштадта метафора «междуцарствия» могла бы означать, что западная версия модерна в основном исчерпывает свою миссию «перенастройки» незападных культурных программ и вступает в период сосуществования и конкуренции с другими, возникшими на основе этих программ версиями модерна. Но это сосуществование означает ни больше, ни меньше, как признание плюрализма базовых ценностей, институтов и моделей политического устройства, следующее за признанием плюрализма культурных программ.

В рамках динамических изменений системы международных отношений можно наблюдать многочисленные манифестации тех же самых сдвигов. Достаточно указать на феномен БРИК и активную роль России в качестве участника этой группы. Разумеется, активность России в рамках этого международного формата принимается далеко не всеми, причем среди тех, кто наиболее жестко ставит под сомнение обоснованность присутствия России в новом лидерском клубе, есть и весьма известные фигуры – такие, как Нуриэль Рубини или Джозеф Най. Характерно, впрочем, что подавляющее боль-

шинство этих голосов раздается не из Китая, Индии или Бразилии. По странному стечению обстоятельств, критики российской вовлеченности в конструкцию БРИК особенно активны в странах Запада, а также в среде убежденных отечественных вестернизаторов.

Любопытно, что автор термина «мягкая сила» Дж. Най, с большой осторожностью отзывающийся о феномене БРИК в целом (6), умалчивает, что эта конструкция становится новым источником «мягкой силы». При этом устойчивость всей конструкции БРИК может быть обеспечена только благодаря предельно широкому и гибкому толкованию демократии и прав человека, признанию плюрализма ценностей, культурных программ и моделей политического устройства.

Следует отметить, что привлекательность и влияние БРИК сохраняются до тех пор, пока это объединение воздерживается от эволюции в сторону формирования жесткой институциональной структуры и принятия на себя ее участниками существенных обязательств по отношению друг к другу. Если это произойдет, то тогда, в самом деле, осуществляются многие из мрачных пророчеств критиков БРИК, и стратегия взаимного выигрыша обернется нарастающими разногласиями и соперничеством.

Несомненно, что феномен БРИК ставит дополнительные вопросы к преобладающим концептуализациям международных отношений. Сдвиг в сторону постамериканского мира побуждает к их корректировке, например, к тому, чтобы отделить качественные характеристики международного порядка от изменения глобальной роли США. Так, Джон Айкенберри выражает убеждение в устойчивости либерального международного порядка даже в условиях относительного ослабления могущества США. Айкенберри готов говорить лишь о «кризисе успеха», но не о кризисе представлений о сингулярности проекта модерна. Логика его рассуждений основывается на предпосылке, что движущей силой единого проекта модерна выступает общий интерес ведущих международных акторов к воспроизводству либерального порядка, который, по крайней мере теоретически, приносит блага всем и каждому. При этом получается, что потребности и интересы России, Китая и других западных держав могут быть удовлетворены благодаря еще большему распространению принципов и практик западного либерализма (13).

Международный порядок – вещь весьма инерционная, и в условиях «междоцарствия» трудно ожидать его быстрого переформатирования. Скорее всего, многие устойчивые глобальные взаимозависимости в сферах безопасности, торговли, финансов и охраны окружающей среды будут трансформироваться гораздо медленнее, чем изменение экономического и политического веса ведущих глобальных игроков. Однако фундаментальной особенностью либерального международного порядка является установление иерархиче-

ских отношений, которое в долгосрочном плане несовместимо с «подъемом остальных».

Неудивительно, что реакция западного экспертного сообщества на возвышение незападных держав характеризуется растерянностью и даже алармизмом. С одной стороны, ряд комментаторов и аналитиков видят в этих державах чужаков, представляющих угрозу. С другой стороны, слышатся голоса в пользу того, чтобы рассматривать усиливающиеся страны незападного мира как «нам подобных», нуждающихся в социализации и в обучении соблюдать правила. Как отмечает Тим Данн, в контексте современной международной политики обе стратегии выступают манифестациями представлений о безальтернативности западной версии модерна, причем такой подход останется востребованным даже несмотря на его прогрессирующую неадекватность (9, с. 542).

Означает ли это, что и Россия «обречена» адаптироваться к постамериканскому миру, упорно сохраняя верность догме о сингулярности модерна? Оправданно ли в эпоху «междоцарствия» форсировать цивилизационный выбор, или, по крайней мере, связывать себя жесткими внешнеполитическими обязательствами, которые свидетельствовали бы о приверженности западной версии модерна?

Вопрос состоит не в том, что цивилизационный выбор в пользу Запада невозможен, неприемлем или недопустим, а либеральные ценности на российской почве прорастают какими-то уродливыми сорняками. Одной из основных составляющих взаимного разочарования России и Запада после окончания «холодной войны» было как раз то, что зона совпадения или близости ценностей очень велика, тогда как различия казались в конечном счете преодолимыми. Но в итоге в России сформировалось стойкое убеждение, что дискуссии о ценностях направлены на подрыв российских интересов, тогда как многие на Западе от неоправданных иллюзий периода горбачёвской перестройки и ельцинских реформ перешли к уверенности в «неисправимости» России. В этих условиях единственным конструктивным решением может быть перевод политических дискуссий на язык интересов; споры о ценностях лучше оставить представителям научного сообщества и активистам неправительственных организаций.

Хотя 20-летие распада СССР уже не за горами, крайне преждевременно говорить о том, что посткоммунистические трансформации в новой России окончательно завершены, сформировалась новая политическая нация, а общество справилось со всеми последствиями социальных травм. Сам факт того, что Дмитрию Медведеву потребовалось провозглашать курс на модернизацию, свидетельствует, по крайней мере, о частичной неудаче всей постсоветской социально-экономической политики, основной вектор которой (даже в период воссоздания «вертикали власти») оставался либеральным и

вестернизаторским. Ясно, что требуется поворот, серьезная коррекция курса. И если уж решено называть этот поворот «модернизацией», то следует, по крайней мере, исходить из того, что модернизация в эпоху междоусобицы модерна должна быть сугубо прагматическим действием. В сущности, это все та же кошка Дэн Сяопина, единственным значимым качеством которой является эффективность в ловле мышей, а не соответствие стандартам породы западного модерна. Если экономика России, ее государство и общество начнут «ловить мышей», то локализация российского модерна в *созвездии современностей* не заставит себя ждать, а вопрос о его совместимости либо несовместимости с западной версией модерна может затем сколь угодно долго оставаться предметом академической дискуссии.

Незаменимый полюс и свобода выбора

Несмотря на огромное количество различных комбинаций, в многополярном мире внешнеполитический выбор, в сущности, сводится к двум основным вариантам: быть одним из самостоятельных полюсов мультицентричной системы международных отношений (или стремиться к этому статусу) либо находиться в чьей-либо зоне притяжения. Понятно, что это две отличающиеся друг от друга стратегии поведения и мобилизации ресурсов. Это также и две принципиально различных модели восприятия внешнеполитических рисков.

Россия, как крупнейший осколок Советского Союза, объективно все еще имеет немало оснований претендовать на статус одного из полюсов в многополярном мире. Однако общая динамика на протяжении двух последних десятилетий в случае России была понижательной, а для периода 1990-х годов – обвальной. Даже стабилизация и нефтегазовый бум периода президентства Владимира Путина пока могут рассматриваться лишь как временное торможение в этом крутом движении вниз. Заявленная Дмитрием Медведевым программа модернизации представляет собой новую попытку изменить негативный тренд, но насколько она окажется успешной станет ясно на протяжении второго десятилетия XXI в. Иными словами, Россия пока по инерции остается одним из полюсов мировой политики, но в дальнейшем для сохранения в этом качестве российской власти потребуется привлекать все больше дополнительных ресурсов.

В связи с этим можно ожидать роста популярности среди части российской политической элиты древней максимы *Quod licet Iovi, non licet bovi*. Если негативный тренд не будет остановлен, то появятся обоснования и сторонники нового понижения позиции России во всемирной таблице о рангах. Основные аргументы будут состоять в том, что мы не можем себе позволить аккумулировать значительные ресурсы в целях сохранения статуса одного из

центров многополярного мира, а также в том, что вхождение в зону притяжения какого-то другого полюса позволит оптимизировать риски существования в турбулентной среде, возмущение которой становится почти неизбежным в период завершения американской глобальной гегемонии.

В принципе, отвергать эту позицию только потому, что Россия должна быть великой, могучей и никакой иной, по меньшей мере, недальновидно. При определенных обстоятельствах у нас в самом деле может не оказаться другого выбора. Но несомненно, что любая власть в России должна стремиться к предотвращению подобной ситуации.

Для России существуют и специфические основания к удержанию статуса одного из полюсов многополярного мира и сохранению при этом максимальной степени свободы внешнеполитического маневра. Многовекторность и высокая маневренность российской внешней политики в нынешних условиях выступают важными механизмами компенсации слабостей, обусловленных структурой экономики, демографической динамикой, низким качеством управления, коррупцией и технологическим отставанием. Но помимо решения тактических задач, маневренность должна иметь и «сверхзадачу»: не принадлежа к первой тройке основных центров силы постамериканского мира, Россия должна быть тем полюсом, полномасштабное стратегическое партнерство с которым способно обеспечить несомненный и решающий перевес для любого из основных центров силы. До последнего времени наибольшую готовность воспринимать Россию подобным образом демонстрировал Китай. Однако перезагрузка и некоторые актуальные изменения в позиции Европейского союза говорят о том, что в Вашингтоне и Брюсселе по крайней мере не исключают, что и для них партнерство с Россией будет незаменимым в контексте многополярного мира.

Но опять-таки: все эти преимущества могут проявиться и сохраняться до тех пор, пока Россия остается в положении самостоятельного центра силы многополярного мира, располагающего свободой маневра и открытого для развития партнерских отношений с самыми разными глобальными игроками. Как только на смену этому состоянию придет вовлеченность в какие-либо жесткие союзы и / или интеграционные механизмы с участием более мощных центров силы, преимущества окажутся утраченными. Получается, что Россия должна быть везде и ни с кем.

В конечном счете сохранение за Россией статуса самостоятельного глобального игрока, даже если оно потребует привлечения серьезных дополнительных ресурсов, окажется менее затратным и рискованным, чем вхождение в зону притяжения одного из более мощных полюсов. В последнем случае затраты ресурсов и риски будут обусловлены усиливающимся внутренним напряжением, вызванным необходимостью удерживать развитие общества и государства в русле, общее направление которого задано извне. Вполне по-

нятна логика сторонников этого подхода, заключающаяся в том, чтобы через жесткие внешние обязательства, наподобие акцептации массива *acquis communautaire*, подтолкнуть запаздывающие внутренние изменения. К сожалению, более реальным представляется сценарий, при котором подгоняемые под импортный шаблон внутренние изменения, с одной стороны, приведут к новой волне имитации институциональных практик демократического правового государства, а с другой – запустят цепную реакцию вполне реальных дестабилизирующих сдвигов в сфере межнациональных и федеративных отношений.

Именно поэтому совокупность возможностей, открывающихся перед Россией в процессе становления постамериканского мира, должна быть использована для создания благоприятных условий внутреннего развития страны, а не для их усложнения, связанного с вовлеченностью в жесткие союзы и поспешной ориентацией на одну из нескольких актуальных версий модерна. В то же время российское общество нуждается в подлинной открытости миру, в широком диалоге и обмене опытом с носителями самых разных культурных программ, в готовности воспринимать извне все, что может способствовать практическому решению внутренних проблем. То, что действительно имеет высокую цену в эпоху многополярности – это свобода выбора. Не только выбора стратегических партнеров, но также выбора путей и методов модернизации и даже образа *желаемой современности*.

Литература

1. Айкенберри Д., Дьюдни Д. Отступление от соглашений времен холодной войны // Россия в глобальной политике. – Январь-февраль 2010, № 1. – С. 8–29.
2. Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: Второе рождение Европы. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=715>
3. Закария Ф. Постамериканский мир. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 280 с.
4. Караганов С. Перенастройка, а не перезагрузка. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13643
5. Караганов С. Союз Европы: Последний шанс? – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Soyuz-Evropy-poslednii-shans-14943>
6. Най Дж. В чем смысл БРИК? – Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/nye82/Russian>
7. Bauman Z. Communism: A postmortem? Two decades on, another anniversary // Thesis Eleven. – Vol. 100. – 2010, February. – P. 128–140.
8. Beck U., Grande E. Cosmopolitanism: Europe's way out of crisis // European journal of social theory. – London; Thousand Oaks, CA; New Delhi, 2007. – Vol. 10. – N 1. – P. 67–85.
9. Dunne T. The liberal order and the modern project // Millenium: Journal of international studies. – 2010. – Vol. 38 (3). – P. 535–543.
10. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. – 2000. – Vol. 129. – N 1. – P. 1–29.
11. Excerpts: Biden on Eastern Europe. – Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB124846217750479721.html>

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

---

12. Ferguson N. Winter note: What «Chimerica» hath wrought. – Mode of access: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=533>
13. Ikenberry G.J. Liberal internationalism 3.0: America and the dilemmas of liberal world order // Perspectives on politics. – April 2009. – N 7 (1). – P. 71–87.
14. Kaletsky A. We need a new capitalism to take on China // The Times. February 4, 2010.
15. Krauthammer C. The unipolar moment // Foreign affairs. – Vol. 70. – N 1. – Winter 1990 / 1991. – P. 5–22.
16. Krauthammer C. The unipolar moment revisited // The national interest. – Winter 2002 / 2003. – P. 5–17.
17. Marks S. Introduction / Manji F., Marks S. (eds.) African perspective on China in Africa. – Cape Town: Fahamuy, 2007. – P. 5–12.
18. Ramo J.C. The Beijing consensus. – Mode of access: <http://www.adelinotorres.com/asia/J%20Cooper%20Ramo-The%20Beijing%20Consensus.pdf>
19. Rubini N. BRICKbats for the Russian bear // The globe and mail. October 19, 2009.

Х. Фогель

**ПЕРЕДЫШКА ИЛИ ПОВОРОТ?
(К ТЕКУЩИМ ДИСКУССИЯМ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ)**

Хайнрих Фогель – немецкий политолог.

Призыв президента Медведева к российским дипломатам в 2009 г. сочетать модернизацию страны с содержанием и стилем внешней политики свидетельствовал о прагматическом изменении курса, при котором традиционная великодержавная политика должна была уступить место открытости Западу. Последовало несколько сенсационных инициатив, ожививших дискуссии о российской внешней политике на Западе – таких как предложение создать общеевропейскую систему безопасности, интенсифицировать сотрудничество с НАТО и сформировать континентальный общий рынок от Лиссабона до Владивостока.

ЕС и администрация Обамы встречают эти сигналы с позитивным любопытством. Тем не менее сдержанность Москвы в поисках согласованных решений во многих конфликтных областях международной политики, с одной стороны, и противоречивые тенденции во внутренней политике России – с другой, продолжают усиливать сомнения. Скепсис проявляют прежде всего новые члены ЕС из Центральной и Восточной Европы и Прибалтики, а в США фундаменталистская консервативная оппозиция клеймит готовность администрации к «перезагрузке» отношений с Россией как предательство интересов собственной безопасности. Представители исторической школы указывают на традицию русской политики – в периоды слабости брать передышку для сотрудничества, чтобы потом с новыми силами вновь возвратиться к старой игре с нулевой суммой в соответствии с девизом, приписываемым Петру Великому: «Пару десятилетий Европа будет нам нужна, но потом мы отвернемся от нее».

После распада Советского Союза отношение к России как новому партнеру постоянно зависит от того, можно ли верить ей. Однако ни исторических аналогий, ни одной лишь надежды на новую эру стратегического парт-

нерства недостаточно, чтобы оценить серьезность провозглашенного Москвой изменения курса. В этой статье обобщаются итоги последних лет, рассматриваются возможные мотивы нового развития событий, анализируются примеры аргументации и адресные группы российской внешней политики, а также образцы желаемой модернизации и ее партнеры.

Новый экономический реализм

«Запад не любит нас, потому что мы большие и сильные». Этот тезис Владимира Путина, относящийся к 2006 г., наилучшим образом выражает возобновленную претензию России на статус великой державы. И действительно, консолидация централизованного российского государства, восстановление контроля над государством и обществом, высокие темпы роста экономики и успешная демонстрация силы в области энергетической и военной политики против Украины и Грузии вновь послужили основанием для взгляда на международную политику как на игру с нулевой суммой между соперничающими державами.

Для Кремля возобновившаяся конфронтация с Западом имела желательный побочный эффект – внутривнутриполитические и общественно-политические недостатки отступили в общественном сознании на задний план. Поставив российской общественности диагноз «ослабленный иммунитет против внешних влияний» (Сурков), ее вынудили занять позицию рефлекторной самозащиты, при которой любая попытка обсудить альтернативные политические стандарты рассматривается как подрывные действия. Рост патриотических настроений послужил подкреплению и внешнеполитических приоритетов руководства. Одновременно с этим недостаточная дееспособность ЕС, с трудом скрываемые европейско-американские разногласия по вопросам политики безопасности, тяжелое внутривнутриполитическое положение соседних постсоветских государств усилили у России чувство вновь обретенного равенства с США.

При этом не составляло никакого секрета сколь мало производительность, доля инноваций и структура экспорта российской экономики отвечают требованиям высокотехнологичного глобального соревнования. Для геополитических традиционалистов в Москве представляло опасность растущее осознание того, насколько сильно пострадала способность страны к поддержанию военной мощи. Отрицательный тренд демографического развития в долгосрочной перспективе поставил под вопрос даже обороноспособность государства. Правда, ядерной компоненты было все еще достаточно для сдерживания традиционных угроз, но устаревание военной техники, сильно выраженные недостатки в образовании и организации в вооруженных силах сделали неизбежными дорогостоящую модернизацию и требующие времени

реформы (анализ военного триумфа в Грузии парадоксальным образом представил тому последнее доказательство).

В 2006 г. на конференции послов в российском МИДе президент Путин расставил новые акценты, потребовав, чтобы отношения между странами СНГ и Россией стали как можно привлекательнее «не только для нас, но и для партнеров». Была поставлена задача «завоевать умы и сердца братских народов» путем более интенсивного сотрудничества в области образования и исследований, а также путем прямых контактов с негосударственными организациями. С тех пор снято табу с публичных дискуссий о наследии советской блоковой политики. Одновременно были предприняты дополнительные усилия, чтобы улучшить в западных странах отрицательный имидж России путем создания лоббистских организаций и агентств по работе с общественностью.

Изменения на международной арене в последующие годы подтвердили необходимость пересмотра главных посылок прежней внешней политики и политики безопасности. Так, прежде всего готовность новой washingtonской администрации к «перезагрузке» двусторонних отношений поставила под вопрос стандартную постсоветскую аргументацию относительно внешней опасности. Но в конечном счете лишь кризис глобальных финансовых рынков и спад мировой конъюнктуры заставили российское руководство осознать взаимосвязь между структурными недостатками российской экономики, застоем во внутренней политике и чрезмерной эксплуатацией собственных ресурсов. Зеленый свет для начала общей дискуссии о принципах был дан в мае 2010 г. после публикации материалов российского МИДа, в которых содержалось требование отказаться от схемы «друг–враг» и перейти к «эффективному и систематическому использованию всех факторов в целях долгосрочного развития России».

Открытие «мягкой силы»

Однако подобная глубокая переориентация все еще наталкивается на ограничения, которые коренятся во внешнеполитическом наследии СССР и в традиционной политике периода 2000–2009-х годов. Использование военных и экономических средств влияния вновь отягощает имидж России в глазах внешнего мира, тем более что за последние десять лет накопилось достаточно материала в подтверждение тезиса о том, что международный удельный вес страны в значительной мере зависит от имеющегося у нее потенциала «мягкой силы». Лишь на основе этой, введенной в оборот Дж. Наем, категории, может быть понята утрата свободы действий «последней оставшейся супердержавой – США» с их подавляющим арсеналом военных и экономических ресурсов. Най различает три аспекта международной силы: «Ты можешь

принудить их угрозами, ты можешь подкупить их деньгами, ты можешь кооптировать их». Угроза применения силы или экономических санкций обеспечивает влияние, но отнюдь не принятие чужих целей, а дипломатические и пропагандистские усилия лишь тогда дают стойкий эффект, когда основаны на учете долговременного опыта, особенностей восприятия, а также идеологии другой стороны. Только общность ценностей и целей ведет к признанию, доверию и той притягательности, которая позволяет действующему субъекту утвердить свои предпочтения перед другими и даже заставить их «захотеть того, что он хочет сам».

Лишь в последние годы это измерение силы нашло свое отражение в российских дискуссиях. Если свести понятие «мягкой силы» к ее оперативной функции – возможностям мобилизации политических элит и общественного мнения стран-партнеров в поддержку российских целей, то новым независимым государствам – Молдавии, Украине, Казахстану, Киргизии, Беларуси, а также Грузии, с их балансирующим на грани народным хозяйством, с их нередко расколотой, во всяком случае сомнительной национальной идентичностью, – действительно трудно следовать курсом, противоречащим взглядам России. Эстонии и Латвии удалось нейтрализовать потенциал русскоговорящей пятой колонны через бегство в НАТО и ЕС, но и они хорошо научились учитывать в своих политических планах предвидимую реакцию России, – гораздо лучше, чем, скажем, Польша или Чешская Республика. В 2007 г. авторитетное исследование Европейского Совета по международным отношениям пришло к неутешительному выводу: «Россия не стала ближе Европе. А в своем отношении к суверенитету, силе и международному порядку она двигалась в противоположном направлении».

Тут Россия располагает дополнительными, нетрадиционными средствами, которые были продемонстрированы ею во время осады эстонского посольства в Москве членами молодежной организации «Наши» и кратковременным саботажем Интернета в Эстонии. Своей риторикой о «зонах привилегированных российских интересов», практикой экстратерриториального предоставления российского гражданства и санкционирования «законом об обороне» от ноября 2009 г. повсеместной защиты российских соотечественников Москва давно перешагнула границу «жесткой силы». Речь здесь идет уже не об экспериментах с «мягкой силой», а о классических примерах для учебника под названием «Как не завоевывать себе друзей».

Адресные группы и образцы аргументации

В соседних государствах – бывших советских республиках консолидация обретенной национальной идентичности затрудняется прежде всего наличием значительных этнических русских меньшинств. Даже новые члены НАТО,

такие как Латвия, испытывают постоянные проблемы с интеграцией русскоязычного населения. Нельзя недооценивать складывавшиеся поколениями и перешагивающие через новые границы семейные связи, так же как и значительные миграционные потоки гастарбайтеров из соседних южных республик. С этой точки зрения русский как язык общения в СНГ выступает инструментом неоимперской внешней политики, становясь носителем образов русской истории, образцов идентификации и стандартов политической культуры.

Восстановление Русской православной церкви в ее исторической функции опоры государства расширяет возможности политического влияния, прежде всего в славяноязычных регионах. Выступления государственной церкви против ползучего упадочничества секуляризированной Европы, совершаемого католицизмом религиозного переворота и против евангелистских сект сопровождаются сильными политическими эффектами, ибо распространяющийся отсюда ореол затрагивает верующих на пространстве от Молдавии до Казахстана, в таких странах как Болгария, Латвия, Грузия, Румыния, Сербия и Греция.

Очевидное нежелание российского руководства слишком тщательно различать воинствующих исламистов, с одной стороны, и стремящиеся к этническим и демократическим свободам меньшинства на Кавказе – с другой, вписывается в мировоззрение авторитарно-националистических элит во всем мире. Когда же речь заходит об отклонении юрисдикции международного трибунала, о праве на повсеместное военное вмешательство для защиты своих граждан или о перспективах международного права на гуманитарную интервенцию, – здесь международная солидарность порой становится еще шире. Тут жесткие реалисты всех стран давно соединились.

В качестве аргумента против западной критики используется прежде всего упрек в русофобии (русский вариант излюбленного аргумента, обычно применяемого в международных спорах), а также парадигма пережитой несправедливости, унижений и оскорблений, с помощью которой русская история сводится к картине героического освобождения, к превращению из жертвы в морального победителя в европейских катастрофах XX столетия. Для серьезных историков подобная интерпретация нуждается в дополнениях. Однако характеристика крушения Советского Союза В. Путиным как «величайшей катастрофы XX века», несомненно, соответствует мировоззрению большей части российской элиты и русскоязычной диаспоры.

В Европе требование «новой архитектуры безопасности» возымело действие не в последнюю очередь потому, что эта формула вызывала позитивные ассоциации с «общеевропейским домом» и переориентацией советской внешней политики и политики безопасности при М. Горбачёве. Мысль о принадлежности России к европейскому культурному пространству и об

уникальной «русской душе», обладающей превосходством над западной рациональностью, проникала в сознание собственных, далеко не малозначимых, адресных групп. Хотя эти последние думают скорее о Толстом и Чайковском, здесь могут быть затронуты и эмоциональные струны их сознания в интересах российской политики.

Обоснование усиливающейся авторитарности правления при Б. Ельцине и в первый период правления В. Путина ссылкой на альтернативу «стабилизация или демократизация» обладало известной убедительностью ввиду очевидной опасности для целостности российского государства. Здесь наиболее важной адресной группой были представители западной экспортной экономики, традиционно склонные к сдержанности в политических вопросах. Но и им – ввиду длительного дефицита законности и прозрачности – трудно было согласиться с оправданием замедленной демократизации, отодвигаемой на будущее. Наивное ожидание быстрой победы демократии и рыночной экономики в России, еще десять лет назад распространенное на Западе, повсюду сменилось унылым прагматизмом.

В этом мало что может изменить перспектива пропагандировавшейся премьер-министром Путиным в ноябре 2010 г. зоны свободной торговли и валютного союза «от Лиссабона до Владивостока», даже ассоциирования с ЕС. Слишком высокий уровень политической абстрактности этих рассуждений порицают не только закоренелые критики России. Постоянные попытки представить российскую монополию в качестве гарантии беспрепятственного энергоснабжения Европы обесценили утверждения о неисчерпаемых ресурсах России и взаимодополняемости российских и европейских экономических структур.

Модернизация и ее партнеры

Сегодня надежды на однозначное изменение российской внешней политики с целью надежного и интенсивного сотрудничества с Западом основываются прежде всего на возглавляемой президентом Медведевым кампании по всеобъемлющей модернизации страны. Готовности Запада предоставить деньги, знания и машины могли бы способствовать открытость, миролюбие и укрепление законности. Очевидно, московское руководство осознало, что невозможно присоединиться к индустриализованному миру без опоры на решения, оправдавшие себя прежде всего в экономически и технически развитых государствах Европы.

Основные положения объявленной политики – импорт наиболее современных машин и технологий, содействие инновациям путем усиления кооперации в сфере исследований и разработок – позволяют сделать вывод об однозначно технократическом понимании модернизации; вопросы, касающиеся

слабостей общеэкономического и институционального порядка, остаются без ответа. Так, даже диагноз безбрежной коррупции в России, поставленный президентом Медведевым, привел лишь к попыткам усиления государственного надзора. Западные наблюдатели в основном приходят к выводу, что в конечном счете речь идет не более чем о поверхностных мерах, которые оставят в неприкосновенности распределение власти и доходов.

По-прежнему бытующие представления, что предлагаемые Западом реформы являются идеологическим миссионерством, которое служит интересам установления разрушительной западной модели, определенно рассчитаны на неоконсервативные группировки, приверженные теориям заговора. Но когда даже дружелюбно-сдержанно сформулированные Западом вопросы относительно изъянов российской правовой системы, недостатков в применении взаимно согласованных стандартов еще осенью 2010 г. отвергаются государственным руководством под предлогом недопустимости «вмешательства во внутренние дела», – многие наблюдатели воспринимают это как «дежа-вю». Тем самым подкрепляются сомнения в серьезности, а значит – в успехе намерений осуществлять модернизацию.

Язык внутривнутриполитических дебатов в Москве и по сей день засорен абстрактными мобилизационными лозунгами. Так, в сегодняшнем словоупотреблении понятие «модернизации» так же ни к чему не обязывает, как и понятие «реформ» ельцинской эры. Высказывание президента Медведева о необходимости гуманизации общественных систем повсюду в мире и прежде всего в собственной стране, поначалу заставило задуматься, однако в этой формулировке понятие системы не было распространено на конкретные функциональные взаимосвязи. Понимание «демократии» продолжает носить расплывчатый и оборонительный характер – как, например, в формулировке слышущего главным идеологом Владислава Суркова о том, что всякое новое техническое изобретение есть «изобретение свободы», а «судьба демократии... в конечном счете определяется не партиями, а инженерами, учеными и предпринимателями».

Концепция технологических центров типа «Сколково» традиционно напоминает карантинные «особые экономические зоны» Китая периода 90-х годов; устранение же общеэкономических институциональных слабостей остается под вопросом. Так, самодиагностированная безбрежная коррупция связывается лишь с недостатками механизмов государственного контроля, но на детальное обсуждение очевидных изъянов политической и общественной системы наложено табу. Разумеется, и западным партнерам по модернизации приходится иметь дело с проблемой коррупции, однако их опыт показывает, что борьба с этой общественной эпидемией превратится в сизифов труд и не сможет быть выиграна с помощью политических кампаний, даже прокуратуры и полиции. Только прозрачность в принятии всех по-

литических и экономических решений, т.е. последовательно осуществляемая свобода информации и прессы, защищаемая независимым правосудием и поддерживаемая осознающим проблему государственным руководством, создает то общественное доверие к дееспособности государства, которое делает возможными политическую стабильность и экономический рост.

Сначала США и страны – члены ЕС были объявлены равноправными партнерами по модернизации. Таким образом «Запад» – как обобщенное понятие, все еще используемое во внешнеполитической полемике как образ врага – на первый взгляд был реабилитирован. После внешнеполитического наступления В. Путина в ноябре 2010 г., призванного придать привлекательность его образу, стало заметно явное смещение ожиданий в пользу ЕС. Если учесть, что в российской внешней политике США традиционно рассматривались как главный геополитический соперник, то такое смещение акцентов удивляет, – правда, лишь на первый взгляд. Пожалуй, главное здесь – растущее беспокойство Москвы в связи с ограничением внешнеполитической свободы действий президента Обамы после выборов в Конгресс в ноябре 2010 г. и реальной опасностью нового ужесточения американской политики по отношению к России. Между тем с ЕС и его членами, задающими тон во внешней политике, имеется длительный опыт добрососедского сотрудничества, несмотря на то, что диалог с Брюсселем постоянно тормозился из-за противоположных мнений и интересов на внутриевропейском интеграционном пространстве.

Однако смена партнера не решает основной проблемы: успех модернизационного партнерства находится в зависимости от совместимости технических норм, правовых и экономических систем и не в последнюю очередь – политических культур участвующих государств. Чем выше взаимная согласованность механизмов функционирования и санкций, тем ниже издержки при заимствовании технических и организационных решений. В то же время свойственные одной стране недостатки правовых норм, допускающие сомнительные критерии экономического успеха и откровенную коррупцию, становятся проблемой и для партнера. В этом отношении российской стороне требуется глубокое реформирование. Здесь призывы к крупным геополитическим проектам не послужат заменой.

Рамки внешней политики и политики безопасности

За прошедшие годы исходная основа российской внешней политики и политики безопасности заметно укрепилась. Военный успех в конфликте с Грузией отнюдь не имеет такого значения, как соглашение с Украиной о продлении срока действия договора о базе Черноморского флота в Севасто-

поле до 2042 г. и успешное вмешательство во внутреннюю политику Украины, Молдавии и Киргизии.

Усиление региональной гегемонии России, конечно, демонстрирует собственную динамику, которая неизбежно вступает в противоречие с российскими признаниями суверенитета соседних стран, ибо возрастает искушение вновь заняться «собираанием русских земель». Глеющий межэтнический конфликт в Киргизии показывает, что неоимперская политика также несет с собой риск экономического перенапряжения и совместной политической ответственности. Если отвлечься от энергетической политики, то не существует привлекательного идеологического обоснования, которое могло бы убедить население, особенно соседних государств на Юге, в преимуществах российской гегемонии. Для них вряд ли является секретом, насколько накопилась в самой России атмосфера межэтнических отношений и усилились группировки, представляющие агрессивный русский национализм.

Значение сотрудничества с Россией по многим проблемам мировой политики, не в последнюю очередь по проблемам европейской безопасности, очевидно. Вплоть до недавнего прошлого российская внешняя политика отличалась заметной двойственностью – как по своей направленности, так и по последствиям. Предпочтение, отдававшееся двусторонним соглашениям с европейскими партнерами, провозглашаемым в качестве «стратегических», порождало подозрение, что продолжается классическая советская политика раскола в отношении ставших обузой организаций Запада (НАТО, ОБСЕ). С недавних пор появились ободряющие признаки усиления готовности к сотрудничеству. Подписание нового соглашения с США о сокращении стратегических вооружений (New START) является важным шагом не только в смысле традиционного контроля над вооружениями в двусторонних отношениях с США, – оно, безусловно, увеличивает предпосылки для всемирного контроля и сокращения ядерных вооружений. По вопросу о международных санкциях против Ирана Москва также отошла от своей позиции затяжек. Но самое наглядное – это деэскалация споров о размещении американской противоракетной системы в Центральной Европе в пользу согласованного с НАТО в Лиссабоне совместного проекта создания соответствующей системы вооружения. Теперь ответственность за дальнейший прогресс в этой области лежит на Вашингтоне (где уже, разумеется, формируется сопротивление глобалистских стратегов и военного лобби).

Следующие важные активы российской внешней политики последних месяцев – это ратификация блокированного с 2006 г. плана реформ (14-й протокол) для Европейского суда по правам человека, взволнованная реакция российского руководства в связи с катастрофой самолета с польской делегацией, прибывшей в Смоленск отмечать памятную дату, а также официальное признание Государственной думой ответственности советского руководства

за массовые убийства в Катыни. Такие шаги больше пригодны для того, чтобы устранить недоверие к России в государствах Центральной Европы, чем провозглашение великих геополитических перспектив.

В сознании партнеров на Западе сохраняется один значимый фактор неопределенности – недостаточная прозрачность распределения компетенций и процессов принятия решений в Москве. Высокая степень персонализации политики и длительная дискуссия внутри руководящего тандема по поводу баланса власти (кто кого), гарантированное думское большинство при голосовании за любые руководящие решения, публично выраженные сомнения политических стратегов в политической зрелости русского народа – все это неизбежно порождает неопределенность. Доверие формируется не PR-акциями, а внятностью политических программ, определенностью действий и не в последнюю очередь – готовностью к компромиссам. Даже несмотря на то, что дискуссии по проблемам численности обычных вооруженных сил в Европе (ОВСЕ) полностью замерли, все же размещение в Абхазии и Южной Осетии зенитных ракет не служит сигналом очередной готовности к взаимопониманию. Российское правительство ничем не рисковало бы, приняв решение отвести свои войска, как это и записано в соглашении с ЕС, на исходные позиции до войны с Грузией.

Итак, на Западе продолжают горячие дискуссии о тайных геостратегических планах Москвы. «Перезагрузка» в отношениях с США затягивается, так как значительная часть американского внешнеполитического истеблишмента отказывается от всеобъемлющего сотрудничества. Они упускают из виду, сколь мало в Москве укреплен внутривластный грунт и насколько российская внешняя политика заиклена на чуть ли не мифической цели встать вровень с США. Так рефлексивные сомнения в готовности российского партнера к сотрудничеству превращаются в самоосуществленное пророчество, поскольку служат укреплению как раз тех реакционных сил в России, чья победа стала бы неожиданностью даже для западных сторонников бдительности во внешней политике. В свою очередь, умножающиеся признаки дрейфа российской модернизации в направлении авторитарной модели дают козыри в руки тем силам на Западе, которые еще перестройку М. Горбачёва считали советским пропагандистским трюком.

Сотрудничество с ЕС может здесь послужить важным полевым испытанием, направленным на то, чтобы остановить губительный круговорот и стабилизировать медленный процесс переосмысления, происходящий в Москве. Приглашение к модернизационному партнерству с целью содействовать «открытости, самостоятельности и свободе развития индивида и всего общества» (Медведев) предполагает нечто большее, чем совместную работу над несколькими крупными проектами. Без систематической доработки главным образом правовых стандартов в России прорыв к инновационному обществу

вновь свелся бы к ориентации на «маяки», а модернизационное партнерство осталось бы риторической фразой для политических коммюнике. Тон текущих споров об основах соглашения между Россией и ЕС отмечен ненужной раздраженностью, чему в немалой степени способствуют и не слишком приличные намеки на «возможный новый кризис в энергетической сфере» в случае неудачи урегулирования с ЕС (слова премьер-министра Путина в Берлине 25.11.1010).

При взгляде на политику ЕС и США по отношению к России многое говорит в пользу того, чтобы активизировать сотрудничество, прежде всего в тех областях, где оно, с точки зрения безопасности, до сих пор считалось рискованным, даже просто немыслимым, но где российская индустрия могла бы внести важный вклад. В 90-е годы прошлого столетия уже провалился совместный проект дальнейшей разработки советского большегрузного самолета (АН-124) – в частности, и по причине сопротивления европейской индустрии. Сегодня, благодаря лиссабонскому соглашению, ничто не мешает возможности сотрудничества в разработке современных систем противоракетной обороны – ничто, кроме философии безопасности, управляемой лоббистами. Задача политики – взять верх над частными интересами тех, кто зарабатывает на реанимировании устаревших сценариев угроз.

Все участники должны осознать, что геостратегические спекуляции в таких категориях, как «окружение или сотрудничество» или «стратегическая передышка или поворот» давно затмеваются угрожающими масштабами проблем, перешагнувших государственные границы. Слишком многие государства потерпели крах или стоят перед распадом, изменение климата приводит в движение огромные миграционные потоки, не поставлены под контроль организованная преступность, распространение расщепляющихся материалов, международная торговля оружием и спекуляция жизненно важным сырьем, а защита глобальных финансовых рынков от новых кризисов далека от завершения. Перед лицом подобных вызовов, которые не делают различий между Россией и «Западом», продвижение по пути прежней политики доверия малыми, недоверчивыми шагами отнимает слишком много времени. Да и внешняя политика России слишком медлительна. При этом, однако, полезные инициативы из Москвы по разработке совместных стратегий ограничения указанных проблем были бы более чем желанны.

Литература

1. Cohen S. The New American Cold War (<http://www.thenation.com/doc/20060710/cohen>)
2. Entous A., Weisman J. Russian Missiles Fuel U.S. Worries // Wallstreet Journal, 25.11.2010.
3. Kanet R.E. Russia and the European Union: The U.S. Impact on the Relationship // R.E. Kanet (ed.), A Resurgent Russia and the West: The European Union, NATO and Beyond. 2009.

4. Lang O. Die polnisch-russischen Beziehungen nach der Tragödie von Smolensk // Russland-Analysen. – 23.04.2010, N 199.
5. Lebahn A. Modernisierer statt Marionette – Wie Dmitri Medwedew Russlands Politik sanft revolutioniert // Internationale Politik. – Bonn, 2010, September / Oktober. – S. 60–65.
6. Leonhard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russia Relations. – European Council on Foreign Relations, London, November 2007.
7. Mangold K. Europa muss Russland mehr Zeit lassen // Süddeutsche Zeitung, 15.10.2008.
8. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y., 2004.
9. Pleines H. Russland in wirtschaftsbezogenen Länderrankings, Russland-Analysen. – 30.10.2009. – N 190.
10. Putin V. Für freien Handel von Lissabon bis Wladiwostok // Süddeutsche Zeitung, 25.11.2010.
11. Ryabov A. A Turn to West (Commentary) // Gazeta.ru, November 13, 2010.
12. Romney M. Obama's Worst Foreign-policy Mistake // The Washington Post, July 6, 2010.
13. Ryshkow W. Systemerhalt durch «Modernisierung» // Russland-Analysen. – 16.07.2010. – N 205.
14. Schroedel L. Europäische Sicherheit: Reaktionen im Westen auf Russlands Initiative // SWP-Zeitschriftenschau. – B., 2010. – 4 Juli.
15. Schröder H.-H. Elitekonstellationen in Medwedews Russland // Russland-Analysen. – 04.06.2010. – N 202.
16. Solovev E. Der Faktor «Soft Power» in der Politik der Russischen Föderation gegenüber dem postsowjetischen Raum (russisch) // Rossija i novye gosudarstva, September 2009.

(Статья завершена 01.12.10)

Л.Е. Бляхер

**СОТРУДНИЧЕСТВО «ПОВЕРХ ГРАНИЦ»:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Бляхер Леонид Ефимович – доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии
Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.

Анализ регионального политического дискурса – одна из наиболее актуальных тем отечественной политологии. Сегодня (последние четыре-пять лет) Дальний Восток внезапно стал осознаваться, как наиболее проблемный федеральный округ. Коммуникация между центральным и местным политическим сообществом превратилась в серию уголовных дел в отношении региональных и федеральных чиновников высокого уровня. Местные газеты запестрели статьями о «гибели» региональной экономики, а уровень миграционной и протестной готовности населения постоянно возрастает.

Для того чтобы обнаружить причины нарушения «понимания» между населением региона и действиями руководства страны, объяснить некоторые видимые черты политической жизни региона, попытаемся описать *мифы о Дальнем Востоке* в системе социальных представлений жителей западной (европейской) части страны в сопоставлении с «мифами» самих дальневосточников.

В нашем понимании политический миф, как и миф вообще, есть не ложное или ошибочное знание, но знание, не нуждающееся в проверке и потому не подвергающееся ей. Миф предстает истиной просто потому, что он миф. В этом своем качестве он не нуждается в подтверждении чем-либо, кроме себя самого. Его наличие детерминирует отбор фактов, концепций и т.д. в научном и политическом дискурсе. Точнее, любая наличная реальность интерпретируется в мифологических формах.

Иными словами, миф – это организующее коммуникацию коллективное знание, которое обеспечивает совмещение «когнитивных горизонтов» членов группы. Индивидуальные «возможные миры» соединяются в мифе в единую

интерсубъективную реальность. Миф представляет собой сложный и целостный смысловой комплекс. Появление одного (демонстрируемого) элемента активизирует в сознании членов группы весь комплекс. Происходит предвосхищение целого через часть. Существование такой целостности создает базу для отделения «своего» пространства от «чужого», объединяет разнородные элементы в общую сверхсхему, на базе которой и конструируется реальность.

Политический миф выступает в роли «несущей конструкции», задающей параметры отграничения «своего» пространства от чужого, друга от врага. Выйдя «за миф», человек попадает в другое мифологическое пространство. Его действия перестают коррелировать с действиями членов прежней группы. Он оказывается в положении *чужака*. Более того, осмысленные прежде коллективные действия лишаются для него всякой логики, ибо логика этих действий основана на мифе. В результате он утрачивает возможность не только «управлять» (как политик), но и понимать происходящее (как ученый). Наличие же общей или сводимой к некоторому общему знаменателю системы представлений автоматически делает коммуниканта «своим», а транслируемую им информацию наделяет изначально высоким доверием. Для того чтобы, находясь в рамках иной мифологической системы, организовать коммуникацию с данной, необходима «сверхсистема», снимающая межсистемные противоречия. Однако само ее наличие далеко не всегда оказывается фактом. Особенно остро переживается ситуация, когда отсутствие общей системы мифологических представлений обнаруживается у частей одного политического целого.

Что же происходит, когда действия управляющих базируется на ином мифологическом основании, нежели действия управляемых? В этом случае они, не встречая понимания управляемых, теряют доверие. Действия центра, исходящие из «внешних» представлений о регионе и не стремящихся включить (или подавить) внутренние представления, не могут быть адекватно осмысленны социальным сообществом региона, а значит – отторгаются. «Мы» управляемых локализуется в регионе (дальневосточники). Государство же начинает восприниматься как «они» («Москва», «запад»). Этому никак не противоречит неременное осознание себя дальневосточником как гражданина России прежде всего¹. В этом контексте действия «их», «Москвы», «Запада» оказываются «внешними» по отношению не только к Дальнему Востоку

---

1. В ходе опроса в более чем 90% случаев самоидентификация «гражданин России» была первой, а региональная идентификация (дальневосточник) – второй.

Опрос проведен под руководством автора в 2008 г. в Хабаровском крае (выборка квотно-территориальная, генеральная совокупность – население Хабаровского края старше 18 лет, n = 879). Результаты сравнивались с результатами мониторинга социального самочувствия населения 1999–2009 гг., проводимого DBR-центром под руководством И. Ф. Ярулина.

ку, но и к России. Эти действия, направленные на «настоящих граждан России» – дальневосточников, начинают восприниматься в сознании управляемых (жителей региона) как немотивированное структурное насилие, систематическое вторжение государства в частную, а потому номинально недоступную для государства сферу жизни человека.

Осуществляемое государством вторжение в частную сферу начинает осознаваться как нелегитимное. Формируется то, что М. Олсон называет «негативным социальным капиталом» (12, с. 127). Государство перестает быть инструментом социальной интеграции, во всяком случае перестает осознаваться в таком качестве. Напротив, как показал А.Ф. Филиппов на материале анализа концепции К. Шмитта, политическое вторжение в этом случае разрушает социальную ткань общества, выступает сильнейшим дезинтегратором (19, с. 129).

Начиная со второй половины 90-х годов XX в. связь между Дальним Востоком и европейской частью России становится все более призрачной. В ходе опросов, проводимых в 1997–1999 гг. менее 5% респондентов указали, что в последние годы бывали в столице, менее 15% респондентов отметили, что регулярно следят за общероссийскими новостями. Существенно и то, что в тот период доступ к сети Интернет, несколько компенсирующий удаленность, имели 5,6% респондентов. Но примерно таков же был уровень информированности и интереса столичного населения и центральной власти к региону. В сложных политических процессах конца XX столетия места Дальнему Востоку просто не находилось, поскольку его электоральный вес был ничтожен, а «работа» с ним затруднена удаленностью и разорванностью коммуникаций. От местной власти требовалось лишь внешнее выражение лояльности и самостоятельное решение внутрирегиональных проблем (проблем субъекта Федерации).

Система политических мифов в этих условиях явно разделялась на мифы «для внутреннего» и «для внешнего» применения. К первым относились мифы, связанные с ограблением региона, противопоставлением «Москве» и «китайцам». За счет них создавалась региональная идентичность и возможность мобилизации населения, обозначенная нами как «катастрофическая мобилизация». Они же давали губернаторскому корпусу безусловную поддержку электората в качестве защитников и посредников между Дальним Востоком и «Москвой». Для «внешнего применения» использовались образы «богатого региона», «форпоста», связанного с сохранением территориальной целостности страны.

Понятно, что такое «разделение» достаточно условно. В сознании носителя данных мифологем они составляют единство. В зависимости от коммуникации одни аспекты проговаривались, а другие подразумевались. При этом демонизация и «центра», и «Китая» никоим образом не препятствовала при-

граничной торговле с южным соседом или «выбиванию» трансфертов из федерального бюджета. А слабая заинтересованность в судьбе региона федеральной политической элиты, занятой борьбой за власть и разделом «советского трофея», не мешала декларациям о важности сохранения дальневосточных рубежей и выделению не особенно щедрых трансфертов для сохранения этих рубежей. Возникла некоторая «третья» реальность, не сводимая ни к дальневосточной, ни к «московской», но устраивающая и одну, и другую стороны. В рамках этой реальности и были сформулированы «правила игры» 90-х годов. «Москва» оказывалась для региона *Другим*. Но далеким Другим, таким, с которым выработаны вполне приемлемые формы взаимодействия.

Экономический подъем, начавшийся после троекратной девальвации рубля в 1998 г. и совместившийся с началом роста цен на энергоносители, привел к тому, что интерес к Дальнему Востоку из сугубо теоретического превратился в «прикладной». Федеральный центр «вернулся» на Дальний Восток. Из далекого Другого он внезапно оказался «близким» при этом не перестав для большей части населения быть Другим. Но Другим для центра внезапно оказывался и сам регион. Здесь-то и возник конфликт. Дать описание и предложить интерпретацию этой нетривиальной ситуации мы и попытаемся ниже. Начать логично с экспликации представлений о Дальнем Востоке, позволяющих зафиксировать сам факт когнитивного диссонанса.

Для выделения ключевых мифологем, которые предполагается подвергнуть анализу, мы воспользовались материалом статей центральных газет и интернет-изданий за 1999–2009 гг.², посвященных Дальнему Востоку России, концепции стратегии социально-экономического развития ДВФО и Байкальского региона, возникшей в недрах Минрегиона в 2007–2008 гг. В ходе контент-анализа отбирались концепты, наиболее часто используемые для характеристики Дальнего Востока (они в 5,7 раза «опережали» все остальные по частоте употребления). Такая частотность позволяет нам считать их репрезентантами глубинных коллективных представлений, мифов, а не «личным мнением» журналиста или издания. Показательно и то, что вне зависимости от «генеральной линии» издания сам перечень ключевых концептов сохраняется, допуская лишь незначительное частотное варьирование.

Выделенные концепты можно разделить на «позитивные» и «негативные». Позитивный образ региона характеризуется так (по убывающей): «*выход в АТР*», «*природные богатства*», «*форпост России*», «*ресурс будущих поколений*». Негативный образ региона описывается более широким кругом

---

2. По результатам анализа контента пяти общероссийских газет («*Известия*», «*Российская газета*», «*Коммерсантъ*», «*Аргументы и факты*», «*Независимая газета*») и четырех интернет-изданий («*Новый регион*», REGNUM, Газета.Ру, Грани.ру).

определений: «удаленность», «безлюдье» («сокращение населения», «бегство» и т.д.), «миграция», «демографическое давление на границы» (более политкорректный вариант – «китайская угроза», «желтая угроза», «тихая экспансия», «сложные природно-климатические условия», «тяжелый социально-экономический кризис», «преступность», «тотальная коррупция». Постоянно присутствующей в информационном пространстве темой стала тема «правого руля», «поддержанных иномарок» и «протестов автомобилистов». Однако самым «популярным» концептом, характеризующим регион, является концепт «угроза». При «суммировании» этих представлений возникает довольно грустная картина. Богатому региону, являющемуся воротами России в Азиатско-Тихоокеанский регион, ее форпостом и залогом ее будущего угрожает захват, сокращение населения, экономический кризис, преступность и коррупция.

Но Дальний Восток – не просто богатый регион. Это богатый регион, в котором остро заинтересовано государство. И не только из-за наличия природных ресурсов, но прежде всего в силу его транзитных возможностей – «выхода в АТР». Хотя эти два фактора, пожалуй, исчерпывают позитивные характеристики региона в экономической сфере. Идея же «форпоста» России, ключевая в XIX–XX столетиях, сегодня важнее для самих дальневосточников, нежели для «внешнего наблюдателя» (7, с. 114).

Гораздо обширнее перечень угроз для региона, ставший столь же неотъемлемой его характеристикой, как и представления о его богатстве. «Угрозы» можно разделить на три группы: «объективные», «внешнеполитические» и «внутриполитические». «Объективных угрозы» – это *суровый климат, удаленность* от центра страны и Центра вообще, *слабая заселенность*. Казалось бы, эти параметры не подлежат обсуждению. Они просто есть. Однако это не совсем так. В Концепции стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона территория региона была разделена на три зоны: абсолютно дискомфортная, экстремально дискомфортная и просто дискомфортная. Если за достаточный уровень комфортности принять климат Гавайских островов, то классификация эта выглядит вполне оправданной. В то же время температурный режим южной части Дальнего Востока, где и находится основное население региона, существенно более благоприятен для проживания, чем климат, к примеру, Ленинградской или Вологодской областей. Отчего же возникло это представление?

Здесь можно говорить о двух смысловых переносах, свершившихся на заре освоения региона. Первый – перенесение образа «холодной Сибири» на еще более удаленные, а значит – еще более холодные земли (1, с. 236). Второй перенос связан со спецификой освоения региона. Опорным пунктом первоначального освоения Дальнего Востока в XVII столетии оказался не относительно «южный» Иркутск, а «северный» Якутск (8, с. 87). Само же ос-

воение шло вверх по Лене и далее до Охотска и Анадыря. Эти районы (богатые «мягкой рухлядью» и «рыбьим зубом», за которыми, собственно, и шли) действительно были климатически не особенно гостеприимны.

Позже «суровость» географо-климатических условий региона активно использовалась дальневосточными политиками для обоснования «особого» отношения к региону, была способом прикрыть собственные хозяйственные просчеты. В советский период «трудными климатическими условиями» объяснялся катастрофический уровень бытового обеспечения строителей Комсомольска-на-Амуре и БАМа (5, с. 39), слабое развитие социальной инфраструктуры в регионе. Кроме того, «суровость» климата и связанные с ним «районные» и «северные» надбавки стали важным элементом региональной самоидентификации. Следующие две «объективные угрозы» (удаленность и редкое население) тесно смыкаются с понятием «внешнеполитические угрозы» региону, а значит – России. Их разумно будет рассмотреть в этом «блоке».

В числе «внешнеполитических угроз» лидирует «*китайская угроза*», опережая, скажем «японскую» по числу упоминаний почти в 3,4 раза. Эта угроза разъясняется мифологемами более низкого уровня: «превращение в сырьевой придаток», «заселение Дальнего Востока китайцами» («тихая экспансия»), «демографическое давление на границы» и некоторые другие. Сам состав мифологем выступает как достаточно четкое видение ситуации.

Удаленность Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. имела абсолютный характер. Центр страны и центр мира (Европа) были бесконечно далеко. Только из них крайне медленно в регион притекали люди и инновации. Причем каждый раз – в «пустоту». Местное (стабильное) население было слишком незначительно по сравнению с людским потоком извне. Местные ресурсы не шли ни в какое сравнение с ресурсами централизованными. Сокращение «входящих» ресурсов в связи с временной утратой интереса к региону (истощение запасов пушного зверя, открытие более легкодоступных месторождений серебра и т.д.) вело к немедленной деградации большей части поселений, оттоку населения «на запад».

Соответственно, формируется и образ *форпоста*. ВПК становится основой экономики Дальнего Востока. Показательно, что принятый в 30-е годы первый советский план освоения региона имел ярко выраженный военный характер. Да, здесь развивалось океаническое рыболовство, но гораздо активнее строились базы для военных кораблей и подводных лодок. Да, здесь формировался агропромышленный и природопользовательский комплекс, но куда более значимыми были заводы по производству танков («Дальдизель»), двигателей для подводных лодок («Дальэнергомаш»), самолетов (КнААПО) и т.д. Эта ситуация сохранялась до последних лет существования СССР. Конечно, и здесь были свои «приливы» и «отливы». Так, отмечался некоторый

спад интереса к региону в послевоенное десятилетие. Однако в целом «приливная» тенденция сохранялась. Более того, строительство БАМа способствовало и возрождению образа «богатого региона», необходимости хозяйственного (не военного) освоения этих богатств (9, с. 215).

Новое столетие внесло в эту тему свои коррективы. Дальний Восток оказался «дальним» только для собственной столицы. По соседству с ДВФО появляются многочисленные «глобальные города» (Токио, Осака, Шанхай, Гонконг и т.д.) (16, с. 18–30) с качественно более активной экономикой, втягивающей в себя хозяйственные системы окружающей их периферии. Неизбежная ориентация периферийного региона на города – «ворота в глобальный мир» – вступает в противоречие с идеей форпоста. А образ окружающей («враждебной») внешнеполитической среды трансформируется в идею «демографического давления» на границы, которое способно «поглотить» регион.

Понятно, что этот миф начинает определять и «объективное», «научное» описание ситуации в регионе.

В самом деле сокращается население с одной стороны Амура и растет население с массой свободных рабочих рук – с другой. Представляется, что в реальности все не так плохо. 1 млн. 200 тыс. человек, которых лишился Дальний Восток, в основном, уехали в начале 90-х годов, в эпоху катастрофического распада империи. Позднее сокращение населения не прекращалось, но по численности не превосходило общероссийские показатели. При этом «естественная убыль», до того существенно не влияющая на картину, становится значимой. Конечно, эти цифры тоже не радуют, но и в область катастрофического не попадают. Существенно и то, что во многих дальневосточных субъектах Федерации сохранилась вполне благоприятная возрастная структура с преобладанием молодых людей.

Отсутствие четкой методики контроля и сколько-нибудь достоверных сведений о длительности пребывания приезжающих создают возможность для самых разнообразных спекуляций.

Действительно, жители сопредельных районов Китая активно участвуют в экономических процессах в регионе. Это обстоятельство отрицать бессмысленно. Гораздо труднее понять, почему это вызывает столь эмоциональную реакцию. Именно китайские рабочие обеспечивают потребности в трудовых ресурсах дальневосточного строительного комплекса, служб ЖКХ. Именно китайские коммерсанты организуют мелкооптовую торговлю товарами народного потребления, создают предприятия общепита, инвестируют средства в сельское хозяйство региона, индустрию досуга и гостеприимства. По экспертным оценкам, приводимым Г.Р. Осиповым (13, с. 17) и Н.Н. Дидух (4, с. 14), до 60% работников дальневосточного строительного комплекса – граждане КНР, примерно такое же количество граждан КНР заняты в мелко-

оптовой торговле на территории ДВФО. Иными словами, именно китайцы создают то, что способствует декларируемой цели развития Дальнего Востока, – социальную инфраструктуру, «повышают уровень жизни населения». В чем же опасность?

Вполне понятно, что часть ответственности за создание дальневосточных страшилок «для центра» лежит на самих дальневосточниках. Благодаря им внимание государства было привлечено к региону и не позволило ему окончательно «выпасть» из политического пространства страны.

Но если бы эти «страшилки» не находили отклика в сознании ключевых политических акторов, да и в массовом сознании, они навряд ли имели бы успех. Скажем, идея воссоздания ДВР, популярная в 90-е годы у части дальневосточной интеллигенции, благополучно канула в лету, не найдя отклика ни у дальневосточников, ни у «западников». Зато представление о суровом и «пустом», но богатом регионе, которому угрожает захват со стороны сильного соседа, оказалось востребованным, слилось с образом Дальнего Востока, отторгая все, что не вписывается в этот образ.

Подобные представления и составляли основу государственных программ развития региона в течение более чем столетия. Они предусматривали: «1. Эффективное использование природных ресурсов региона (ископаемых, рыбных, лесных). 2. Создание транспортно-логистического коридора как для российских, так и для европейских хозяйственных связей со странами АТР. 3. Модернизацию хозяйственной структуры Дальнего Востока за счет частичной переработки транзитного сырья и полуфабрикатов и достройки «верхних» этажей народнохозяйственного комплекса» (17).

Но практически эти же представления мы выделяли в качестве политических мифов Дальнего Востока (2, с. 28–39). Использование этих мифов позволило региональному руководству организовать эффективную коммуникацию с федеральным центром. В чем же диссонанс? На наш взгляд, наиболее полно этот диссонанс воплощается в характеристиках «пустой», «безлюдный», «редко населенный» край. Попробуем описать смысл этих концептов и фиксируемое ими представление о реальности.

«Пустота», «редкое население» Дальнего Востока для дальневосточников – это прежде всего подчеркивание значимости каждого человека. Проблема ни в каком-то особом – гуманистическом – духе. Просто на фоне относительно редкого населения и развитых сетевых структур (2, с. 28–39) ресурс каждого оказывается значимым. Именно он в изменившихся условиях (смена приоритета деятельности, сокращение господдержки и др.) может оказаться способным на конвертацию уникальных умений в спасительную форму деятельности (14, с. 21–25).

Такое отношение связано и со спецификой освоения региона. Как отмечалось выше, периоды активной «государственной заботы» о продвижении

на восток, когда в регион текли финансовые, материальные и людские ресурсы, чередовались с периодами «временного охлаждения». Но в период «приливов» далеко не любая деятельность в регионе получала поддержку. Только ключевое направление официально присутствовало в регионе. В разные периоды это могла быть пушнина, серебро, золото, ВПК и военные базы, рыболовство и т.д. В очередной «приливный» период менялось начальство, менялись приоритеты, а вместе с ними и вся легальная социально-экономическая структура региона на них ориентированная. Остальная часть населения с ее хозяйственной активностью исчезала из отчетов губернаторов и советских руководителей региона.

В периоды политических осложнений или хозяйственных неурядиц регион переходил в «режим консервации». Застывала видимая хозяйственная и культурная жизнь. Население заметно (порой в полтора и более раза) сокращалось. Все пространство «внутри» региона становилось «невидимым» для государства. Существенной оставалась только задача обороны границы.

В «невидимом» регионе возрастало значение «невидимых» форм деятельности, индивидуальной активности, что в условиях ослабления административного давления позволяло региону пережить трудные времена в ожидании, когда политическая воля вновь направит на дальневосточную окраину людей, финансы, материальные ресурсы. Именно эта местная активность создавала более или менее комфортные условия существования. Благодаря «невидимкам», в регионе формировалась особая структура, обозначенная нами как «проточная культура» (2, с. 28–39), призванная «гасить» избыточные инновации, идущие из столицы, приспособливать их к местным условиям. Структура социальной ткани, ее неформальная часть обеспечивала выживание населения дальневосточной окраины, превращая лидера местного сообщества в «государево око» в кратчайший период (15).

В свою очередь государство никогда не отказывалось от задачи освоения «пустых земель». Однако смысл концепта здесь был иной. Поскольку то, что существовало в регионе, не находило места в отчетности, а то, за что чиновнику надлежало отчитываться, отсутствовало, документально регион представлялся «пустым» и в глазах имперского чиновника, и в глазах сотрудника Госплана. Но эта пустота была лишена смысловой и ценностной окраски. Она была только пространством для освоения. «На бумаге» освоение региона каждый раз начиналось с нуля. То, что на месте современного Комсомольска-на-Амуре уже был поселок, никак не отражено в мифологии «города на заре». Местные интересы не игнорировались – о них просто не знали. Они не существовали юридически.

Властное воздействие центра воспринималось как чуждое. Но именно с ним в регион текли ресурсы, большие, чем ресурсы местного сообщества. Эти ресурсы нужно было только соответствующим образом направить, пере-

распределить. Они были необходимы и желательны, как любой дополнительный и не требующий особого риска ресурс. Однако для использования его было необходимо принять мифологему «пустого и сурового пространства» и одновременно знать, что оно «не совсем пустое», чтобы потекли они в правильном направлении. Таким образом, центральная власть в очередной раз осваивала «пустынные земли», преодолевая «естественные трудности», а местное сообщество получало необходимые для развития ресурсы. Эта идиллия была нарушена на рубеже XX и XXI вв.

Здесь сказались несколько обстоятельств. Во-первых, вопреки устойчивым представлениям, в период политических неурядиц 90-х годов в сравнении с предыдущими «кризисами» регион покинули крайне мало людей. Если в предшествующие периоды деградации речь шла о 30–50% уехавших (18, с. 102), то на этот раз – чуть более 10% населения. Оставшиеся «невидимки» составляли уже достаточно серьезный слой, который мог существенно влиять на властное воздействие, по крайней мере на собственной территории. Да и «разбавлять» его новыми потоками переселенцев у государства не было возможности.

Во-вторых, оставшиеся 90% оказались в непривычных для окраины условиях. Традиционно и вполне логично «абсолютно удаленный» Дальний Восток в периоды деградации стремительно архаизировался. Показательна здесь распространенная легенда о том, что в годы Первой мировой войны колеса в Приамурье смазывали сливочным маслом вместо солидола. Поскольку инновации шли только с «запада», а «запад» оказался временно заблокирован, регион переходил на «натуральное хозяйство» с установкой на автаркию, выживал. Выживать он начинает и в 90-е годы. Но иным оказывается ближайшее окружение.

Падение «железного занавеса» поставило Дальний Восток России лицом к лицу с наиболее интенсивно развивающимися экономиками мира. Азиатские «ворота в глобальный мир» оказались ближе и доступнее, чем собственные (16). Их агрессивная экономика остро нуждалась в природных ресурсах, которыми богат регион, и готова была за них платить. Период «челночной» торговли, всколыхнувший население региона, приватизация дальневосточной части «советского трофея» создали накопления, необходимые для международной торговли. Однако дальневосточный «трофей» состоял в основном из предприятий ВПК, не особенно рентабельных, а торговля его продукцией нарушала интересы государства. Не случайно, что наиболее современные предприятия региона пребывают сегодня в жалком состоянии в ожидании федеральных вливаний. Гораздо большую ценность имели «побочные» виды деятельности. Вылов ценных пород рыб и иных морепродуктов (рыболовецкие флотилии), добыча полезных ископаемых, лес и т.д. За них и шла борьба в первой половине 90-х годов. Конечно, рыба вполне могла быть потреблена

в пределах региона, а из леса можно было бы построить дома. Но торговля была выгоднее. В кратчайший период доходные виды внешнеэкономической деятельности становились массовыми, обрастали подсобными и смежными производствами, втягивали большую часть населения. Спортивные и комсомольские организации, рабочие бригады, землячества и кафедры в 90-е годы почти мгновенно развернулись в бизнес-сети, чему способствовала традиционная сетевая структура социальной ткани региона.

Приграничная торговля втягивала регион в глобальный товарооборот. Навстречу лесу, рыбе и полезным ископаемым шли товары народного потребления, вычислительная техника, автомобили, валюта (судя по косвенным данным, баланс теневой торговли был активным) и многое другое. Конечно, регион интегрировался в АТР не совсем так, как мечталось, т.е. не как постиндустриальный центр, а как поставщик ресурсов в качестве «хоры», а не метрополии. Но даже такое положение делало традиционные виды деятельности вполне доходными и экономически эффективными, особенно если учесть, что основной оборот товаров и финансов протекал вне государственного фискального контроля и, следовательно, имел все преимущества «льготного налогообложения» (3, с. 23). Показательно, что совокупный валовый региональный продукт Дальнего Востока в середине 1990-х годов почти на 40% меньше стоимости потребленных населением услуг. Примерно также соотносятся номинальная заработная плата и «заявленный доход» (5, с. 69).

Как и по всей стране в «романтический» период развития отечественного бизнеса первой половины 90-х годов, функции обеспечения экономического порядка и поддержания бизнеса взяли на себя криминальные сообщества (6). Криминальный мир Дальнего Востока оказался наиболее организованным силовым сообществом, наименее «отягощенным» наследием советской патерналистской психологии. Однако к концу 90-х региональная власть «перехватывает» эту роль, не отказавшись от отдельных представителей прежних структур.

Бизнес Дальнего Востока из приграничной торговли превратился в сложную систему экономических предприятий, вполне интегрированных в глобальную экономику и относительно дистанцированных от экономики остальной части страны (менее 4% продукции региона было востребовано в России). Немаловажно и то, что криминальные сообщества в силу своей нелегальности не могли организовать диалог с центром и тем самым сообщить бизнесу необходимый для активного международного сотрудничества уровень легальности. Региональные власти с этой функцией справились. В этот период крупнейшие «авторитеты» вытеснялись из бизнеса или из жизни. Бизнес-сообщества срастаются с властными сетями в регионе и бизнес-структурами за его пределами. Заметим, что хозяйственный расцвет региона начинается на рубеже столетий, несколько раньше шквала нефтедолларов,

захлестнувших Россию. Понятно, что эта деятельность, хотя и нуждалась в определенной степени легальности и была легитимной в сознании жителей региона, в статистике отражается достаточно слабо. Там тенденции развития Дальнего Востока укладываются в структуру «дальневосточных страшилок» и характерны для большей части депрессивных регионов (11, с. 10–18). Дальний Восток в сознании российских властей оставался «пустым», в невидимом же пространстве происходило становление сложной и динамичной системы.

Участие в мировой торговле, обусловило рост внутрирегионального потребления. Дальний Восток начинает строиться, обзаводится социальной сферой. Дальневосточные капиталы инвестируются и в экономику региона, и в экономики сопредельных стран АТР (Китай, Республика Корея, Канада и др.). Рабочих рук не хватает. На помощь приходят граждане дружественных сопредельных стран. Показательно, что в строительстве, лесном секторе, сельском хозяйстве граждане Китая и Северной Кореи вытесняют местных работников. Точнее, местные работники, по большей части, предпочитают иные, менее трудозатратные и более доходные сферы деятельности.

Дальний Восток вполне успешно выживал и даже развивался. Вопреки традициям освоения его «переход в режим консервации» не привел к качественному сокращению или деградации региональной структуры. Структура трансформировалась, включив в себя множество новых элементов. Возникла сложная логистическая сеть, формируются сеть ресторанов достаточно высокого уровня, сложный и разветвленный автосервис, интенсифицируется местная культурная жизнь: возникают новые фестивали, театральные коллективы. Появляется масса подсобных производств: от бирж и страховых обществ до предприятий по сборке компьютеров и автомобилей. Владивосток по количеству машин на душу населения и уровню развития автосервиса оказывается самым «развитым» городом России. Хабаровск уже несколько раз признавался самым благоустроенным городом страны. Развивается индустрия гостеприимства. Региональные столицы на рубеже веков приобретают необходимый лоск. Неприязненное отношение к китайцам, фиксируемое в середине 90-х годов, сменяется на нейтральное, прагматическое. Более того, в ряде интервью, собранных автором в ходе реализации проекта «Феномен проточной культуры: возникновение, функционирование, деградация» (РФФИ, 2005 г.) отмечалось восхищение деловыми качествами китайских партнеров.

Но в нулевые годы страна вновь вспомнила о наличии дальневосточных территорий. Активно властное воздействие обрушилось на регион, создав новый поворот сюжета. Начали осваивать, как и в предыдущие периоды, «пустое пространство», а натолкнулись на заполненное. Такая неожиданная «заполненность» региона и была осмыслена как *внутренняя угроза*, что вызвало *ответные* действия центральной власти, и заставила защищаться даль-

невосточную периферию. Такое неожиданное для обеих сторон столкновение породило новый миф о «тотальной коррупции», «чиновном беспределе» в регионе.

Проблема «тотальной коррумпированности» Дальнего Востока всплыла недавно. В качестве имманентной характеристики она начинает фигурировать с 2006–2007 гг. Ее предшественник – миф о «преступном мире» Дальнего Востока, наследнике ГУЛАГа и «планеты Колыма» – имел совершенно иной смысл и функцию. Он отражал эпоху борьбы криминальных и государственных силовых предпринимателей за контроль над бизнес-сетями. Победа региональной власти фиксировалась как победа над преступностью. Сама же коррумпированность дальневосточных чиновников не особенно беспокоила федеральные власти. Борьба с коррупцией, как показал Г. Мюрдаль, всегда выступала наиболее эффективным инструментом силового взаимодействия «внутри» государства или с «несистемными элементами» политической структуры (10, с. 97–103). Но раз такая потребность борьбы с коррупцией ощущается высшими должностными лицами государства, значит есть или мнится некая значимая угроза. В чем же она?

Государство ощутило потребность создать на Дальнем Востоке альтернативный рынок энергоресурсов. Не вдаваясь в спекуляции на тему насколько серьезным было это стремление, отметим, что оно привело к интенсификации финансирования «региональных проектов», связанных с транзитными возможностями дальневосточных территорий: трубопроводы и железная дорога, портовые мощности, автодороги и терминалы – все это стало из «планов» переходить в реализуемые проекты. Но восторгов спасаемого региона это не вызвало. Причин здесь несколько. Во-первых, дальний Другой (государство, центр), символически легитимизирующий регион, но не проявляющий к нему особого внимания внезапно оказался ближним Другим. У этого универсального легитиматора, ближнего Другого на Дальнем Востоке оказались интересы, никак не связанные, во всяком случае, не связанные напрямую с интересами жителей. Более того, для их реализации необходимо было «отвлекать» существенные ресурсы (строительные мощности, транспорт, людей и т.д.) от деятельности, которая «кормит» Дальний Восток. Чем масштабнее оказывались проекты, тем труднее было поддерживать уже сложившуюся инфраструктуру. Но даже не это оказалось самым трудным. В конце концов, из центра шел тот же самый ресурс, который мог быть использован. Вокруг него тоже стали формироваться сети, перераспределяющие этот ресурс в интересах существенно большего круга акторов.

Дело в том, что «возвращение России на Дальний Восток» несло с собой не только увеличение финансирования федеральных проектов, но и прекращение «льготного» правового режима, прежде всего таможенного, который никогда не был введен де-юре, но существовал фактически. Руководство эко-

номикой региона все 90-е годы полностью лежало на его формальном и неформальном лидерах, которые создавали альянс. Неформальный лидер руководил «внутренней политикой» и экономикой субъекта Федерации, а формальный – вел диалог с центром и сообщал экономической системе региона необходимый уровень легальности. Вполне понятно, что как «стационарный бандит» (по модели М. Олсона) такой индивидуальный или коллективный глава был заинтересован в росте доходности «своего» бизнеса, а неформальный – прежде всего в «неформальном налогообложении», в неформальных выплатах, поскольку формальные выплаты подлежали «переделу» с центральным бюджетом, доля которого год от года увеличивалась. Соответственно, формальные выплаты снижались, и это вполне допускалось властями предрержащими.

Еще более значимым было «взаимопонимание» в области таможенной политики и льготного режима пересечения границы, позволившем хозяйству Дальнего Востока взаимодействовать с инновационной экономикой «глобальных ворот» Северо-Восточной Азии. Более того, дальневосточная продукция и дальневосточные предприятия пользовались преференциями. Их грузы «мягче» и, что принципиально в условиях российской таможни, быстрее досматривались, совокупные платежи (сборы, неформальные платежи, убытки от потери времени и др.) были меньше, чем те же выплаты «чужих», хоть и российских фирм. Причины понятны. И таможенники, и бизнесмены, и региональные власти, и население были заинтересованы в том, чтобы деньги и товары не «утекали» из региона. Это создавало серьезные конкурентные преимущества дальневосточной продукции на рынках АТР. Она там, действительно, была дешевле, чем внутри страны. Но такой «региональный протекционизм» мало устраивал государственные корпорации и просто крупные предприятия, проявившие интерес к транзитным возможностям региона: их грузы простаивали на дальневосточных таможенных переходах и в портах, подвергаясь самому суровому досмотру. Такая ситуация была осмыслена как «рассвет коррупции», что в общем соответствовало дефиниции, но совсем не соответствовало представлениям жителей региона.

Вполне устраивающий всех способ организации регионального сообщества и его материального обеспечения вошел в противоречие с задачами федеральной власти и, что существенно, вошел в противоречие неожиданно. Ведь согласно мифологическим представлениям, которые, кстати, вполне согласовывались со статистическими данными, зачастую еще более мифологическими, регион был «пуст» и «беден», остро нуждался в инвестициях, людях и т.д. Наличие у «пустоты» собственных, причем жестко отстаиваемых интересов оказалось шоком. Эту «ненормальность» поспешили исправить люди в погонах пришедшие на Дальний Восток вместе с очередным полпредом О. Сафоновым. Их усилия были направлены на «наведение порядка» в

регионе, страдающем от коррупции. Масштаб явления при этом оставался практически неизвестным. Начались многочисленные уголовные преследования высоких должностных лиц регионального уровня, «закручивание гаек» в таможене, милиции, миграционной службе и т.д.

Прежнее положение воспринималось местными акторами, как нормальное, местная и региональная власть, по большей части, обладала легитимностью, поэтому внешнее воздействие было осознано как структурное насилие, вызвав консолидацию региональных властных и экономических сетей. А так как законодательная норма, с которой центр «вернулся» на Дальний Восток, формировалась под те самые масштабные проекты и структуры, которые и составили конкуренцию местным видам деятельности, то последние постоянно оказывались в проигрыше. Правила игры, сложившиеся за полтора десятка лет, начинают давать сбои.

Обеспечение порядка и безопасности было возложено на местные власти, которые победили в жесткой схватке с криминалитетом в 90-е годы. Формальный статус властного лица не имел значения – он мог быть федеральным, региональным или даже муниципальным служащим. Важно, что именно он обеспечивал эффективное функционирование сети, экономическую транзакцию. Власти региона попытались «самортизировать» воздействие формального права, понимая его губительность для хозяйственного комплекса региона.

Законодательная норма принималась, но не выполнялась. Часть региональных ресурсов отвлекалась, для создания видимости исполнения правовой нормы, какими-то игроками пришлось «пожертвовать». Так, например, владелец крупнейшей в регионе золотопромышленной артели «Амур», оказавшейся чрезмерно доходной, В. Лопатюк был обвинен в «злоупотреблении полномочиями», лишился собственности в России и сегодня проживает в США. Показательно, что как только это, одно из наиболее доходных предприятий региона поменяло владельца интерес к тому, чтобы «посадить олигарха», исчез. Число примеров можно множить. Но в целом «правила игры» сохранялись; несколько усложнился механизм взаимодействия, в число «региональных льготников» попал ряд предприятий федерального значения, и только.

По существу, способность справляться с воздействием центра, приводить его в соответствие с «правилами игры» воспринимались в качестве критериев эффективности местной власти, власти регионального уровня. В какой-то момент казалось, что возможно достижение понимания на новом уровне. Да, компетенция местной власти сужалась по мере того, как расширялось присутствие федеральных компаний и госкорпораций. Но местные виды деятельности (экспорт леса, морепродуктов, импорт автомобилей, добыча неэнергетического сырья и др.) продолжали свое существование по прежним

правилам, а от местной власти ждали, что она выступит в своей традиционной роли – посредника между регионом и центром. Основания для «сдержанного оптимизма» были, во всяком случае с точки зрения дальневосточников. Ведь все требования центра были выполнены, наиболее доходные и легальные производства поменяли собственника, «Единая Россия» неизбежно побеждала на выборах. Сбор налогов с дальневосточных территорий возрастал.

Не сработало. Властный центр с удивлением убедился, что его собственные действия по наведению законного порядка или борьбе с олигархами, широко и искренне поддерживаемые «вообще», воспринимаются населением региона как нелегитимные или не вполне легитимные, как только касаются местных олигархов и местного «порядка». Стремление федерального центра использовать транзитные возможности региона оказалось камнем преткновения, поскольку эти возможности уже использовались и не совсем так, как предполагало государство. Поток ресурсов из региона или через регион в страны Северо-Восточной Азии и встречный поток «на запад» из соседних государств воспринимался местным сообществом как еще одно «ограбление» региона, так как эти потоки кормили Дальний Восток. Регион упорно не желал становиться «транзитным», мостом между Европой и Азией. Более того, назначенный в 2005 г. на должность полпреда в ДВФО бывший мэр Казани Камиль Исхаков в кратчайший срок из «государева ока» в регионе превратился в эффективного лидера регионального сообщества. Он стремился «пробить» проект, в котором помощью создания «особых экономических зон» и особого «приграничного режима» можно было развести интересы дальневосточных и «московских» экономических акторов. Внешнее воздействие оказывалось малоэффективным. Оно не распространялось на «пустоту», а пробивалось через уже сформированный и устоявшийся социальный массив. Это и стало толчком для начала борьбы с коррупцией на Дальнем Востоке. Сменивший Исхакова О.А. Сафонов, бывший высокопоставленный сотрудник МВД, был назначен полпредом с единственной целью – побороть коррупцию, «декриминализовать» вверенный ему округ.

Не оценивая эффективность этой борьбы, отметим ее главную специфику: в отличие от итальянских мафиозных сетей или иных моделей альтернативной социальной интеграции, борьба здесь велась в рамках одних и тех же государственных структур. Причем зачастую с полным ощущением собственной правоты и с одной, и с другой стороны. Высшее начальство, будучи федеральными назначенцами, боролось с «самоуправством на местах». Представители среднего и нижнего звена тех же ведомств, будучи жителями Дальнего Востока «отстаивали справедливость», т.е. защищали местные интересы, осуждая «превышение должностных полномочий» новыми силовиками и т.д. Инструментом и одной, и другой сторон служит борьба с коррупцией.

Антикоррупционная война, охватившая регион, породила странную ситуацию, когда одновременно существовали и прежние «правила игры», и «новые» законодательные нормы. Власти различного уровня и функций в хозяйственной системе (с ориентацией на местные формы деятельности или на «федеральные») вели ожесточенные бои, оставив бизнес на произвол судьбы. В результате хозяйственная активность в регионе резко пошла на убыль. При этом каждый раз принятие новых, вполне тривиальных протекционистских законов, призванных «защитить» регион, порождало новый спад. Так, закон, запрещающий вывоз необработанного леса, который так и не был введен, заставил традиционных потребителей дальневосточного «кругляка» (Республика Корея, Китай) переориентироваться на канадский лес. Новые правила вылова рыбы и выделения квот в 2006 г. поставили «на прикол» в разгар путины большую часть рыболовного флота. Ужесточение миграционного законодательства грозит сорвать не только жилищное строительство, но и возведение многих значимых промышленных объектов. «Праворульная» эпопея, оказавшаяся наиболее известным, хотя и не самым значимым проявлением новой ситуации, тоже порождена введением совершенно традиционной протекционистской нормы.

В последние годы в регионе ощутим спад, достаточно слабо связанный с мировым экономическим кризисом. Руководители предприятий приводят самые разные апокалипсические цифры падения. Однако, даже делая поправку на вполне конкретный «интерес» хозяйствующего субъекта, спад хозяйственной активности виден «невооруженным глазом», причем, в тех отраслях, которые не связаны с величиной государственных инвестиций (лесная отрасль, вылов морепродуктов, импорт техники и т.д.). Значительные территории уже превратились в «иждивенцев государства» (пожалуй, наиболее показательны пример Еврейской автономной области, экономика которой полностью зависима от федеральных трансфертов). Ведь, «сломав» прежние правила, центр не смог предложить значимой альтернативы. Пожалуй, выступления автомобилистов, при всем том, что с ними удалось более или менее успешно «справиться», вызвали к жизни иную программу. Наиболее пострадавший от вторжения извне Приморский край до 2012 г. может не особенно переживать о своем будущем. Невероятный для региона федеральный трансферт на проведение саммита АТЭС позволяет задействовать большую часть краевых мощностей и трудовых ресурсов. На Дальний Восток спешно переводятся производства из иных регионов страны.

Даже успешность «борьбы с коррупцией» в регионе была «оценена» отставкой О.Н. Сафонова и назначением на его пост «местного» губернатора В.И. Ишаева. Не то чтобы «коррупционная война» утихла совсем, но назначение Ишаева изменило в ней расстановку сил и задачу федеральной власти. По сути на Дальнем Востоке сегодня реализуется уникальный проект по ин-

теграции «несистемных» сетей. В его логику вписываются и последние договоренности В. Путина с руководством Китая, вызвавшие столь бурную и неоднозначную реакцию в России и совершенно спокойную – в Китае. Дело не в том, что китайцы здесь «выиграли», а россияне – проиграли. Просто для Китая, который изначально строил вполне легальные (со своей стороны) отношения с дальневосточными территориями, в этих договорах практически нет ничего нового. Может быть, только то, что китайских рабочих реже станут «щипать» блюстители правопорядка. А вот для России новое есть. Кроме традиционных договоров по энергетике, соглашения содержат стремление институционализировать уже сложившиеся экономические отношения, включить их в рамки общей хозяйственной системы. Насколько успешной окажется эта попытка, покажет ближайшее будущее. Собственно, об этом сегодня спорят ученые, бизнесмены и политики региона. «Уйдут» ли деньги из региона или останутся здесь. В первом случае несистемное противодействие и, увы, неизбежная деградация региона окажется неотвратимой. Во втором – дальневосточные сети будут включены в общероссийскую политическую и экономическую структуру. Но это будет уже совсем другая история.

Литература

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.: Монография. – Улан-Удэ: БГПИ, 1963. – 496 с.
2. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока России // Полис. – М., 2004. – № 5. – С. 28–39.
3. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или Национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. – М., 2004. – № 3.
4. Дидух Н.Н. Трудовая миграция как фактор развития Дальневосточного региона (социологический анализ) // Автореф. дисс. ...кандидата социол. наук. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2009. – 24 с.
5. Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 г. – Хабаровск: Реотип, 2009. – 256 с.
6. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых) // Под ред. Л.Е. Бляхер. – М.: МОНФ, 2000. – 112 с.
7. Ишаев В.И. Особый район России. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1998. – 246 с.
8. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917). – М.: Наука, 1985. – 458 с.
9. Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг.: Дисс. ...д-ра ист. наук. – Иркутск: ИрГУ, 2004. – 396 с.
10. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972. – 768 с.
11. Нечаев В.Д. Миф провинциальности: содержание и механизмы возникновения // Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах. – М.: Ин-т Африки, 1997. – С. 10–18.

12. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.
13. Осипов Г.Р. Взаимодействие формальных и неформальных методов управления в строительной отрасли города Хабаровск: Автореф. ...канд. социолог. наук. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2007. – 22 с.
14. Песков В.М. Российский Дальний Восток в глобализирующемся АТР // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз. – Хабаровск: Реотип, 2004. – С. 21–25.
15. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. – Омск: ОмскГУ, 2004. – 549с.
16. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. – М., 2007. – № 2. – С. 18–30.
17. Смирнягин Л.В. Новые подходы к старым проблемам // Независимая газета. – М., 2008. – 21 янв.
18. Унтергербер П.Ф. Приамурский край в XIX в. – СПб.: Тип. В.Ф. Кишбаума, 1900. – 486 с.
19. Филиппов А.Ф. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // Полис. – М., 2006. – № 3. – С. 121–135.

РОССИЯНЕ ЗА РУБЕЖОМ

А.Н. Барковский, А.Б. Шилов

РУССКИЕ НЕМЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Барковский Анатолий Николаевич – доктор
экономических наук, профессор.

Шилов Андрей Борисович – сотрудник Института
по изучению рынка труда Федерального агентства
занятости (ФРГ, Нюрнберг).

При формулировании темы исследования перед авторами возник ряд вопросов, ответы на которые пришлось искать в исторических документах, статистических данных и демографических отчетах.

Вопрос первый. Можно ли рассматривать в качестве этнических немцев людей, переселившихся в ФРГ из России в конце XX – начале XXI в., считая их потомками тех, кто уехал с географической территории нынешней Германии еще до существования не только германского государства, но и многих немецких княжеств?

Думается, что этот вопрос скорее риторический, и ответ на него может быть только однозначный: потомков тех немцев осталось не так уж много.

Что касается нынешних «русских немцев», то они на протяжении военных и не менее 30 послевоенных лет выживали в тяжелейших условиях. Находясь в лагерях и ссылках, женская и мужская части молодежи детородного возраста были разлучены. Таким образом, была насильственно прервана многовековая традиция компактного проживания, позволявшая сохранять мононациональность, поддерживать языковые и культурные традиции. Поэтому ни германские немцы, ни «русские немцы» не могут быть на 100% идентичны своим средневековым предкам и друг другу. Основные различия на сегодняшний день существуют в социокультурной и языковой сферах.

Вопрос второй. Можно ли утверждать, что за многовековой период пребывания предков нынешних «русских немцев» на территории России, СССР и постсоветских стран сложилась совершенно особая этническая общность с

сохранившейся старонемецкой речью, привнесенной из отдельных регионов Германии, своими обычаями, культурными традициями и собственной социальной структурой?

Такое утверждение близко к истине. Если посмотреть на возрожденные к настоящему времени культурные старонемецкие традиции в Азовском районе Омской области, на Алтае, в Казахстане и других сохранившихся территориях компактного проживания потомков немецких переселенцев (Поволжье, Краснодарский край, юг Украины), прослеживается явный перевес этих традиций над современными германскими. Это происходит, несмотря на старание культурных центров ФРГ различными способами, включая детские и молодежные лагеря, внедрять новую германскую культуру в сознание подрастающих «русаков». Интересно, что молодежь прочно усваивает современные российские традиции: даже перебравшись с родителями в Германию, молодые люди с удовольствием продолжают отмечать 8 марта и Новый год. Примечательно то, что на этих праздниках не звучит ни одной немецкой песни. Возможно, это характерно не для всех земель нынешней Германии, а лишь мест компактного проживания поздних переселенцев, но факт есть факт. Очевидно, что такие сообщества, которые еще не доросли до ассимиляции, имеют какое-то право на национальную автономию как на территории России, так и Германии в рамках государственного законодательства этих стран.

Вопрос третий. Правы ли те, кто считает, что российская интеллигенция, рабочие высокой квалификации и образованное крестьянство во многом обязаны генам немецкой нации, вливающимся в славяно-татаро-угорскую кровь жителей Руси и России, начиная с раннего Средневековья и особенно с XVIII столетия?

Многочисленная литература по теме «российские немцы», на которую ссылается электронная энциклопедия **Википедия** позволяет сориентироваться в персоналиях, давших многочисленное потомство россиянам с немецкими фамилиями. Среди них военачальники, моряки, горные инженеры, ученые в различных областях точных, естественных и гуманитарных наук, писатели, врачи, юристы, музыканты и артисты.

Те немецкие рабочие, которых по квалификации можно было бы приравнять к современным техникам, и сегодня из-за своей добросовестности, организованности и скрупулезности, по их словам, подчас плохо воспринимаются их коллегами на российских предприятиях.

Потомки сельских предпринимателей и товаропроизводителей, «раскулаченные» и деклассированные в годы индустриализации, в наибольшей степени претерпели от преследований в годы сталинского режима. Это можно охарактеризовать одним, но весьма емким словом – геноцид. И тем не менее в 1967 г. уже после отмены Указа 1941 г. «О переселении немцев, прожи-

вающих в районах Поволжья» тогдашний Председатель Верховного Совета СССР Анастас Микоян на встрече в Кремле с делегатами российских немцев откровенно признался, что возрождение в Поволжье автономной республики невозможно даже не по политическим, а по экономическим причинам. Ведь тогда некому будет осваивать целину, работать на шахтах Казахстана, строить важнейшие народнохозяйственные объекты (1, с. 28–29). Кстати, по нашим сведениям, уже в 1970-е годы немецкие юноши по своим качествам часто призывались военкоматами в наиболее престижные и секретные ракетные войска, что подтверждает профессиональное доверие советского армейского руководства к «русским немцам» и их потомкам.

Вопрос четвертый. Не является ли движение по возвращению этнических немцев в современную ФРГ после советско-германского соглашения 1955 г., затронувшего судьбы миллионов людей, одним из политических компромиссов исторического значения, по существу – сговором тогдашних властей обоих государств для достижения на основе взаимных уступок экономических и внутривластных выгод?

Напомним, что послесталинское руководство СССР, стремясь выйти из изоляции, искало различные пути нормализации отношений с Западом. Отправным пунктом явилась четырехсторонняя встреча в верхах в Женеве, первая с 1945 г., которая открыла новые возможности прогресса в решении германского вопроса. Осенью 1955 г. впервые в Москве была принята делегация во главе с канцлером ФРГ К. Аденауэром.

В ходе этого официального визита был подписан ряд соглашений. В 1955 г. был решен вопрос об освобождении немецких военнопленных, не имевших судимости, и их отправки в ФРГ и ГДР. Вопросы реэмиграции стали решаться позднее, но этот визит К. Аденауэра стал определяющим в развитии отношений между СССР и ФРГ.

Вопрос пятый. Чем объяснить такую странность, что немецкие мигранты в США, Австралии, Новой Зеландии растворялись в общей массе населения уже во втором поколении? В то время как в России они, в основном, сохраняли черты и статус национального меньшинства. В ряде федеральных земель они сохранили фактически признаки этого статуса и ныне, после приезда в Германию?

Дело в том, что переселение первых немцев в Россию носило высокоорганизованный характер (по религиозным конфессиям, местам исхода из Германии и другим общим признакам). Это, в первую очередь, определило отсутствие в течение двухвековой истории признаков ассимиляции и возможность сохранения национальной автономии, которая имеет все основания для официального признания и сейчас в России и Казахстане.

Немецкие переселенцы в другие страны не имели возможности селиться большими группами, состоящими из родственников и знакомых в связи с за-

селением мало освоенных до них земель. Сам способ их заселения был совершенно иным: вместо традиционных деревень и даже достаточно близко расположенных хуторов (как на Волыни), речь могла идти только о ранчо на многокилометровых расстояниях друг от друга (семейные фермы) или городских учреждениях, где процесс ассимиляции проходит гораздо быстрее.

Исторически обусловленная привычка русско-немецких переселенцев к тесному общению с коренным населением России привела к переносу в нынешнюю Германию российских традиций. Некоторые исследователи принимают такие сообщества за гетто-поселения.

«Поздние переселенцы»: Законодательная основа их социального статуса

В Федеративной Республике Германия функциями по учету и распределению мигрантов на территории страны занимается Федеральное административное ведомство (Bundesverwaltungsamt) при Министерстве внутренних дел. В его функции входит установление личности мигранта, его регистрация на территории ФРГ и дальнейшее направление к месту его будущего проживания. Для равномерного распределения мигрантов по федеральным землям используется специальный «ключ», методика определения численности мигрантов для направления в федеральную землю относительно количества проживающего там коренного населения. Данный метод должен предотвращать возникновение анклавов и улучшать процесс интеграции мигрантов.

Проблема интеграции «поздних переселенцев» сегодня особенно остро стоит перед германским обществом и государственными институтами. Люди, приехавшие в Германию по программе переселения «этнических немцев», формально считаются близкими немецкой культуре, языку и традициям. На практике же оказалось, что процесс их интеграции в германское общество не менее труден, чем интеграция любых других иностранцев, не имеющих немецких «этнических корней».

Германское законодательство дает исчерпывающее определение «поздних переселенцев». Согласно § 6 части 2 «Закона о вынужденных переселенцах», «поздними переселенцами» считаются только люди, принадлежащие к «немецкому народу». В соответствии с этим же законом немцами считаются следующие категории граждан:

- лица, у которых один из родителей является гражданином Германии или имеет национальность «немец»;
- лица, которые до переезда относили себя исключительно к гражданам немецкой национальности или отождествляли себя с немецким народом в сопоставимой форме;

– лица, владеющие в момент получения согласия на переселение от Федерального административного ведомства (ФАВ) простым разговорным немецким языком, выученным в кругу семьи.

Только тот, кто удовлетворяет этим требованиям, может быть принят в Федеративной Республике Германия как «поздний переселенец».

Основанием для принятия данного закона и введения самого понятия «поздний переселенец» стали итоги Второй мировой войны. В результате поражения фашистской Германии в войне вновь образованные государства ГДР и ФРГ утратили значительные территории в Восточной Европе. Часть населения этих территорий составляли «этнические немцы», подвергшиеся в послевоенные годы серьезным притеснениям со стороны новых правительств Польши, Чехословакии и Румынии. Именно для приема на территории ФРГ «этнических немцев», бежавших или выселенных из этих стран, и был принят в 1953 г. Закон «О вынужденных переселенцах».

Принадлежность к «немецкому народу» может быть доказана путем предоставления соответствующих документов, а знание языка – при прохождении языкового теста. Германское законодательство допускает переезд также не «немецких» близких родственников «позднего переселенца».

Таким образом, после прохождения формальных процедур на установление принадлежности к «немецкому народу», его языку и культуре, «поздний переселенец» из стран бывшего СССР получает право на переезд в Федеративную Республику Германия.

До 1988 г. переезд этнических немцев в ФРГ из СССР был ограничен по политическим соображениям. Начиная с 1988 г., произошел резкий рост эмиграции этнических немцев из СССР, достигший своего пика в 1989–1990 гг. (400 тыс. человек ежегодно) (7).

1 января 2005 г. ФАВ начало выдачу справок для «поздних переселенцев», подтверждающих их статус на основе § 15 ч. 1 закона о переселенцах (7) после прибытия на определенное для них место жительства. Не «немецкие» члены семей также получают свидетельство об их принадлежности к «немецкому народу».

Данная справка является основой для получения «поздними переселенцами» гражданства ФРГ, а также для получения ими социальной и интеграционной помощи от государственных органов власти всех уровней (от местного до федерального). При получении гражданства «поздним переселенцам» позволяется изменять полученные при рождении имена на «немецкозвучащие», что должно в будущем облегчить их интеграцию.

Согласно § 9 ч. 3, «поздние переселенцы» имеют право на получение единовременной интеграционной помощи в качестве компенсации за «пережитые в бывшем СССР лишения». Размер помощи зависит от года рождения «позднего переселенца»:

- лица, родившиеся до 01.01.1946 г., получают единовременно 3 068 евро;
- лица, родившиеся после 01.01.1946 г. до 01.04.1956 г. – 2 046 евро.

Таким образом, германское законодательство предельно четко определяет, кто такой «этнический немец» и члены его семьи. Именно благодаря особому законодательному статусу «поздние переселенцы» получают значительные юридические преимущества перед прочими иностранцами. Стоит особенно выделить такие как: быстрое получение германского гражданства, признание аттестатов и дипломов о профессиональном образовании стран СНГ и признание соответствующего трудового стажа.

Лица, достигшие пенсионного (65 и более лет) возраста, по прибытии на территорию Германии автоматически включаются в систему социального обеспечения. После переезда на «историческую родину» пенсионеры из числа «этнических немцев» подпадают под действие закона об иностранных пенсиях. Согласно этому закону, «поздним переселенцам» назначается пенсия, исходя из их стажа работы по специальности на территории бывшего СССР. Сам процесс пересчета представляет достаточно сложную процедуру приравнивания специальности и реальной работы (по трудовой книжке) к германским аналогам в экономически слабых регионах ФРГ. Иными словами, шахтер – «этнический немец» с территории бывшего СССР получал пенсию, сопоставимую с пенсией германского шахтера, работавшего в депрессивном регионе (скажем, на территории ГДР). Начиная с 1996 г., процесс пересчета пенсий был изменен, и пенсия за годы, отработанные в СНГ, ограничивается размером «Единовременного интеграционного пособия».

До 1988 г. основную часть этнических переселенцев составляли немцы из Польши и Румынии. С 1988 г. прослеживается активная динамика переселенцев из стран СНГ. Затем данный процесс замедлился и в период 1992–1996 гг. в среднем за год в Германию прибывали до 200 тыс. человек из всех стран СНГ. С 2006 г. динамика миграции «поздних переселенцев» стабилизировалась на уровне нескольких тысяч человек в год.

Как уже отмечалось, распределение «поздних переселенцев» по федеральным землям происходит централизованно. Эта мера была введена для соблюдения принципа «равной нагрузки» на местное население и социальные структуры.

Внутри земель распределение на обязательное место проживания осуществляется местными властями. Согласно Закону «О назначении места жительства», «поздний переселенец» обязан прожить в назначенном ему месте три года. В случае нарушения закона он лишается всех интеграционных пособий и переводится на минимальный размер социальной помощи.

Идея привязки «этнических немцев» на три года к назначенному им месту жительства обусловлена желанием германских властей обеспечить интегрирование мигрантов в социальную среду. Таким образом, была предпринята

попытка избежать формирования «гетто», населенных «поздними переселенцами».

Несмотря на попытку властей распределить «поздних переселенцев» равномерно среди местного населения, многочисленные исследования: (7; 11, с. 155–202), а также официальная статистика свидетельствуют о желании переселенцев жить в окружении своих соотечественников. Естественным образом это желание приводит к попыткам «этнических немцев» селиться компактно по истечении срока их обязательной «прописки». Дополнительным институциональным фактором компактного расселения этнических переселенцев стала и политика заселения, проводимая отдельными землями.

В целях экономии средств «поздних переселенцев» заселяли на территории военных городков, оставшихся после вывода американских, французских и канадских войск с территории ФРГ.

По данным Мюнца и Орингера (11), в местах компактного проживания сформировалась своя социальная инфраструктура, приведшая к образованию «русскоязычных гетто». В этих районах даже возник свой ограниченный рынок труда («русский магазин»), рынок жилья и, конечно же, возникли новые русскоязычные семьи из детей потомков мигрантов. Все это говорит о том, что процесс интеграции «поздних переселенцев» в германское общество столкнулся с определенными трудностями.

По данным доклада МВД Германии «О положении мигрантов», «поздние переселенцы», несмотря на свою принадлежность к немецкому народу достаточно слабо информированы об истории современной Германии, ее политической жизни и общественных институтах.

Точно так же и местное население не воспринимает их как «настоящих немцев», а относится к ним как к прочим переселенцам из других стран.

Интеграция «поздних переселенцев» в германский рынок труда

Вопросу интеграции «поздних переселенцев» в германский рынок труда уделяется большое внимание как со стороны германских властей, так и со стороны ученых, занимающихся проблемами экономики труда (*labor economics*)¹.

Благодаря преимуществам «этнических» переселенцев перед другими мигрантами из стран бывшего СССР или государств, не входящих в ЕС, ряд серьезных административных барьеров на пути интеграции мигрантов в гер-

---

1. Labor economics – точный перевод «экономика труда», но само значение этого термина серьезно отличается от того, что принято понимать под этим в России еще с советских времен. Термином «labor economics» обозначается раздел экономики, находящийся на срезе макро- и микроэкономики. – Прим. авт.

манский рынок труда преодолевается «этническими немцами» автоматически.

Следует также отметить, что значительную долю переселенцев составляют люди в трудоспособном возрасте от 18 до 65 лет, получившие полное среднее или профессиональное образование на территории бывшего СССР. Для этих людей остро встает проблема интеграции в новый для них рынок труда.

И для германских работодателей возникает проблема приема на работу этой особой категории работников: лиц, сразу же получающих германское гражданство и вместе с этим все права гражданина Германии, но в то же время получивших свою профессиональную подготовку в другом государстве.

Лица, не достигшие 18-летнего возраста, как правило, сразу интегрируются в германскую систему образования. Но для них возникает проблема полноценной интеграции в эту систему, заметно отличающуюся от системы среднего образования в России и СНГ.

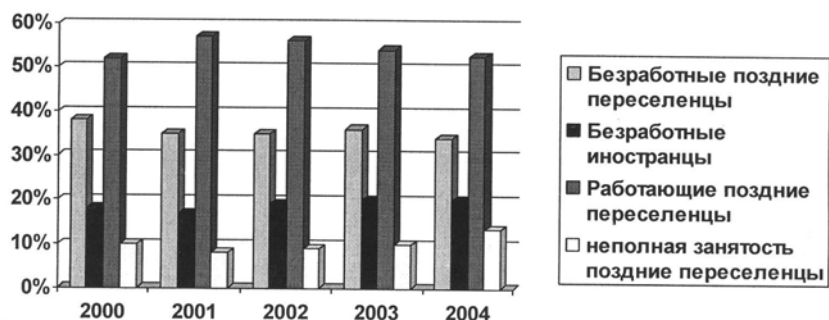
Серьезным препятствием при исследовании вопроса интеграции «поздних переселенцев» в рынок труда является быстрое обретение ими германского гражданства, с получением которого человек «теряется» в общей статистике, так как работодатель при подаче статистической информации указывает не место рождения работника, а его гражданство. Таким образом, «этнический немец» из СНГ автоматически растворяется среди прочих работников.

Все наиболее полные и статистически достоверные исследования ситуации на германском рынке труда проводятся на базе данных Федерального агентства по занятости (Bundesagentur für Arbeit). На их основе Институтом по изучению рынка труда и занятости (IAB), формируются так называемые «Интегрированные трудовые биографии», позволяющие оценить ситуацию с безработицей и характером занятости «этнических немцев» (диагр. 1).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что уровень безработицы среди «поздних переселенцев» оставался с 2000 по 2004 г. стабильно высоким (более 30%) и значительно превышал безработицу других мигрантов, для которых она не поднималась выше 20%. Иностранцами в данном случае называются лица без германского гражданства. Уровень занятости среди «этнических немцев» никогда не поднимался выше 58%, а количество работающих неполную рабочую неделю составляло примерно 10%.

Этот факт вызывает ряд вопросов, так как по сравнению с другими иностранцами «поздние переселенцы» находятся в привилегированном положении.

Диаграмма 1

Занятость и безработица

Анализ распределения «этнических немцев» по статусу занятости и уровню образования показывает: наибольшее количество безработных зарегистрировано среди лиц с высшим образованием (более 40%). Этот факт стал предметом исследования группы ученых (6). Авторы отмечают, что, несмотря на признание дипломов о высшем образовании и получении германского гражданства, проблема безработицы наиболее остро стоит именно для переселенцев этой категории. Они полагают, что одной из причин данного феномена может быть плохое знание «поздними переселенцами» немецкого языка. Это является серьезным негативным фактором особенно при устройстве на высококвалифицированную работу. Но в общей численности «поздних переселенцев» лица с высшим образованием составляют менее 10%.

Среди лиц без профессионального образования безработица составляет 40%, что является очень высоким значением, однако соответствует общей тенденции на германском рынке труда.

Наиболее низкий уровень безработицы зарегистрирован среди лиц со средним специальным образованием, и они же составляют более половины от общего числа «поздних переселенцев». В качестве возможной причины такой ситуации выдвигается следующее предположение: среднее профессиональное образование не позволяет претендовать на должность, связанную с хорошим знанием языка, в то же время эти люди значительно лучше подготовлены для работы разнорабочими, чем лица без профессионального образования. Большинство представителей данной группы занимаются низкоквалифицированным трудом – около 3/4 мужчин и 2/3 женщин.

Таким образом, несовпадение формального уровня образования и фактического рода работы свидетельствует о недостаточно успешной интеграции «этнических немцев» в германский рынок труда.

Финансовая «дискриминация» «поздних переселенцев»²

Существуют проблемы и в оплате труда «поздних переселенцев», связанные с противоречием между формальным признанием советских документов об образовании и различиями в оплате труда «поздних переселенцев» и «нормальных» немцев при равной формальной квалификации. Об этом можно судить по данным о средней дневной заработной плате.

Они показывают, что средняя начальная заработная плата высококвалифицированного «позднего переселенца» на 40% ниже начальной заработной платы высококвалифицированного «коренного» немца.

По мере снижения квалификации работника снижается и разница в начальной средней заработной плате. Такое значительное снижение в разнице заработной платы позволяет сделать вывод о том, что чем ниже формальные требования к работнику, тем меньшую роль играет для работодателя его «происхождение».

Для окончательного и статистически достоверного вывода о разнице в заработной плате между двумя группами помимо формального уровня образования требуется оценить еще ряд факторов, влияющих на уровень заработной платы.

В частности, наличие у «поздних переселенцев» среднего профессионального или высшего профессионального образования положительно сказывается на уровне их заработной платы.

В то же время размер коэффициента при высшем образовании различается у «поздних переселенцев» и у «коренных» немцев на 34% (0,222 против 0,337). Это позволяет сделать вывод о том, что существует значительная разница в оценке работодателем «сигнала» о качестве работника, посылаемого дипломами о высшем образовании разных стран.

Иными словами, несмотря на признание дипломов и получение гражданства «поздний переселенец» с высшим образованием получает заработную плату меньшую, чем формально аналогичный местный житель.

Разумеется, в данном уравнении не оценен ряд так называемых «ненаблюдаемых» факторов, таких как реальное знание немецкого языка, а не просто посещение курсов. Этот фактор особенно важен при устройстве на высококвалифицированную работу, так как она предусматривает значительный объем как письменной, так и устной коммуникации.

Другим не менее важным фактором является несовпадение заявленной в дипломе специальности и предыдущего опыта работы в СНГ с реальными

---

2. При исследовании данного вопроса автор основывался на статье: Horhing S.O., Rottmann H., Wapler R. *Information asymmetry, education signals and the case of ethnic and native Germans* // IAB Diskussion Paper. – 2009, N 14.

потребностями германского рынка труда, так называемый «skills mismatch». Серьезным недоверием среди германских работодателей пользуются и высшие учебные заведения стран СНГ. Большинство германских работодателей имеют достаточно смутное представление о системе образования на территории бывшего СССР.

Например, сопоставление квалификации «инженер», полученной в институте на территории бывшего СССР, или «инженер», полученной в германском техническом университете, представляет собой значительную проблему. Это подтверждается наличием в Интернете значительного количества ресурсов, где работодатели пытаются выяснить друг у друга на основе личного опыта насколько тот или иной «импортированный» из СНГ диплом соответствует по уровню квалификации аналогичному германскому.

Можно ли характеризовать данный факт словом дискриминация? Если да, то эта дискриминация не является следствием государственной политики. Скорее наоборот, она **происходит вопреки усилиям** правительства ФРГ по созданию институциональных условий для полноценной интеграции «этнических немцев» в рынок труда. «Дискриминация» носит характер интуитивного недоверия значительного числа германских работодателей ко вновь прибывшим работникам. Именно элемент недоверия к мигрантам со стороны работодателей был приведен в качестве возможной причины разницы заработных плат между ними и местным населением в работах нобелевского лауреата К. Эрроу (3, р. 83–102; 4, р. 193–216).

Если характеризовать это «недоверие» в научных терминах, то мы имеем дело с «асимметрией информации», когда сигнал о квалификации, исходящий от «поздних переселенцев» воспринимается работодателями в искаженной форме.

Интеграция «переселенческой» молодежи в систему образования Германии

Для рассмотрения вопроса об интеграции «переселенческой» молодежи в германскую образовательную систему необходимо сделать экскурс в само устройство этой системы. Среднее образование в Германии значительно отличается от среднего образования в России и состоит из четырех видов школ.

1. «Начальная школа»: 1–4 классы. В ней идет обучение всех детей с шести-семи летнего возраста в общем потоке. Основные подразделения учеников по их «способностям» происходят после окончания начальной школы.

2. «Основная школа» (Hauptschule): обучение до 9 класса. После ее окончания человек может продолжить свое обучение по «рабочей» профессии.

3. «Реальная школа» (Realschule): обучение до 11 класса, после чего школьник может сдать экзамен и поступить в гимназию либо продолжить обучение «младшим офисным» специальностям.

4. Гимназия (Gymnasium): обучение до 13 класса, сдача единого экзамена, позволяющего поступать в университет.

Разумеется, внутри этих разнообразных видов школ возможны переходы учеников как вверх (что случается крайне редко), так и вниз, что происходит значительно чаще.

Германская система намного «разнообразней» и значительно запутанней российской (бывшей советской).

Проблема интеграции в эту систему школьников, прибывших в рамках программы позднего переселения в Германию, достаточно сложна. С одной стороны, человеку, начавшему свое школьное обучение в СНГ предстоит «вклинивание» в одну из ступеней среднего образования, с другой – ему еще только предстоит выучить немецкий язык.

Значительную сложность в процессе интеграции представляет собой и позиция органов образования Германии по приравниванию уровня российских и немецких школ.

Статус и пол «позднего переселенца» оказывают отрицательное влияние на риск получения общего среднего образования, в то время как возраст при переезде и количество детей в семье влияют положительно.

Исследования эконометрического характера показывают, что чем позже человек переехал в Германию, тем больше вероятность того, что он не получит полного среднего образования. То же касается и детей из многодетных семей «поздних переселенцев». Интеграция детей «этнических немцев» в систему образования ФРГ проходит неидеально. Причина заключается как в самой запутанной конструкции среднего образования, совершенно чуждой нашим бывшим согражданам, так и в ряде других социальных и экономических факторов.

Заключение

Правительство ФРГ уделяет значительное внимание законодательному оформлению процесса переселения этнических немцев. Весь их путь от прибытия на территорию ФРГ до получения жилья в конкретном муниципалитете досконально расписан в германском законодательстве. Несмотря на льготные институциональные условия переселения (получение гражданства и признание дипломов), материальную помощь от государства в виде пособий и языковых курсов, интеграция проходит сложно. Сказываются как незнание немецкого языка, истории, современной германской культуры, так и настроенное отношение германских работодателей к вновь прибывшим сооте-

чественникам. Исходя из этих фактов, можно сделать вывод о том, что идея об этнической миграции как инструменте для улучшения демографической ситуации, привлечения в страну людей со схожей культурой, менталитетом и языком себя не оправдала. Несмотря на формальный признак «национальной общности», обе группы населения оказались весьма далекими друг от друга, еще раз подтвердив тезис Карла Маркса о том, что «бытие определяет сознание».

Но есть немало факторов, которые могут способствовать поступательному развитию благоприятного отношения к «русским немцам» как на территории постсоветских республик, где они имеют многочисленное потомство и хорошие профессии, так и в самой Германии, где третье поколение переселенцев можно будет считать обычными немцами независимо от места рождения их предков. (Считаем же мы потомков российской императорской фамилии русскими по менталитету, несмотря на то, что матери в их семьях были в основном немками.)

Во-первых, и это главное, сегодня есть реальный исторический шанс для того, чтобы обе ветви одного народа, российская в Германии и немецкая в России, Казахстане и в Украине сделали все возможное для сохранения памяти о своих исторических корнях.

Это прежде всего касается культурного сотрудничества (создание музеев, концертных площадок, совместных фильмов). Почему для «русских немцев» в Германии часто проходят гастролы наиболее популярных артистов из России, а в регионах России с компактным проживанием немецкоязычного населения редко гастролы артистов из ФРГ?

Во-вторых, может быть создана более прочная правовая основа для взаимной трудовой миграции. Сегодня Россия в условиях демографического спада испытывает дефицит трудовых ресурсов по многим профессиям, которые в Германии стали избыточными (сборщики техники, станочники, операторы машин по уборке городского мусора, дорожные строители, монтажники сложных сооружений и др.) (2, с. 14). В то же время российские регионы могли бы предложить по запросам земельных администраций профессионалов в других областях, связанных, например, с энергетикой.

В-третьих, можно усилить совместные научные исследования как в исторических, социологических, экономических и политологических дисциплинах, так и в точных и естественных науках. Ведь речь идет о просвещении миллионов людей с немецко-славянскими корнями.

Тогда естественным образом будет нормализована как проблема автономных образований в России, где основным движущим началом станет не столько административный ресурс, сколько культурная автономия, так и задача ассимиляции потомков переселенцев в нынешней Германии.

Литература

1. Немцы в России и СНГ (1763–1997). Москва – Штутгарт, 1988. – Вып. 6.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2009 г. № 961 «Об определении на 2010 г. потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников // Российская газета. – М., 2009. – 14 дек.
3. Arrow K.L. Models of discrimination. Racial discrimination in economic life. Lexington (Massachusetts). 1972.
4. Arrow K.J. Higher education as a filter // Journal of public economics. 1973. – N 2. – P. 193–216.
5. Becker G.S. Human Capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education // Columbia University Press. – New Your, 1975.
6. Brück-Klinberg, A., Burkert C., Seibert H., Wapler R. IAB Kurzbericht. – 2007. – N 8.
7. Dietz B. Ethnic German Immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the Effects of Migrant // IZA Discussion Paper. – 1999. – N 68.
8. Dietz B. Zwischen Anpassung und Autonomie. Rußlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. – Berlin, 1995.
9. Fuchs M., Sixt M. Die Bildungschancen von Aussiedlerkindern // SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research. – Berlin, 2008.
10. Kreyenfeld M., Konietzka D. The transferability of foreign educational credentials – The case of ethnic German migrants in German labor market // Max Planck Institute for Demographic Research WP. – 2001.
11. Münz R., Ohringer R. Long-Distance Citizens: Ethnic Germans and their immigration to Germany, paths to Inclusions // The Integration of Migrants in the US and Germany. – New York, Oxford, 1998.
12. Söhn J. Bildungserfolge junger Aussiedlerinnen und anderer Migrantinnen der ersten Generation // Wissenschaftszentrum für Sozialforschung. – Berlin, 2007.

А.В. Докучаева

**ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ И РУССКИМ В УКРАИНЕ,
БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНЕ
(ПО ОПРОСАМ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ)**

Докучаева Александра Викторовна – кандидат
физико-математических наук, заведующая Отделом
диаспоры и миграции Института стран СНГ.

Важнейшим фактором, определяющим самочувствие российских соотечественников за рубежом, является качество межгосударственных отношений страны проживания и России. Верно и обратное: положение и самочувствие российских соотечественников в постсоветских государствах может служить определенным индикатором для оценки перспектив отношений стран их проживания и России. И этот индикатор показывает, что Россия утрачивает свое положение «центра притяжения» не только в среде политической элиты, определяющей политику, но и в массе населения новых независимых государств, а также, к сожалению, и среди тех, кого мы считаем или готовы называть российскими соотечественниками. Еще большее сожаление вызывает то, что антироссийские настроения все в большей мере прослеживаются в славянских странах.

Тревожным сигналом утраты российских позиций в настроениях населения постсоветских государств стали итоги переписи населения Украины в 2001 г.¹, которые показали, что число тех, кто назвал себя русским, снизилось по сравнению с 1999 г. на 25% – более чем на 3 млн. человек. Нет оснований объяснить такую существенную потерю русского населения только миграцией или естественной убылью. Вмешалась еще одна причина – дерусификация русских, которые в результате активной украинизации 1990-х годов, когда быть русским оказалось неудобно и невыгодно, записались в 2001 г. как ук-

---

1. *Итоги переписи населения Украины. 2001 год.* – www.ukrstat.gov.ua/Perepis/PidsPer_r.htm

раинцы². Особенно значительно сократилась численность русских в традиционных русскоязычных восточных областях. Максимальная абсолютная убыль русских была зарегистрирована в Крыму (–512,1 тыс. человек), затем в Донецкой (–471,7 тыс.), Харьковской (–312,2 тыс.), Днепропетровской (–308,2 тыс.), Луганской (–287,2 тыс.), Одесской (–210,5 тыс.) областях, Киеве (–199,4 тыс.), Запорожской области (–187,3 тыс. человек). Сравнивая цифры прироста украинцев и убыли русских в ряде регионов можно сделать вывод о том, что часть населения этих регионов (Киев, Одесская обл.), считавших себя «русскими» в 1989 г., стали «украинцами» в 2001 г. Единственным местом Украины, где число русских увеличилось, был Севастополь (+30,1 тыс. человек). Оказывается, что быть русским стало непрестижно на Украине, за исключением города-героя Севастополя.

Украинизация шла и продолжает идти по двум главным направлениям³: вытеснение русского языка из всего официального делопроизводства и образования, насильственная паспортизация русских в «украинцев». Немалый «вклад» в антирусские настроения вносит и антироссийская пропаганда, развернутая в связи с освещением «голодомора», оправданием и возвеличиванием УОН-УПА, пропаганда, уже вошедшая в школьные программы. Надо отметить, что далеко не все русскоязычные семьи проявляют интерес к школьным программам по истории. Так, результаты опроса⁴ показали, что только 29% опрошенных российских соотечественников на Украине проявляют интерес к тому, как их детям и внукам преподают историю. Из них 65% не удовлетворены тем, как в учебниках представлены российско-украинские отношения, а треть из них считает, что все в порядке или не смогли определить свою позицию.

Смена политического руководства на Украине пока не привела к существенному изменению межнациональной политики. Обещания Партии регионов и надежды избирателей на повышение статуса русского языка не реализованы и в 2010 г. Преобладающее большинство молодых российских

---

2. Тархов С.А. *Итоги переписи населения Украины 2001 г. – Четвертые сократительские чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. Сборник докладов. Под ред. В.А. Шупера.* – М.: Эслан, 2004, с. 144–164, <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0173/analit05.php>

3. Орлов. А. Украинская «матрица». *Перезагрузка.* – Академия Тринитаризма, М. Эл. № 77-6567, публ. 13091, 16.03.2006.

4. *Российская diaspora на пространстве СНГ – Институт стран СНГ.* – М., 2007, 286 с. – Исследование положения российских соотечественников на постсоветском пространстве было проведено осенью 2006 г., охватило шесть стран СНГ: Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Украину и непризнанную тогда Абхазию и Приднестровье.

соотечественников в опросе 2009 г.⁵ (86,4% опрошенных) оценили отношения между украинцами и русскими как «теплые, доверительные», но в то же время большинство из них дали отрицательную оценку политике властей по отношению к русскому населению на Украине⁶. Выявленная в ходе исследования оценка отношения к России со стороны руководства Украины преимущественно отрицательная⁷, население же Украины относится к России более положительно⁸, чем власти. Тем не менее эксперты полагают, что предстоящая перепись населения Украины в 2011 г. выявит дальнейшее снижение доли русского населения⁹ в результате продолжающейся «украинизации» и предпочтения «европейского вектора» развития.

Результат переписи населения, проведенной в 2009 г. в Белоруссии¹⁰, может также свидетельствовать о повороте политики нашего партнера по союзному государству в сторону от России. Если в 1999 г. в Белоруссии проживали 1 млн. 142 тыс. русских (11,4%), то через десять лет их количество уменьшилось до 785 тыс. Теперь русские составляют 8,3% населения республики.

В то же время после предыдущей переписи 1999 г. значительно возросло (в процентном отношении) число жителей Белоруссии, назвавших русский язык родным. Так, если в 1999 г. среди белорусов таковых было только 14,4%, то в 2009 г. – уже 37%. Если брать все население Белоруссии, то 42% считают русский своим родным языком. Еще более значим русский язык в качестве разговорного – на нем говорят 70% жителей республики. Среди самих белорусов также примерно 70% предпочитают русский язык в качестве разговорного. Приведенные данные говорят о том, что у населения нет отторжения русской культуры, русского языка.

---

5. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – ООО «ЛИМА-консалтинг». – М., 2010. – 554 с. – Исследование проведено осенью 2009 г. в странах СНГ (за исключением Туркмении) и Приднестровье. Опрашивались молодые российские соотечественники в возрасте от 15 до 35 лет.

6. Там же, с. 405 – сумма негативных оценок 171,6% против 27,4% – положительных. Из негативных оценок наиболее часто соглашались с суждением, что «создаются препятствия для использования русского языка» (64,5%), и «препятствия для получения образования на русском» (44,3%).

7. Там же, с. 414 – 82,3% опрошенных дали преимущественно негативную оценку отношению властей Украины к Российской Федерации.

8. Там же, с. 414 – 97% опрошенных – оценили отношение жителей Украины к России как от «очень хорошо» до «скорее хорошо».

9. Каминник И. Украина Януковича: перепись населения как инструмент дискриминации. – Сайт Русской общины Украины, 23.07.2010. – <http://www.russian.kiev.ua/material/php?id=11604998>

10. Результаты переписи в Белоруссии 2009 г. – <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Межнациональные отношения и национальная политика в Белоруссии оценивались нашими соотечественниками и в 2006 г.¹¹ и в 2009 г.¹² стабильно положительно. А вот оценка межгосударственных российско-белорусских отношений говорит об их явном ухудшении за последнее время. Если в 2006 г.¹³ более 63,2% опрошенных считали отношения России и Белоруссии хорошими, и 33,2 – скорее хорошими, то в 2009 г.¹⁴ больше половины опрошенных (61,5) назвали отношение властей Белоруссии к России плохим (и только 16,3% – хорошим). В то же время антироссийские настроения не привились еще в массе населения. Отрицательно оценили отношение населения Белоруссии к России только 16,3% молодых соотечественников, а 35,7% выставили хорошую оценку. Однако уже почти половина опрошенных считают отношение белорусского населения к России «не плохим и не хорошим», что свидетельствует о снижении рейтинга России в Белоруссии по сравнению с 2006 г.

Перепись 2009 г. показала, что русским в Белоруссии становится не очень комфортно. Сложившееся положение обсуждалось на конференции российских соотечественников 1 октября 2010 г. в Минске¹⁵. Было отмечено, что итоги переписи 2009 г. свидетельствуют о тревожной ситуации с национальным самосознанием русского населения в Белоруссии. Русские стали отказываться быть русскими. При общем снижении за десять лет населения Белоруссии на 541 тыс. человек количество русских уменьшилось почти на 357 тыс. Что же кроется за этими цифрами? В Белоруссии за прошедшие годы не было ни массового отъезда русского населения, ни смертельных эпидемий, ни тем более геноцида. По мнению соотечественников, одна из основ-

---

11. Российская диаспора на пространстве СНГ – Институт стран СНГ. – М., 2007. – С. 62. – 98% опрошенных соотечественников оценили отношения русскоязычного населения и белорусов как положительные.

12. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – ООО «ЛИМА-консалтинг», – М., 2010. – С. 139. – 67,3% опрошенных молодых людей считают отношения белорусов и русских «равнодушными», нейтральными, 20,4 – «доверительными, теплыми, и только 8,5% – «конфликтными». Там же, с. 142 – государственную политику в отношении русскоязычного / русского населения соотечественники оценивают преимущественно положительно (79,8% позитивных суждений против 11,3% – негативных).

13. Российская диаспора на пространстве СНГ – Институт стран СНГ. – М., 2007. – С. 59.

14. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – ООО «ЛИМА-консалтинг», – М., 2010.

15. Белоруссия «потеряла» 357 тыс. русских. – Отдел Белоруссии Института стран СНГ. – 14.10.2010 г., – http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=10998&phrase_id=90048

ных причин сложившегося положения – постоянное и назойливое формирование у населения крайне отрицательного образа России как некоего олигархического государства, насквозь пропитанного бандитизмом и коррупцией. Поэтому многие жители Белоруссии стали считать, что быть россиянином и русским непрестижно и невыгодно.

Соотечественники в Белоруссии отметили¹⁶, что молодежь проявляет большой интерес к российским образовательным и в целом гуманитарным программам. Но беспокоит то, что в повседневной жизни она находится под постоянным воздействием средств массовой информации, не способствующих формированию положительного образа России. Свою долю в формирование негативного имиджа России вносят и российские СМИ, которые являются важным источником информации о России¹⁷. Но, как известно, – «нечего на зеркало пенять...». Российская действительность дает много отталкивающих примеров для жителей Белоруссии, сравнивающих условия жизни и социальную защищенность в наших государствах. Еще одним тревожным фактором является широкомасштабная кампания по фальсификации нашей общей истории, развернутая, по свидетельству соотечественников, в белорусских СМИ. Сами соотечественники не бездействуют. Примером активной деятельности, направленной на созидание единого информационного и образовательного пространства Русского мира, является интернет-проект «Западная Русь»¹⁸, работающий на общественных началах. Соотечественников беспокоит судьба этого проекта. И не без оснований. Все чаще сторонники российско-белорусского союза подвергаются гонениям.

Два недавних примера¹⁹: 1) после серии аналитических материалов по белорусской и белорусско-российской тематике из Академии управления при Президенте Республики Беларусь был уволен один из постоянных белорусских авторов ИА REGNUM Новости Сергей Шиптенко; 2) через сутки после того, как на новостной ленте ИА REGNUM Новости появился текст выступ-

---

16. Белоруссия «потеряла» 357 тыс. русских. – Отдел Белоруссии Института стран СНГ. – 14.10.2010 г., – http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=10998&phrase_id=90048

17. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – ООО «ЛИМА-консалтинг». – М., 2010. – С. 417. – 81,6% опрошенных в Белоруссии молодых людей назвали российские СМИ преимущественным источником информации о России, больше голосов набрал Интернет (88,0), на третьем месте – телевидение страны (64,5), затем – газеты и журналы (47,2), радио (38,8), общение с друзьями, знакомыми (25,1), личные наблюдения (5%). Первая тройка источников информации о России: Интернет – телевидение РФ – телевидение страны – одна и та же для Белоруссии, Украины и Казахстана.

18. (www.zapadrus.su)

19. Баранчик Ю. В Белоруссии начались репрессии против сторонников союза с Россией. – 8.10.2010 г. – <http://www.imperiya.by/news.html?id=55208>

ления председателя Витебского общественного объединения «Русский дом» Андрея Геращенко на конференции организаций российских соотечественников 1 октября в Минске, на него сразу же было возобновлено грубое давление на работе с угрозой увольнения.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что антироссийские силы в Белоруссии, сдерживавшиеся в свое время Президентом А. Лукашенко, почувствовали себя значительно свободнее. Опасное заблуждение думать, что они, окрепнув, будут делать ставку на нынешнего Президента. Истинными сторонниками президента Белоруссии являются как раз русские организации, которые способны внести существенный вклад в нормализацию весьма напряженных в настоящее время белорусско-российских отношений и способствовать подлинному единению Белой Руси и России.

Уже много лет российские соотечественники, проживающие в Казахстане, подают тревожный сигнал о перспективах российско-казахстанских отношений. Так, при всей видимой стабильности внутренней ситуации в республике значительная доля русского населения негативно оценивает отношения между русскоязычным населением и представителями титульной нации, что, возможно, является предвестником антироссийского поворота в казахстанском внешнеполитическом курсе. Так, исследование положения соотечественников на постсоветском пространстве, проведенное в 2004 г.²⁰, показало, что русские из Казахстана проявляют такую же тревогу за свое будущее в связи с неблагоприятными межнациональными отношениями, как и русские в Латвии, (оценки «отношения напряженные» и «отношения плохие, неприязненные» вынесли 43% опрошенных); это выше, чем в других странах, где проводилось исследование²¹. Исследование 2006 г.²² также выявило в Казахстане самые высокие показатели беспокойства российских соотечественников за состояние межнациональных отношений²³. Опрос в 2008 г.,

---

20. Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы – Московское отделение Гос.-общ. фонда «Россияне», гл. редактор В.М. Скринник. – М., 2004. – 340 с. – Исследования положения соотечественников в странах СНГ и Прибалтики (все постсоветские республики кроме Туркмении) проведены в первой половине 2004 г.

21. Там же, приложение 8, таблица 8. – Оценка отношений с представителями титульной нации как «напряженные» и «плохие, неприязненные» дана в Киргизии – 35% опрошенных, в Эстонии – 31, в Литве – 25, в Грузии – 21, в Таджикистане – 15, в Азербайджане – 8, в Украине – 7%.

22. Российская диаспора на пространстве СНГ – Институт стран СНГ. – М., 2007. – 432 с.

23. Там же, с. 382. – Более четверти опрошенных в Казахстане высказали опасение за будущее детей по поводу владения русским языком как родным, в то время как в Армении подобные опасения высказали 8,4% опрошенных, в Белоруссии – 5,2, в Киргизии – 0,4, в Молдавии –

охвативший 61% соотечественников, показал, что число тех, кого не удовлетворяет освещение в учебниках российско-казахстанских отношений примерно равно числу довольных (около 39%). В целом количество обеспокоенных учебными программами по истории в Казахстане выше, чем на Украине, в 2 раза. Исследование 2008 г.²⁴ выявило, что мнение соотечественников в Казахстане о перспективах русского языка у молодежи улучшилось по сравнению с 2006 г.²⁵, но оценка межнациональных отношений оказалась отрицательной у большего числа опрошенных, чем два года назад. Процент опрошенных, негативно оценивших отношения русских с титульным населением, в Казахстане выше, чем в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане²⁶.

Не рассеивают беспокойства результаты исследования молодежных организаций соотечественников в странах СНГ в 2009 г.²⁷ Только 35,3% всех опрошенных молодых российских соотечественников в Казахстане характеризуют отношения казахов и русскоязычных как «доверительные, теплые» (против 21,2% опрошенных, поставивших оценку «недоброжелательные, конфликтные»)²⁸. Отношение к России как со стороны населения, так и со стороны властей около 74% соотечественников оценивают позитивно²⁹. Но государственную политику в отношении русскоязычного населения преобладающее число респондентов характеризует негативно³⁰.

Результаты рассмотренных исследований должны учитываться российскими политологами в анализе положения российских соотечественников в постсоветских государствах, конструировании моделей и прогнозов. Россий-

---

1,4, в Украине – 6,5%. Опасение казахстанских русских было связано с программой перевода делопроизводства на один казахский язык, проводимой без учета реальной востребованности языков и наличия большой массы русскоязычного населения. С. 383. – Около 25% опрошенных в Казахстане, как и в Молдавии, оценили межнациональные отношения как «скорее плохие» и «плохие», в то время как в Армении такую оценку дали менее 1,5% опрошенных, в Белоруссии – 0,1, Киргизии – 11, в Украине – 10%.

24. Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2010. – 288 с.

25. Там же, с. 257. – Лишь 4% опрошенных в 2008 г. против 25% – в 2006 г. опасались, что у младшего поколения возникнут проблемы с русским языком.

26. Там же, с. 244. – 27% опрошенных в Казахстане в 2008 г. (против 25% – в 2006 г.) оценили межнациональные отношения как «скорее плохие» и «плохие», в то время как в Киргизии такую оценку дали 17% опрошенных, в Таджикистане – 9, в Узбекистане – 8%.

27. Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). – ООО «ЛИМА-консалтинг». – М., 2010. – С. 175–228.

28. Там же. – С. 193.

29. Там же. – С. 205.

30. Там же. – С. 248.

скому же государству необходимо проводить такую политику в отношении соотечественников, которая будет содействовать повышению их статуса в странах проживания, укреплению позиций русского языка, расширению возможностей и повышению престижа российского образования.

Е.И. Шибаета

**РУССКИЕ И ПОЛЯКИ В ЛИТВЕ:
РАЗНЫЙ СТАТУС НАЦМЕНЬШИНСТВ**

Шибаета Екатерина Ильинична – кандидат
географических наук, старший научный сотрудник
Института стран СНГ.

Говоря о положении национальных меньшинств в Литве, мы традиционно говорили о положении русских, не только потому, что они наши соотечественники, но и потому, что ранее они занимали более весомую позицию в общественно-политической жизни страны. В последние годы ситуация изменилась – можно сказать, что место русских как «главного» национального меньшинства заняли поляки. И дело далеко не в том, что с начала 2000-х годов поляки (206 тыс. человек) стали второй по численности национальностью в Литве после титульного населения, отодвинув русских (165 тыс.) на третье место.

Таблица

Год	Выборы	Результаты СРЛ	Результаты ИАПЛ
2000	Сейм	2 места (участвовали в Социал-демократической коалиции А. Бразаускаса)	2 места по одномандатным округам
2002	Местные выборы	11 мест	50 мест
2004	Сейм	СРЛ в составе списка ИАПЛ, набравшего 3,8% голосов и не получившего места по списку	2 мандата по одномандатным округам
2004	Европарламент	Совместный список СРЛ и ИАПЛ набрал 5,71% голосов и не получил мест	
2007	Местные выборы	5 мест	53 места
2008	Сейм	0,92 % голосов и ни одного места	3 места по одномандатным округам (в список включены представители Русского альянса)
2009	Европарламент	Не участвовал	1 место

Проведем небольшой сравнительный анализ (см. табл.) результативности участия Союза русских Литвы (СРЛ) и партии Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ) в выборах различного уровня. Отметим, что обе партии были созданы практически одновременно – в 1995 г. и 1994 г. соответственно.

В 2002 г. на политической сцене появился Русский альянс, основным достижением которого являются три депутатских места в самоуправлении Клайпеды.

Несмотря на то, что численность, как русского, так и польского меньшинств в Литве сокращается, очевидна тенденция: уменьшение присутствия «русских» политиков и увеличение «польских».

На выборах в литовский Сейм партия поляков прогрессирует от выборов к выборам. Так, на выборах 2000 г. поляки по партийным спискам получили 1,95%, в 2004 г. – уже 3,79%, а на последних выборах в 2008 – 4,89%. Правда, на последних выборах в Сейм в список ИАПЛ были включены представители Русского альянса. Но если быть объективными, то вряд ли наши соотечественники добавили им большой процент голосов. Можно предположить, что на следующих выборах поляки возьмут свои 5% и создадут фракцию в Сейме.

Некоторое время назад у нас в стране шла дискуссия о целесообразности выдачи «удостоверений соотечественника», но с принятием летом этого года поправок в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в этом вопросе поставлена точка – удостоверений не будет. Одним из аргументов противников этой идеи является то, что у наших соотечественников могут возникнуть какие-либо сложности из-за этого удостоверения в стране проживания. Как известно, начиная с 2007 г. Польша выдает своим зарубежным соотечественникам «Карту поляка». Лидеру ИАПЛ В. Томашевскому «карта поляка» несколько не помешала участвовать в президентских выборах и одержать победу на выборах в Европарламент. А скорее наоборот, придала дополнительный политический вес в глазах польского избирателя.

В 2008 и 2009 гг. во время предвыборной гонки фамилии кандидатов от ИАПЛ были написаны только по-польски и по-русски, несмотря на обращения Главизбиркома с просьбой продублировать фамилии и по-литовски. Почему на русском? Потому что поляки, после того как русские утратили представительство в Сейме, стали позиционировать себя как партию, представляющую интересы всех национальных меньшинств. Они стали включать в свой список представителей Русского альянса, никто из которых пока ни одного мандата не получил. Очевидно, что это делается для привлечения русскоязычного электората. Более того, «Избирательная акция поляков Литвы» из чисто региональной партии, имеющей безусловную поддержку в районах компактного проживания польского меньшинства, постепенно становится общеполитическим явлением.

Несколько слов об образовании. В 2007/2008 учебном году в 41 русскоязычной школе обучались 16 тыс. учеников, а в 64 школах с польским языком обучения – 11,3 тыс. учеников. Таким образом, в среднем в русской школе учатся 390 детей, а в польской – только 176. С одной стороны, это связано с тем, что польское население проживает в небольших сельских населенных пунктах, где школы традиционно меньше. А с другой стороны, по-видимому, в Литве разное отношение к польским и русским школам: польские школы не закрывают по причине малого количества учеников, а русские школы закрывают, называя это «оптимизацией численности». Поскольку в Литве запрещено пользоваться учебниками, изданными за пределами страны, перевод учебников на польский язык финансируется из бюджета Польши. После открытия 2007 г. в Вильнюсе филиала Белостокского университета в Литве стало возможным получать образование любого уровня на польском языке. В то время как высшее образование на русском языке в Литве давно ликвидировано.

И еще один важный момент. В начале 2008 г. Министерство просвещения и науки Литвы разработало проект поправок к закону о просвещении, предусматривающему постепенный перевод части предметов на государственный язык. Например, в 11–12 классах до 70% обучения должно было идти на литовском языке. Это вызвало протесты общественности, причем первыми выступила Ассоциация польских школ и польская община, затем к ней присоединилась Ассоциация русских школ. Но, по мнению членов последней, именно польский фактор сыграл мобилизующую роль и поправки не были приняты.

Среди причин сложившейся ситуации можно выделить две.

Первая: последовательная и твердая политика Польши по отношению к своим соотечественникам. Чего никак не скажешь о России. Так, в мае 2008 г. министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский в ходе визита в Литву выразил надежду, что литовские власти будут уделять больше внимания проблемам польского меньшинства. Сикорский подчеркнул, что Литва до сих пор не выполнила решение, принятое в межгосударственном договоре – о написании фамилий поляков Литвы на их родном языке (русские фамилии также пишутся в литовской транскрипции, но в России это вообще не считается проблемой). Министр сказал: «Нас также беспокоят попытки ограничить кое-где в Литве возможности учиться на родном языке», – и подчеркнул, что хотел бы, чтобы литовская сторона отнеслась к этим проблемам серьезнее. А Россия, в свою очередь, молчаливо «проглотила» сокращение школьного образования на русском языке в Литве.

Вторая: высокая степень консолидации и организованности польской диаспоры в Литве. Здесь весьма показательно голосование в районах компактного проживания польского меньшинства. На выборах в Европарламент

в двух избирательных округах польской партии удалось набрать рекордное число голосов: в Шальчининкском районе за них проголосовали 78,2%, в Вильнюсском районе – 71,3% избирателей. Польская община характеризуется не только высокой активностью на выборах, но тем, что голосует исключительно за свою партию. А за голоса русских избирателей, которых меньше, чем поляков, борются две партии, не желающие идти друг с другом на компромисс, чем разбивают только голоса избирателей.

Если коротко, то состояние польской диаспоры в Литве можно охарактеризовать как «уверенная устойчивость» – поляки представлены в органах власти всех уровней, функционирует обширная сеть польских школ, не сегодня-завтра в паспортах польские фамилии будут писать по-польски, а если через два года в Сейме будет создана польская фракция, то можно поднимать вопрос о статусе польского языка.

Состояние российской диаспоры прямо противоположное: осталось только пять депутатов в трех самоуправлениях, количество школ сокращается, а со стороны исторической Родины никакой ощутимой поддержки. И все это на фоне активной работы Польши со своей диаспорой, что только ухудшает моральное положение наших соотечественников.

Пример Литвы весьма показателен, так как такой сценарий может реализоваться и в других странах, где помимо русских проживают и другие крупные национальные меньшинства, «материнские» государства которых проводят активную и внятную политику. Не исключено, что в ближайшее время, говоря о положении нацменьшинств в Литве, мы будем подразумевать поляков. А Литва, в свою очередь, будет говорить об отсутствии проблем нацменьшинств, подразумевая поляков и совершенно забывая о русских.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.И. Глебова

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: «ДВОРЕЦ»

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра руссиеведения ИНИОН РАН.

Цель статьи – понять, как в 1990–2000-е годы трансформировалось государство в России. Для уяснения сути трансформации используются политические метафоры. Одна из наиболее известных и вполне, на первый взгляд, адекватных – государство-корпорация (или корпорация-государство): современные национальные государства (среди прочих – и российское), действительно, напоминают – по целям, управленческим методам – крупные бизнес-организации¹. Однако сходство в основном внешнее: по существу, по генезису (и, можно предположить, по последствиям) эти явления (западное государство-корпорация и государство в России) резко различаются. Следовательно, нам необходимо выявить российскую специфику. Здесь возможен поиск понятий в том «словаре» терминов, которые возникли в истории российского государства и в историографии для описания этого государства.

«Дворцовое государство» В.О. Ключевского

С моей точки зрения, вполне релевантно использовать метафору, принадлежащую В.О. Ключевскому, – «дворцовое государство» (или «государство-Дворец»). В этой формуле зафиксирована («схвачена» и выражена словами) природа послепетровского государства. Конечно, Ключевский не

---

1. О явлении западного государства-корпорации см., напр.: 17, с. 79. Автор делает важное замечание: «Если в отношении транснациональных корпораций разработаны ограничительные механизмы, которые не позволяют им вести себя слишком рискованно, то в отношении национальных государств такие механизмы отсутствуют». Речь прежде всего идет об игре государств-корпораций на мировых рынках. Однако это в равной степени может быть сказано и о «внутренних» бизнес-играх такого государства.

ставил перед собой задачи создания концепции, – он наблюдал, размышлял и дал определение «дворцовое государство». Остался материал для теории, на который я, собственно, и опираюсь, пытаясь выявить смысл современного государства в России. Причем использую своего рода инверсионный исследовательский ход: говорю о современности «старыми» словами. (Историки, как правило, новый концептуальный аппарат применяют для изучения «старого» государства.) Но учитываю полное изменение контекста: XVIII и XXI вв. по самым существенным параметрам – люди, тип общества, технологии, культура – несопоставимы. И в то же время связаны – как разные этапы реализации в истории одной социальности. Надо только увидеть эту связь.

Собственно, вся послепетровская история XVIII в. у В.О. Ключевского связана с государством, рассматривается с точки зрения его эволюции (см.: 15, с. 101–140, 144–186, 294–296, 310–319 и др.). При этом выделяется несколько ключевых (концептуальных) характеристик:

1. *О динамике государства:*

Петр «действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо – истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах» (15, с. 170)².

«Немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников» (15, с. 110).

«Правительствам после Петра было не до коренных вопросов, не до начал и задач реформ: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями» (15, с. 147).

«Придворные интриги заменяли политику, великосветские скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли в жажде милостей и увеселений» (15, с. 506).

«Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра... была недоступна его государственная идея... *Государство замкнулось во дворце*. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как *захват*, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре» (15, с. 195).

2. Здесь и далее выделено мною. – Прим. авт.

Мысль о том, что «без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок», воспитана «всем складом русского быта» (15, с. 113).

2. О явлении «дворянства»:

«...Крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это – начало дворянства... В сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом посредством правительства». Формировался порядок «должностного кормления сословия» (15, с. 177).

Произошли «резкое юридическое обособление и нравственное отчуждение потомственного дворянства от прочих классов общества» (15, с. 163).

«Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов» (15, с. 167).

Дворянство «к моменту воцарения Екатерины II... составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии *дворцовое государство преемников Петра I* и получило вид *государства сословно-дворянского*. Правовое народное государство было еще впереди и не близко» (15, с. 196).

3. Об экономическом измерении государственного порядка:

Екатерина I «...распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть» (15, с. 106).

«При *разгульном дворе*, то и дело *увеселяемом блестящими празднествами*, ...стая <иностранцев> кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился в пять-шесть раз дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, – писали послы, – нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». Между тем управление велось без всякого достоинства... Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества... Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось... Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогали... Устроена была доимочная облава на народ; снаряжались вымогательные экспедиции». Так действовали «*разнузданные народным бессилием прииельцы*» (15, с. 137, 138, 139).

«...Правительство иногда не знало, сколько у него денег и где они находятся... Единственным деятельным и добросовестным контролером и будильником наклонных к дремоте правительств был постоянный дефицит. Он заставлял правящие верхи заглядывать в низ, в глубь управляемой ими жизни, и способные наблюдать люди увидели там полный хаос... *Пособницей дефицита была сама верховная власть*. Елизавета лично для себя копила деньги, как бы собираясь бежать из России, и забирала текущие казенные доходы, предоставляя министрам изворачиваться, как умеют» (15, с. 148, 151).

Собственно «дворцовое государство» Ключевского следует понимать как результат раскрепощения (эмансипации) «элит» от деспотизма верховной власти, утраты ими этоса службы и *обособления от остального населения в привилегированное сословие*, «приватизации» ими государства, *подчинения государственной идеи узкокорыстным сословным интересам*. Верховная власть была встроена в модель «Дворца», что сопровождалось мутацией ее природы (в направлении к ограниченной, «договорной»). В отношении государства речь также шла об абсолютизации им экономических интересов, его сосредоточении на «получении денег», «быстрых прибылей», конвертируемых в доходы дворцовых «актеров» – в том числе персонификаторов верховной власти и их ближайшего окружения («семьи»).

Фактически речь идет о том, что «дворцовое государство» заинтересовано почти исключительно в обогащении тех, кто его составлял. То есть Ключевский понимал его как сословное, нацеленное на удовлетворение чрезвычайно узких социальных интересов. И оценивал как своего рода *«изъясн»*, *исторический «вывих»*, случайное *«отклонение» от «правильной» тенденции*, обозначенной петровским государством *«всеобщей службы»*, где «воспитательная диктатура» власти распространялась на все сословия «без изъятия». Уравнение в обязанностях Ключевский рассматривал в качестве гарантии последующего уравнения в правах. То есть русский путь к «правовому государству», по мнению великого историка, прокладывало деспотическое «служилое» государство, основанное на равенстве в бесправии крепостном праве.

«Разгосударствление» по-постсоветски

Одна из причин постсоветского «перехода» (транзита) заключается в кардинальном изменении отношений «общество / личность – государство». Они активно трансформировались с послесталинских (точнее, с послевоенных) времен; сейчас мы находимся на пике этих изменений. Нормативная советская модель отношений, в которой личные (а также коллективные, корпоративные, профессиональные и др.) интересы полностью поглощались государством (модель *тотального огосударствления*), в постсоветские времена сменилась моделью «разгосударствления».

Ее обычно характеризуют односторонне – как *тотальное «бегство от государства»*, т.е. поиск населением «теневых» ниш, независимых способов существования и минимизацию связей с государством (прежде всего, требующих исполнения социальных обязательств – уплаты налогов, службы в армии и т.п.). При этом представление о государстве как раздаточной и репрессивной инстанции в обществе сохранилось, более того, оно доминирует. Однако это, скорее, остаточное явление, навязчивый образ советского прошлого.

«Разгосударствление» включает в себя и обратный процесс: *«бегство» государства от граждан*, т.е. сворачивание им своих социальных функций, обязательств, и его «минимизацию», замыкание в себе³. Причем речь идет не о частичном уходе государства из некоторых сфер, прекращении мелочной опеки им социальной среды, характерных для развитых стран, а о *переориентации государства с общесоциальных интересов на «узкословные»*. На смену тотальному, всепоглощающему советскому государству – террористу, модернизатору, морализатору, монопольному распорядителю «общенародной» собственностью – пришел «Дворец». Демонстрируемые им технологическое несовершенство и концептуально-идеологическая слабость создают у населения ощущение «дефицита» государства – его неэффективности, несправедливости, неспособности или нежелания исполнять свои обязанности⁴. Эксперты отмечают, что это государство не может обеспечить реализацию курса на модернизацию экономики, политики, инновационное развитие и т.п.⁵ Концептуализировать массовые ощущения и экспертные оценки можно, на мой взгляд, в определении современного государства в России как «дворцового».

«Дворец» – это не отклонение от «должного» государства (советского «общенародного» или западного правового, социального и т.д.) и не его извращение / «ухудшение», которое при желании можно исправить. Это вполне самостоятельная форма правления, обусловленная новыми условиями и старыми государственными традициями. Здесь следует сделать две оговорки. Разумеется, современное «дворцовое государство», воспроизводя некоторые характерные черты «классического» (уже являвшегося в нашей истории), обладает и иными измерениями. Что связано и с другой исторической эпохой, и с иными потребностями современного социума и кратоса. Кроме того, предлагаемый концептуальный аппарат не отменяет все осталь-

---

3. Собственно, в описаниях российского общества эти процессы фиксируются: *«В обществе сложился своеобразный замкнутый круг. Власть, чиновничий аппарат часто игнорирует интересы и права граждан. Значительная часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих насущных проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только тогда, когда нет иных способов решения»* (3, с. 102).

4. По социологическим данным 2008 г., на вопрос, способна ли административная система эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам, 18,9% респондентов ответили «в основном способна», а 59,6% дали отрицательный ответ (см.: 29, с. 21).

5. С.П. Перегудов еще в 1994 г. писал о феномене бюрократического корпоративизма (22). Сейчас исследователи говорят о «криминально-клановом государстве», напоминающем «институциональную анархию» (21, с. 129). Расхожим стал тезис об административно-социальной неэффективности российского государства.

ные. Это лишь одна из призм, через которую может рассматриваться современность.

От номенклатуры – к «Дворцу»: Элитарная логика

Кажется, что постсоветский опыт позволяет сформулировать один из «законов» «русской системы». Чем больше ослабевают репрессивный накал государства и страх перед ним населения, тем более очевидными становятся «убегание» от него граждан и его замыкание в себе, сопровождающееся минимизацией социальных функций и гипертрофированием личных и корпоративных (в том числе ведомственных, региональных) интересов в рамках государственной системы. По мере расширения объема общественных свобод (а происходит это «сверху» вниз – от «элит» к массам, причем определяющее значение имеют свободы социально-экономические, не установленные правовым порядком, а вырванные по «праву сильного», «захватом») государство все больше приобретает черты «дворцового». У государства должны быть сильные противовесы (либо правитель с неограниченной властью, либо зрелые гражданские силы), чтобы сопротивляться давлению этого внутреннего «механизма».

В позднесоветском государстве главным сдерживающим фактором была партия – партийные нормы, дисциплина, контроль, репрессии. Когда партии не стало, государство редуцировалось до «Дворца». Смысл деятельности постсоветского «дворцового государства» – самообеспечение. Государственные собственность и бюджет рассматриваются как «корм» «Дворца»; внутренние (непубличные, в основном нацеленные на согласование интересов между разными «дворцовыми» группировками) и внешние (их можно трактовать как платные услуги и разного рода «связи с общественностью») коммуникации все больше основываются на коррупционных механизмах⁶. При-

---

6. По современным подсчетам, в «теневой экономике», возросшей на коррупции, на излете существования СССР было задействовано около 18 млн. человек. Вростая в «теневые» связи, все больше криминализировались средние и низовые уровни советской власти. Постсоветский «Дворец», безусловно, имеет здесь свои корни. Его (среди прочего) продавала «теневая» масса, желавшая легализоваться и определять собой жизнь в стране. Поэтому то, что в нашей обыденной жизни принято называть коррупцией (в том числе обмен возможностями, услугами), не есть проблема «карающих» органов. Это не отклонение от нормы, болезнь, сопутствующее нормальной жизни частное явление, а способ существования социума сам президент, обсуждая антикоррупционную программу, назвал коррупцию одним из исторических механизмов осуществления власти в стране (см.: 29, с. 12). Однако следует понимать: все публичные разговоры «верхов» о том, что все равно разворуют и иначе мы не можем, – не что иное, как легитимация коррупционности «Дворца». И главный вопрос: почему социум допускает существование такого механизма, более того, нуждается в нем? На него есть ответы, причем, на мой взгляд, взаимодополняющие: С.Г. Кордонский характеризует коррупцию как «систему

чем, коррупция – это проявление свободы / автономии, на которых строится «Дворец». *Не случайно советское государство (т.е. прежде всего ЦК–ГБ) боролось не с коррупцией как таковой, а с коррупционерами как свободными, автономными от партии / государства людьми (в том смысле, что поставили свои интересы выше партийно-государственных). Коррупционеры победили; ЦК–ГБ их возглавили.*

Почему на «переходе» «от советского» сработал именно этот, «ущербный» с общесоциальной точки зрения вариант? Ведь он не был предопределен: *в подобных условиях – последовательной всеобщей эмансипации (60-е годы XIX – начало XX в.) – не произошло трансформации государства в «Дворец».* Вероятно, в основном потому, что правившие тогда не желали быть только «Дворцом», просто «Дворцом». Их интересы были неизмеримо шире и сложнее, потребности не ограничивались потребительскими (за них жажду материального, потребности низшего порядка удовлетворили предки). Достаточно широкий слой вполне европейской, культурно рафинированной элиты стал гарантией от появления «Дворца». *Видимо, главная страховка от сползания к «дворцовому государству» в России – окультуривание элит, их дисциплинирование и гуманизация в рамках европейских ценностей.* Только прививка «антропоцентричной» культуры способна привести к внутреннему самоограничению, укрощению «изнутри» (не царской дыбой и не народным бунтом) эгоизма «правлящего сословия». Правда, в массовом, урбанистическом и образованном, обществе эволюция элит должна быть поддержана и направлена соответствующей социальной эволюцией.

Рождение «Дворца» (элитарного, «сословного» государства, понятного в XVIII в., но вроде бы несовместимого с условиями массового общества, глобального мира), повторю, обусловлено позднесоветским опытом. То есть опытом трансформации русского массово-мобилизационного общества в массовое потребительское и соответствующего «переформатирования» соци-

---

связей по перераспределению ресурсов». По его мнению, «принципиальная непубличность в распределении и освоении ресурсов... есть имманентное свойство... системы сословно-ресурсного общественного устройства. Оно повсеместно и неискоренимо...» (16, с. 136). Ю.С. Пивоваров видит «корни» этого явления в передельной природе крестьянской дореволюционной, а затем советской социальности: «...коррупция советского периода есть наследник (по прямой) социальных отношений, господствовавших в передельной общине... Русское общество... по своей природе... перманентно-передельное. Переделы происходят периодически, с тем, чтобы имущество не превратилось в собственность» (23, с. 55–56). В современных условиях коррупционный механизм или «механизм передела финансовых и материальных средств» явился, как считает автор, важнейшим измерением «властной плазмы» – социально-властной среды, пришедшей на смену советской «властепопуляции». В этой среде «локализуются и минимизируются конфликты постсоветского общества» – отсюда и название, возникшее по аналогии с «социальной плазмой» Р. Дарендорфа (23, с. 42–45).

ального пространства. Инициаторами «перехода» от мобилизующего советского «общенародного» государства к демобилизованному «Дворцу» были позднесоветские «элиты». В советских условиях «наверх» попадали и там выживали сначала самые безжалостные, потом самые ловкие и всегда – самые беспринципные. Условием советской «элитарности» было поведение, противоречащее тому, что можно назвать народным интересом. В рамках «Дворца» оно получило иную, чем в советские времена, и притом самую естественную (а значит, и самую примитивную) реализацию – материалистическую, потребительскую.

На раскрепощение и выхолащивание из советской системы высшего смысла (осознание всеми – и, прежде всего, «верхами» – бессмысленности советской идеологии и советского порядка) «элиты» ответили единственным, чем могли ответить, – поставили себя, собственные потребности и интересы выше системы. И это понятно: она не оправдала себя – ни экономически, ни идеологически. Ей не стоило служить, – но можно было использовать ее возможности для себя. *В позднесоветское время сформировалась критическая номенклатурная масса, которая захотела «Дворца».* Она и начала его создавать. (Ю. Андропов и М. Горбачёв, по существу, пытались переломить тенденцию эволюции позднесоветского государства к «Дворцу»: первый – репрессией, в логике «полицейского» государства; второй – стремясь легализовать и цивилизовать «теневую» экономику, в логике рынка, правового государства. Обе попытки не удались. В 1990-е годы еще сохранялся выбор в определении направления государственной эволюции: «Дворец» или нечто более современное, адекватное идее государства. Удачная экономическая конъюнктура, открывшая новые перспективы передела, окончательно смела «антидворцовые» перспективы.)

Потом инициативу перехватили «неноменклатурные пришельцы» – более «голодные» и соответствующие моменту выходцы из «низов», прорвавшиеся «наверх» в жестокой конкурентной борьбе «на уничтожение». Они придали творению новый смысл – модернизация быта (за счет заимствования улучшающих его западных технологий) и всеобщее потребление. Привлекли еще национализм, призванный заменить советскую идею социальной справедливости и компенсировать великодержавные комплексы. Однако он, скорее, имитационен, – у «Дворца» нет и не может быть высокой идеи, высшего смысла. Он их не приемлет. Потребительский эгоизм и инстинкт насыщения «правлящего класса», не сдерживаемые ограничителями советских времен, – этим исчерпывается «Дворец». Поэтому он в принципе не способен предложить гражданам такой проект общества, который вызвал бы у них доверие, сформировать систему ценностей и норм солидарности, создать основу для роста коллективной ответственности и ощущения общей судьбы.

В конечном счете «Дворец» возник в ситуации «переопределения» позднесоветских «элит», их адаптации к новым историческим условиям. В государстве же «дворцового типа» по-иному проявилась варварская природа советского государства, очевидная во всем: хозяйствовании, администрировании, но главное – в отношении к человеку. Преимущество очевидно: и в том и в другом случае человек не рассматривается в качестве главной социальной перспективы. Наши системы строятся не для него. А он, движимый культурно-исторической логикой, парадоксальным образом соучаствует в их строительстве.

«Дворец» как «сословие»

«Дворцовое» государство – не институты и процедуры (вся административно-управленческая система) и даже не бюрократический слой (при всей его влиятельности и представительности⁷). «Дворец» – это форма (или организация), в которую отлилась постсоветская «цивилизация верхов», старые и новые господствующие группы, обособившиеся от населения в привилегированное «сословие» (1,5–2% населения⁸). Государственные интересы сейчас в основном редуцированы к интересам его представителей, т.е. «дворцового сообщества».

Конечно, фактически «Дворец» – это более широкая социальная среда. Ее составляет не только «дворцовое сообщество», но и тяготеющая к нему и

---

7. «По данным Федеральной службы государственной статистики, только общая численность гражданских государственных служащих на начало 2005 г. составила 1 млн. 316 тыс. человек. В эту цифру не входит “обслуживающий” персонал, численность которого заметно превосходит численность самих чиновников. В СССР в 1990 г. общее число бюрократов насчитывало 663 тыс. человек, а их “привилегии” были гораздо скромнее по сравнению с возможностями нынешнего чиновничества» (3, с. 90). По другим данным, численность российского чиновничества с 1991 по 2007 г. выросла почти вдвое – с 950 тыс. до 1,75 млн. человек, а содержание госмашин обходится стране в треть ее бюджетных расходов или почти в 10% ВВП (12, с. 64). Замечу, что и население СССР было многочисленнее российского, что меняет соотношение чиновного и нечиновного элементов; в результате увеличивается непроизводительная нагрузка на социальную среду.

8. Это слово, от которого отдает архаикой, так и просится в лексикон нашего постмодерного времени. Оно лучше всего подходит для характеристики высшего слоя российского общества – владельцев-распорядителей власти / собственности. Все они, конечно, вышли из народа, но уже перестали им быть. Они создали особый мир, закрытый, непроницаемый, живущий по своим правилам, – вне массы народонаселения, но за ее счет. По социологическим замерам, разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями российского населения – 30-кратный и даже больше (9, с. 12). Категория богатых и сверхбогатых стремительно растет: в 2007 г. в России было 60 миллиардеров (в 1997 г. – всего 6, в 2005 г. – 36) и более 500 тыс. миллионеров. И это только по официальным данным, – в действительности их гораздо больше (4, с. 135).

его *обслуживающая прослойка*. Если принять для описания современного российского государства метафору «государства-корпорации», «сословие» следует рассматривать в качестве аналога узкого круга ее собственников и руководителей («работодателей»). Так как корпоративные интересы сведены в основном к интересам этого круга, можно говорить о торжестве в наших условиях «олигархического корпоративизма». Функции «персонала» («корпорации работников») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками «сословности»: четко осознают свои интересы, противопоставляют их всему обществу и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание социального влияния⁹. Но самое главное: *ощущают себя не в структуре социума, а над ним*. К этому мировоззрению тяготеют и «работники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы¹⁰. При этом свои отношения с ней они строят по «дворцовым» принципам.

«Верхи» современного российского общества – уже не элита «условного держания» (на время «службы»), как советская, а элита «наследственного владения», перераспределившая в свою пользу «общенародную собственность». Это *закрытое сословно-статусное сообщество, «сбродное» по составу*. В нем смешались выжившие кланы «фамильных людей», т.е. советской номенклатуры; «новики» («новые худые люди»), «случайно выплывшие наверх» в «смутные» времена, – «новые русские», разрушившие номенклатурный порядок и давшие язык, «прикид», организацию правящему слою (среди них – «народные избранники», бизнесмены, государственники и интеллигенты нового типа); повязанные с первыми и вторыми советские «теневики» и верхушка советско-постсоветского криминала – создатели «финансового рынка», «серых» бизнес-схем, особой «деловой» культуры, силовой фактор российской экономики; новая «культурная элита» – духовные «гене-

9. Очевидно, что это не только бюрократия и не вся бюрократия. Тем не менее постсоветское перерождение государства принято связывать только с эволюцией бюрократии: по мнению исследователей, она «использует рычаги государства для достижения сугубо партикулярных (групповых) задач, целей в противовес общегосударственным» (6, с. 35). Основываясь на данных социологических опросов, исследователи говорят о феномене сформировавшегося «классового сознания» бюрократии как особой социальной группы (см., напр.: 3, с. 100–101). На мой взгляд, точнее было бы говорить о корпоративной (или, скорее, кланово-групповой) солидарности, учитывая, что она ограничена иерархичностью устройства этой «корпорации» и различием потребительских возможностей ее разных «эшелонов». Чиновничество среднего и нижнего уровней относится, скорее, к прослойке между «высшим сословием» и остальным населением. При этом ментально в основном «совпадает» с «патронами» и действует по единой «дворцовой» схеме: всё – только для себя.

10. Показательно, что именно эти, самые благополучные в материальном отношении группы в социологических опросах демонстрируют наибольшую лояльность по отношению к государству, власти и госслужащим (3, с. 93).

ралы», творцы и властители «масскультовых дум» (зрения / слуха), мастера высокого искусства, спорта, авторитеты медицины, образования, даже науки и проч.

У представителей этого «сословия» высокие потребительские запросы, постоянно растущие аппетиты, удовлетворяемые в разных социальных сферах. Одни хотят больше власти, другие – больше денег (показательно, что Москва, где находится «дворцовая Ставка», заняла при Путине–Медведеве второе место в мире по числу миллиардеров, а само это число в последние годы едва ли не удвоилось); одни нацелены на самую престижную в мире собственность, другие собирают русское / советское / современное (или какое-то другое) искусство; одни ведут борьбу за души, другие – за бюджет и месторождения, за право «постмодернизировать» реальность или «поддавать» в нее оптимизм, быть «в экране», светской хронике, международных новостях и т.д. И все получают желаемое, чтобы потом хотеть большего.

Собственно, всему «сословию» (а не только высшему чиновничеству) можно адресовать определение В.В. Путина – «надменная каста». Это «сословие» счастливых, «субъективных материалистов»-победителей, вполне удовлетворенных своим положением, профессиональной и жизненной успешностью и через эту (счастливую) призму воспринимающих внешний (для них) мир. Причем жить так в стране должны только они, – высокий социальный статус поддерживается ощущением избранности. «Дворец» явился вследствие торжества «сословного» эгоизма, игнорирования «сословием» интересов большинства. Разрыв «русского мира» на победителей и проигравших – во всеобщей схватке за «доходное место» – вот основной итог постсоветского транзита¹¹. И в этом смысле, выйдя на рубеже 1980–1990-х годов из точки «А», мы не вернулись к прежнему, а явно попали в какую-то другую точку.

Вопрос о собственности: «Кормящееся» государство

Оформление «дворцового» государства непосредственно связано с решением вопроса о собственности. На переходе от советской эпохи к постсовет-

---

11. Именно здесь проходит фундаментальная «линия напряжения» в российском обществе. Как показывают социологические данные, к числу основных межгрупповых противоречий россияне относят противоречия между богатыми и бедными (его отмечают 63,4% опрошенных), между олигархами и остальным обществом (39,1%), между чиновниками и рядовыми гражданами (34,9%) (3, с. 96). Достаточно очевидно, что все эти оппозиции могут быть сведены в одну: богатые, олигархи, чиновники (победители) / бедные, остальное общество, рядовые граждане (проигравшие). Причем, социальную успешность меряют соответствием ближайшим богатым и властным, а также обобщенному массмедийному образу «победителя», сконструированному в 2000-е.

ской «общенародная» (или государственная) собственность была превращена в ограниченно-коллективное («дворцовое») доходное владение. Владельцы и составили «Дворец». Они живут переделом и эксплуатацией «дворцовых» владений.

Интересы «Дворца» по существу «сословны»: он создан для управления «сословной» собственностью. К «сословным» владениям относятся как старые (советские, прежде всего ресурсные: топливно-энергетическая, золото-алмазная, а также химико-металлургическая, военно-промышленная), так и новые доходные отрасли: банковско-финансовая система, сфера обслуживания, информсфера (компьютерные сети, мобильная связь и др.). *«Дворцовая» экономика и есть современная российская экономика*; только то, что в ней работает, принося прибыль, и имеет будущее. Она предельно и очень своеобразным образом интернационализирована¹².

«Дворец» – структура по преимуществу властесобственническая, направленная на перераспределение львиной доли общественного продукта в пользу господствующих групп. Главное назначение «дворцовой» экономики – обогащение; она нацелена не на всемерное умножение ресурсов страны, а на рост индивидуальных и коллективных доходов «дворцовых» акторов. И в рамках этих задач «Дворец» достаточно эффективен. От населения, живущего за пределами замкнутого «дворцового» мирка («не-Дворца»), требуется лишь определенная сумма «налога». Можно сказать, что политическая власть в рамках «Дворца» в основном понимается как привилегия – право «налагать дань». При этом плательщикам «дани» не указывают, как им жить, – они являются вольноотпущенными людьми. В этом принципиальная новизна постсоветской системы.

*Тотальное (советское «общенародное», ставшее в новых условиях «избыточным») государство ужалось до пределов «дворцового» хозяйства, управляемого на основе – вновь скажу метафорически – «владельческого» (частного, а не публичного) права*¹³. Частный характер «дворцового» владе-

12. Вот некоторые данные на этот счет: «По состоянию на начало 2010 г., Россия – единственное из постсоветских государств, инвестиции которого за рубеж практически равны накопленным иностранным инвестициям внутри страны, а с учетом неофициально выведенных денег превышают последние как минимум вдвое; даже сейчас инвестиции КНР за рубежом меньше накопленных в китайской экономике иностранных инвестиций в 16 раз. Около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в офшорных юрисдикциях; этот показатель соизмерим с данными по самым неблагоприятным странам Африки» (13, с. 13–14).

13. Используя термин «владельческое» право, я понимаю, что он в той же мере условен и метафоричен, что и «сословие», «дворцовое государство». Повторю, речь не идет о прямом заимствовании понятий из прошлого и смешении разных эпох в некую вневременную реальность. Обращение к «историческому словарю» было необходимо, чтобы указать на сущность

ния, организованного *по «путям»*, пришел в противоречие со всеобщим характером государства. Управление за пределами «дворцово-вотчинного» хозяйства сведено до минимума – постольку, поскольку существует необходимость отправлять определенные публичные функции. Поэтому все внешние коммуникации «Дворца» приобретают, скорее, частный (хозяйственный), чем публичный (т.е. собственно политический в классическом понимании) характер.

С этим связан и «владельческий» подход к политической власти; «*владельческое*» мировоззрение пронизывает сейчас все ее институты. Этим объясняется и подавление публичной сферы; она сведена к одной из функций «Дворца», к области «дворцового обслуживания». Народонаселение понимается «Дворцом» как объект политической власти, а не субъект политических прав. (Справедливости ради следует признать, что оно и само себя так понимает.) И именно в этом качестве – объекта – оно и нужно «Дворцу».

Административная деятельность все больше походит на «*кормление*» с доходов от выделенного «участка» («наказа», «пути») «дворцового» хозяйства. Каждый администратор – «сам себе» частный «теневой» предприниматель (взятки, «откаты», «разборки» и т.п. – его ежедневная «деловая» жизнь). При этом он включен в систему легальной (собственно социально-управленческой) деятельности. Каждый «дворцовый» актер ведет такую же двойную жизнь; причем, легально-процедурная – только оболочка («прикрытие») подлинной, неформально-теневой. В целом «Дворец» противоречит современным политико-правовым представлениям, в соответствии с которыми имущество и права государства имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной.

«Дворец» как случай государственно-монополистического капитализма

В момент разрушения советского мира речь шла о выводе из-под контроля государства всех сфер, о пробуждении и полном раскрытии хозяйственной активности граждан. Однако цивилизованного «размежевания» государства и общества в экономической жизни не произошло. Напротив, используя обстановку «смутного времени», наиболее активные государственные и общест-

---

ное сходство некоторых явлений настоящего времени с прошедшим и несовременность этого настоящего. В том смысле, что оно явно не согласуется с евроамериканским настоящим, куда мы себя упорно относим. Это темпоральное несовпадение объясняется не отставанием (а значит, непреодолимо бегом вдогонку), а действием различающихся социокультурных механизмов.

венные элементы слились в «Дворец», подчиненный уже не воле первого лица, а хозяйственным интересам всего «сословия».

«Дворец» обслуживает интересы «высшего сословия» за счет собственности и ресурсов, находящихся в распоряжении государства или переданных им в распоряжение других экономических «акторов» (финансово-промышленных групп / кланов с разной степенью самостоятельности). Последние вносят установленную плату за пользование «участками» дворцовых владений. Причем, пользование монопольное – это соответствует «владельческой» природе «Дворца». В рамках «Дворца» слиты госмонополии / госкорпорации и монополии различных форм смешанной собственности с участием государства¹⁴. В целом правовой статус монополий неясен, что открывает простор произволу, манипуляциям и т.п. действиям, не регулирующимся правом. Монополии, пришедшие на смену советским ведомствам, позволили структурировать сложное экономическое пространство. В то же время господство монополий приводит к диспропорциям в экономике, ее дезинтеграции. Но *правительство / государство не борется с монополистами и др. капиталистами потому, что оно и есть монополист / капиталист – не единственный, но один из главных*¹⁵.

14. Вот только один пример: на долю четырех нефтяных компаний – ТНК-ВР, «Газпром нефти», «Роснефти» и «ЛУКОЙЛа» – приходится 73,44% российского рынка бензина и 80% авиационного керосина. Приоритеты наших монополистов известны: прибыль – все, отечественные потребители – ничто. Новые примеры действия этой стратегии дал экономический кризис. По оценке Федеральной монопольной службы (ФАС), цена на бензин в мире с середины лета по октябрь 2008 г. упала на 15–20%, а в России практически не изменилась. В 2008 г. В. Путин дал ФАСу команду «фас!»: возмущившись взлетом цен на авиационный керосин, приказал «наконец проснуться и активно исполнять свои функции». ФАС начал судебные тяжбы с нефтяниками и добился определенных успехов. Общий размер претензий ФАС к нефтяным монополиям превышал 26 млрд. руб. Но 8 июня 2010 г. на коллегии ФАС первый вице-премьер И. Шувалов фактически отменил старый приказ. Назвав естественные монополии «крупными движущими силами» экономики, призвал ФАС бороться с нарушениями на рынке, а не с самими компаниями (см.: 11, с. 34–35). Общую стратегию наших монополистов очень точно определил венгерский социолог П. Тамаш: национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т.д. фирмы функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике межнационального концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране» (27, с. 120. Выделено мною. – Прим. авт.).

15. По оценкам экономистов, «будучи регулятором рынка, государство одновременно является, в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций, активным его игроком, что создает на нем совершенно нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды и не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ» (30, с. 111). Ярчайший пример: «продолжается активный вывоз за рубеж зерна, молока, сыра, хотя значительная часть той же товарной номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них продолжают расти – при тревожном... падении доходов и потребления граждан».

Здесь следует отметить: «Дворец» – это, прежде всего, неформальные связи, личные отношения¹⁶. Именно эти сети стали основой, на которой сформировался «Дворец»; неформально-непубличный тип управленческой деятельности, вообще ведения дел способствовал *воспроизводству советских клановости и патрон-клиентельных отношений в новых, постсоветских условиях*. Постсоветские кланы и клиентелы, связанные деловыми и личными отношениями, «зачастую опираются на государственные корпорации или отдельные ведомства и соперничают между собой в борьбе за распоряжение ресурсами» (29, с. 16). Патрон-клиентельные, клановые сети имеют и пространственное измерение: они не укладываются в простейшую дихотомию «центр–регионы»; в качестве «дворцовых» акторов выступают «вертикально интегрированные» группы интересов и группы давления, включающие участников как федерального, так и регионального уровней (представителей органов власти, финансово-промышленных групп, политических партий и движений, СМИ) в формате политико-финансовых кланов» (7, с. 171). «Клановость» же соответствует «дополитическому» состоянию власти, когда она *еще* неспособна выразить общий (публичный) интерес, а «политика» сводится к примитивной борьбе кланов за ресурсы (21, с. 129). Видимо, это состояние у нас устойчиво воспроизводится. Точнее, речь идет об *определенном типе самоорганизации «высшего класса» позднее- и постсоветского времени*. Поэтому сущность власти следует определять как неpolitическую; она *вообще* неспособна выразить общий интерес.

Постсоветский «Дворец» – это еще и институты; государственные учреждения его организуют, структурируют, придавая ему современную форму. В то же время государственные структуры (в том числе выборные, соответствующие современным представлениям о демократическом управлении) суть крупнейшие экономические предприятия – прежде всего, по освоению бюджетных денег. (Вообще, высшее «сословие» так или иначе связано с бюджетом: им управляет и(или) пользуется. Иначе говоря, имеет *административ-*

«Внешний корпоративный долг составляет в настоящее время около 32% ВВП России, тогда как доля внешнего государственного долга – 4% ВВП. «Преобладающая часть внешнего корпоративного долга сформирована государственными корпорациями за 2005–2008 гг. В числе этих корпораций «Роснефть», «Газпром», «Русал», «ЛУКОЙЛ», «РЖД», «Норильский никель» и др. Поэтому этот долг является, по существу, превращенной формой внешнего государственного долга РФ, обслуживание которого в условиях глобального кризиса эти корпорации не смогли бы осуществить без финансовой помощи правительства и ЦБ» (2, с. 27). Фактически внешний долг стал не государственным, а «дворцовым» («сословным»), но расплачиваться за «Дворец» будет то, что мы называем государством (из бюджета, резервов и т.п.).

16. По мнению С. Кордонского, все ключевые вопросы в стране решаются в среде «прочнейшей и невидимой сети неформальных связей административного рынка» (16, с. 138, 139).

но-экономическую подоснову.) В них встроены лоббистские сети; многие их связи – как внутренние, так и внешние – не вполне законны или вовсе нелегальны. То есть речь идет о фактическом удвоении *неправовой среды*: неформальные сети накладываются на неформальную активность институтов.

Собственно, в случае «Дворца» мы имеем дело с государственно-монополистическим капитализмом, лишенным, однако, главного измерения капитализма – свободной конкуренции на правовой основе. Видимо, наш бизнес с такой нагрузкой не справляется; свобода экономической деятельности вызывает у него опасения (неопределенность и риски оцениваются как слишком высокие). Свобода предполагает поиск самим бизнесом продуктивного варианта взаимного сотрудничества в рамках существующего права. У нас же нет традиций такого взаимодействия; зато еще в советские времена сложилась привычка работать в «тени» и под покровительством (защитой / «крышей»). В этой сфере нужен большой капитал и прочная административная опора; поэтому в теневой экономике, большая часть которой связана с уклонением от налогов, хорошо себя чувствуют только крупные компании (см. об этом, напр.: 5, с. 23–67). В силу этих причин и склонности к монополизации доступного пространства наш большой и очень большой бизнес соглашается на ограничение своей свободы – «сверху».

С нагрузкой свободы / конкуренции не справляется и правительство / государство: для него наиболее естественно подавление плюральности как в экономике, так и в политике. Правительство разрешает или организует конкуренцию (можно говорить об *«управляемой конкуренции»*), сохраняя при этом «монополизм» как основополагающий принцип функционирования «Дворца». Тем самым, кстати, придает конкуренции по-русски более или менее цивилизованный вид, минимизируя применение насилия внутри бизнес-сообщества. Репрессивно-контрольная функция в целом принадлежит государству. Но главная задача правительства как «дворцового» актора состоит не в регулировании таким образом экономики и социальных отношений, а в получении прибыли от процесса «управления конкуренцией».

Конечно, отношение «бизнес – власть» взаимовыгодны. Главным конкурентным преимуществом крупнейшего российского бизнеса (прежде всего на международной арене) оказывается принадлежность к «Дворцу», гарантирующая разного рода «дворцовые помощи». Последнее тому подтверждение – экономический кризис, когда выживание «равноудаленных» корпораций было обеспечено правительством¹⁷. «Дворец» помог «Дворцу».

---

17. Основные средства антикризисной программы были направлены на поддержку банковской системы (более 1355 млрд. руб.) и государственных или околосударственных компаний типа ОАО РЖД или АвтоВАЗа (776 млрд.). При этом на усиление социальной защиты и борьбу с безработицей в 2009 г. намечалось выделить около 500 млрд. руб. (28, с. 69). Правительство

Хотя в определенном смысле «Дворец» можно считать корпорацией, функционирующей по законам частнокапиталистического предприятия, его природа прямо противоположна капиталистической: она – «владельческая», предполагающая монопольную эксплуатацию, а не собственническая, т.е. плюралистическая, конкурентная, договорная и открытая. Корпорация явилась у нас в совершенно ином историческом контексте и привела к другим, чем в исходных условиях, результатам. Перенесение на советское государство корпоративных методов управления (иначе говоря, модернизация государства за счет заимствования новейших технологий) активизировало его «дворцовую» природу, спровоцировав явление «Дворца».

«Дворцовая» система против общества и против субъектности «дворцовых»

«Сословие», представители которого не желали быть только распорядителями (временными держателями), с момента своего появления боролось за собственнические права. В 1990-е годы оно их добилось, следствием чего (среди прочего) стало *стирание грани между государственными и негосударственными (коммерческими) структурами*. Баланс сместился в сторону последних, как бы «пожиравших» государство¹⁸. Но тогда же выяснилось, что для *самореализации (прежде всего, вне страны) и защиты от страны («не-Дворца»)* «сословию» крупнейших собственников все-таки необходим какой-то вариант государства. Выбор был сделан в пользу «Дворца», в рамках которого примиряются «сословные» и национальные противоречия, бизнесмены становятся государственниками, а бюрократия коммерциализируется. То есть образуется *mixt*, единая социальная среда, «повязанная» одной целью – «обогащение».

ство рассматривало и персональные дела: с его помощью главный неудачник кризиса О. Дерипаска вышел из него, не потеряв ни одного ключевого актива. Особый интерес представляют следующие данные: «Если в 1998 г. часть издержек по стабилизации экономики после кризиса была профинансирована негосударственным сектором, то в 2008–2009 гг. это бремя в основном принял на себя государственный сектор, чьи денежно-кредитные издержки, а также бюджетные и квазибюджетные расходы значительно возросли. При этом непосредственные бюджетные затраты на антикризисные меры оцениваются всего лишь на уровне 0,58% ВВП России 2007 г., тогда как доля квазифискальных издержек стабилизации экономики может составить около 14,7% от его объема» (2, с. 25). Собственно, речь идет о том, что выход «негосударственного сектора» из кризиса в «государственные 2000-е» был обеспечен «дворцовым» государством за счет бюджета, в отличие от «олигархических» 90-х.

18. Процесс «олигархической минимизации» государства был по существу, как показывает Ю.С. Пивоваров, переделом / дележом: «предметом передела стало государство». То, что выглядит как восстановление государства 2000-х, является следующим этапом передела (см.: 23, с. 58–61).

Однако создание «Дворца» потребовало от «новых собственников» жертвы – нужно было поделиться собственностью с новым государством. Наверное, процесс *частичной деприватизации / национализации (а, по существу, второго «большого передела»)* начала 2000-х, сопровождавшийся перераспределением денежных потоков в пользу «новых государственныхников», выделением им доли «дворцового имущества», прошел нелегко. Достижению «консенсуса» помогло то, что договаривались советские (по генетике, ментальности, инстинктам, навыкам) люди, приученные в позднесоветские времена, пользуясь государством, мыслить в категориях «большой государственности». Сработало и старое политическое мышление, «заквашенное» на страхе и привычке подчиняться власти / государству. Наконец, делились «старые» собственники тем, что «урвали» и присвоили в 90-е, а не наследовали по праву и не создали как «пионеры»-первооткрыватели. Легко пришло – не задержалось.

Итогом «передела» / «сговора» «нулевых» явилось не только то, что персонификаторы государства получили свой экономический плацдарм, а государство стало новым мощным коллективным бизнес-игроком, членом мирового бизнес-сообщества. В *результате такого усиления государства произошло* окончательное слияние государственной идеи с частным экономическим интересом, сращивание государственныхников с «олигархами» (в единый светский бизнес-культурно-политический бомонд), т.е. *окончательное оформление постсоветского «Дворца»*¹⁹.

Хотя внешне ситуация, наверное, и выглядит так, как ее описывает значительная часть исследователей: «На рубеже 90-х годов Россия столкнулась с проблемой институциональной бессубъектности, общество атомизировалось... Институты власти оказались оторваны от социальной базы, перестали быть носителями и выразителями общественных интересов, быстрыми темпами стали расти коррупция и взяточничество. Произошло сращивание высшей государственной бюрократии и крупного капитала. В этих условиях центральная власть сделала ставку на государственную бюрократию как потенциального носителя новой национальной субъектности, противостоящего как бизнес-группировкам, так и политической элите. В рамках избранной стратегии начала проводиться административная реформа... То есть была

---

19. В рамках «Дворца» действуют тенденции и к национализации, и к приватизации. Правда, первоначальный смысл этих явлений меняется: речь и в том и в другом случае идет о переделах «дворцового» хозяйства. На последние годы пришелся процесс очередной приватизации. Так, в ходе реформы РАО ЕЭС (последнее «дело» А. Чубайса) появились новые частные владельцы энергоактивов. И хотя с эффективностью у них не все в порядке, о чем заявил персонификатор государства В. Путин на совещании по энергетике в конце февраля 2010 г. (см.: 31, с. 8), они будут хозяйствовать.

поставлена задача связать единым административным механизмом разрозненные бюрократические группы, как федеральные, так и региональные, ослабить давление на них со стороны бизнес-групп, региональных властей, криминальных структур» (3, с. 89). Этот *подход акцентирует идею «возвращения» государства*. Оно действительно расширило контроль над различными сферами общественно-политической, экономической и др. деятельности, но постольку, поскольку было нужно *этому* государству. Бюрократическая централизация 2000-х вовсе не предполагала восстановление социальной и национально-консолидирующей роли государства. Точнее, эта роль восстановилась настолько, насколько потребовалось для выживания и реализации «Дворца».

Включенность в «дворцовые» коммуникации, имеющие по преимуществу коррупционную природу, не позволяет крупным собственникам быть собственниками в полной мере (безусловными и независимыми – от «Дворца» – коммерческими субъектами). Как не дает стать и независимыми политиками; отказ от претензий на самостоятельную политическую роль – их плата за относительную свободу предпринимательства. В результате устранения большого бизнеса политика лишилась конкурентного измерения, отличавшего ее в 1990-е годы. Ею завладели «административные элиты», политика превратилась в отрасль администрирования. А верхушка группировок финансово-промышленного капитала была интегрирована в систему бюрократического управления, «их экономические интересы внутри страны и за ее пределами стали частью государственных (точнее, “дворцовых”. – И.Г.) интересов» (цит. по: 29, с. 13).

В рамках «Дворца» не свободна и бюрократия: чиновник не может быть просто эффективным менеджером, – он должен участвовать в коммерческой деятельности «по-дворцовому». Так работает система, в ней *не могут возникнуть* независимые собственники, управленцы, художники, вообще самостоятельные социальные силы, – только «сословие», организованное статусно-иерархически и тяготеющее к «закрытию» в особый мир, живущий по своим законам в стороне от остального населения. Расширяя права и свободы «сословия», «Дворец» парадоксальным образом «гасит» его субъектность. Характерно, что к «сословию» неприменима такая характеристика, как гражданственность. В этой среде нет предпосылок для роста «я-субкультуры» в либерально-западном смысле слова. – Их «съедает» бесконтрольный и безграничный «субъективный материализм», разрывающий «сословие» на соперничающие кланы (прежде всего, по принадлежности к ведомствам – административным и коммерческим). Они сбиваются в «Дворец» только потому, что не выживут поодиночке. Это вынужденный «корпоративизм» без солидарности, открытой состязательности, инновационности (примитивный или «корпоративизм простейших»).

Следует отметить, что в рамках «Дворца» все же сохраняется напряженность по линии «формальный государственный» (государство) – «формальный бизнесмен» (бизнес). Это одно из правил «дворцовой» игры, условие «дворцового» существования. Размежевание имеет значение не только PR-средства: показать «не-Дворцу», что государство у нас есть – и оно отдельно, а бизнес, как и положено в цивилизованном мире, отдельно. Такой PR действенен лишь отчасти: активно участвующая в постсоветской жизни часть граждан хорошо понимает его условность, а «Дворец» понимает, что они понимают. Размежевание важно, прежде всего, с экономической точки зрения: это основа для конкуренции и сотрудничества в рамках «Дворца»²⁰. Мелкий и средний бизнес, фермерство и т.п. – все это игры для «не-Дворца» (иначе говоря, игры с ограниченными возможностями).

Исторические модели «Дворца»

В процессе исторического «оцивилизовывания», «окультуривания» наше государство преодолевало в себе «Дворец», переставало быть только «Дворцом», приобретая черты «регулярного», «полицейского», «правового», «социального». В какой-то мере «дворцовые» инстинкты ограничивала религия, затем – коммунистическая идеология.

Однако в разные периоды своего существования русское государство, повторю, сохраняло (среди прочего) черты «дворцового». В истории заметны, по крайней мере, два варианта «Дворца»:

– «*большой Дворец*» (это «классический вариант», следствие демобилизационного беспорядка) – его составляет достаточно большой круг людей, допущенных к элитарному «перемолоту» наличной доходной материи. Чем шире этот круг, тем больше имущественное неравенство, – но и пространство общественных свобод. Это времена дворянских вольностей, усиления аристократии, требующей себе не только имущественных, но и личных прав. Отказываясь платить по общесоциальным счетам (служить и жертвовать во имя национальных интересов), «элита» «большого Дворца» «скатывается» к «римско-ренессансному» типу.

---

20. Вот что говорят о специфике такой конкуренции бизнесмены: «...никакого противостояния и обособленности власти и бизнеса нет и, видимо, в ближайшие время не будет. Бизнес и власть переплетены теснейшим образом, все наше государство изрядно коммерциализировано. Бизнес связан как с отдельными чиновниками, так и с конкретными ведомствами. У чиновников есть свой бизнес, а у бизнеса – свои чиновники. И не бизнес противостоит власти или власть бизнесу, а одни государственно-деловые структуры – другим государственно-деловым структурам... Мы своим поведением развратили институты государственной власти до такой степени, что они уже не являются государственными институтами» (5, с. 40, 51).

И здесь действует интересная закономерность. Правящее сословие всегда тяготило желание расширить «Дворец», как наиболее естественную для себя форму существования. Делая это, оно невольно увеличивало объем общественных свобод, а значит, способствовало росту субъектности общества. То есть *свобода в России – «незаконное дитя» растущего «Дворца»*. Эмансипация предполагает и снятие ограничений с передельных инстинктов социума, что выражается в росте коррупции.

Самые яркие примеры «большого Дворца» дали послепетровский XVIII в. с его «верхушечной» («элитарной») коррупцией и закрепощением основной массы населения, а также рубеж XX–XXI столетий, когда в коррупционные процессы включились освобожденные все. Не умея и не желая согласовывать свои интересы правовым порядком, «вольные субъекты» вступили в войну друг с другом за доступ к «зонам» передела. Чем больше субъектов, тем масштабнее военные действия.

Становясь массовым, «Дворец» способен переродиться в нечто иное – возможно, более современное, даже гуманное и цивилизованное. Но перерождение сопровождается явлениями развала / распада / анархии, этими спутниками русской свободы. Не будучи ничем (даже логикой самосохранения) ограничены, они могут привести к полной дезорганизации. И тогда явятся или новая деспотия в условиях тотальной варваризации, или какое-то другое государство.

«Малый Дворец» (соответствует периоду «сползания» к мобилизационному порядку) – «дворцовое государство» ужимается до узкого круга «избранных» («опричных», «петровских», «ордена меченосцев»), а общество становится более эгалитарным. Это понятно: потребляя меньше, «Дворец» больше оставляет народу. При этом наблюдает за поддержанием относительного равенства в распределении. Однако с усилением контроля «сверху» сужается зона общественных свобод. Урезается и свобода внутри «Дворца»: получив все и став всем в русском мире, «дворцовые» вынуждены от многого отказываться. Платой за «избранность» становится участие в мобилизационном развитии.

Немногочисленная «элита» в такие моменты тяготеет к военно-монастырскому, «орденскому» типу. Консолидируясь вокруг верховной власти, она решает национальные задачи (прежде всего, экспансии в пространстве), удовлетворяет национальные интересы. Метод решения – террор, в рамках которого вполне эффективно борются и с коррупцией, накидывая узду на передельные социальные инстинкты. Во имя общего подавляются интересы личные, корпоративные, общественные. *Это путь перерождения государства «дворцового» в «служилое»*, деспотизм которого оправдан идеей всеобщей службы. На этом пути могут быть эксцессы варварско-

криминального характера (как грозненский и сталинский террористические режимы).

Именно «служилое» государство, «кормящее» только «служивых», понимается и принимается как «должное» основной массой народонаселения. То есть получает в народном восприятии статус «государства правды»: поравнение социума в службе, потреблении и уязвимости перед государственным насилием воспринимается как реализация принципа социальной справедливости. В ходе такой реализации все социальные силы – добровольно или насильственно – отказываются от собственной субъектности в пользу верховной власти. Государство в таких условиях становится монополистом, распределяющим блага и наказания, военизируется и приобретает идеократический характер.

Конечно, это только один из возможных взглядов на историческую динамику нашего государства. И фиксирует он крайние варианты его самореализации. Действительность сложнее, – в ней нет «чистых» типов, действуют разные тенденции. Но *такая оптика позволяет несколько сместить акценты в суждениях о современном государстве. От него не следует ждать самореализации в режиме демократического, правового, социального, приписывать соответствующие этому режиму потенции. Хотя наше государство, безусловно, имеет эти черты, т.е. в нем заметны сопоставимые с современным западным элементы, которые – сами по себе – могли бы дать соответствующее качество. Однако попадая в иной контекст, элементы современного государства начинают вести себя иначе, в основном подчиняясь господствующей в данной системе логике. Ее я и предлагаю называть «дворцовой».*

Эта логика не архаична, а сам «Дворец» – не неожиданный кратковременный выплеск архаики. *Постсоветский «Дворец» есть наложение особой (назовем ее патримониальной, «вотчинной» и «ресурсной») природы нашего государства – никогда не исчезавшей, дремавшей, но активизировавшейся – и переделной (а также «сословно-иерархической») природы нашей социальности на современный момент: свободы, плюральности (сравнительно с советским временем), выхода из-под государственного контроля частной сферы, открытости миру, интернационализации потребления, отсутствия реальной военной угрозы. В «дворцовом» государстве смешалось многое: «родовые» черты, воспоминания о советском и советские практики, представления о западном и западные технологии и т.д. В «постмодернистском» «Дворце» 2000-х неожиданным образом совместились даже разные «дворцовые» логики – «демобилизационная» (среди прочего – освободительная), возобладавшая в 1990-е, и мобилизационная, ограничительная. Причем совмещение дало эффект, наиболее опасный с общесоциальной точки зрения.*

Преодолевая «разброд» 90-х годов, дисциплинируясь и подавляя «властесмуту», «Дворец» «нулевых» не желает отказываться от завоеваний тех

лет – богатства и социальной безответственности. Усилил контроль над обществом (насколько было нужно) и нагнетая «мобилизационную тревогу», не идет на самоограничение. Что по-человечески понятно: крайне трудно делиться (денег всегда не хватает) и служить, особенно если и нынешняя служба тяготит как рабский труд на галерах. Наконец привыкнув к отсутствию всяких внешних ограничений и не имея внутренних, путинско-медведевский «Дворец» живет по принципу: «сегодня можно все». При этом продуцирует соответствующую общественную атмосферу: раз «верхним» позволено, то и всем разрешено. Главное – нажиться, как – неважно. Сейчас это главные принцип и норма, на которых строится социальное взаимодействие. Правда, так взаимодействовать можно лишь «при условии неумеренного разрастания “пирога” доходов, создаваемого высокими ценами на углеводороды и вообще сырье» (29, с. 13).

Эта уникальная даже для России ситуация навязчиво провоцирует вопрос: «дворцовый режим» функционирования государства есть «временная передышка» – или расслабление / распад, на которых паразитирует и которые катализирует «Дворец», непреодолимы? Каков бы ни был ответ, очевидно, что социальные перспективы располагаются в следующей вилке: выход из «паузы», где весьма вероятен террористический сценарий, – одряхление / умирание.

Наши перспективы: Куда идем мы за «Дворцом»?

Сегодняшний – динамичный и веселый, талантливый и роскошный, торгующий и празднующий, во всем этом самоутверждающийся – «Дворец» окружен грозными опасностями. И он их, вероятно, – хотя бы интуитивно – ощущает.

Начнем с «внешней» опасности: «Дворец» несоразмерен современному миру, неспособен смириться с сократившейся географией и справиться с сокращающейся демографией – главными проблемами нынешней России. Мир давит на «Дворец», заставляя его искать ответы на современные вызовы. Для этого – усмирять хищнические владельческие инстинкты. А он – не хочет; возможно, уже и не может. В созданных – до него и им самим – геополитических условиях у него почти нет игры. Нет друзей и возможностей стать центром новой гегемонистской системы, втянуть в свою орбиту новых сателлитов; нет очевидных врагов, зато масса новых угроз (на одну из них указывает анекдот – национальный лидер в середине XXI в. отчитывается перед вдруг материализовавшимся «вождем народов»: на китайско-финской границе все спокойно); воспоминания о недавнем прошлом не позволяют смириться со статусом региональной страны, – но нет и ресурса для сверх- (или велико)державности. Ситуация почти тупиковая: единственный выход – умерить

внешнеполитические амбиции, отдав приоритет наращиванию экономики и созданию человеческого капитала. Но здесь «Дворец» – нам не лидер; он слишком богат, жаден, самоуверен и амбициозен, заморожен образами собственного успеха.

Главная «внутренняя» опасность для «России–Дворца» – в том, что он обслуживает чрезвычайно узкие социальные интересы. Возможны разные сценарии как ее обострения / разрастания, так и гашения / нейтрализации. Причем сценарии одинаково малопривлекательны – уже не только для «Дворца», но и для всех нас. Речь идет о националистической реакции – «сверху» или «снизу».

Первый сценарий обусловлен тем, что «низы» в какой-то момент могут отказаться жить так, как устроил их «Дворец». О радостях жизни «недворцовой» России «Дворцу» в общем-то известно. Потому что значительная часть «Дворца» сама еще вчера была «не-Дворцом». Но ему так хочется поскорее о них забыть, что он не воспринимает их всерьез, гася воспоминания и тревогу PR-м и подачками. А радости эти кого угодно способны не только утомить и обессилить, но и озлобить. При всей усталости, безразличии, социальной неэффективности «не-Дворца» (при том, что «настоящих буйных мало»), он вполне еще может сотрясти «дворцовую» стабильность. – Если доведут до предела.

На взрыв (или цепь локальных взрывов) «недворцовую» массу постоянно провоцирует «Дворец», в поисках новых источников передела реформирующей ЖКХ, добывающий «социалку»²¹, приватизировавший энергосистему, грозящий приватизацией метро и т.п. Катализатором предельного обострения социального напряжения могут послужить экотехногенные катастрофы и масштабные теракты – особенно в мегаполисах. При изношенности нашей инфраструктуры и неспособности государственных органов к их предотвращению приходится только удивляться, что такого рода ситуации нас до сих пор миновали. Если гром грянет, возможно, поминовений и ликвидации последствий окажется недостаточно, – придется вспомнить о «дубине народного гнева».

---

21. Один из последних шагов на этом пути – законопроект 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Разработчик законопроекта – правительство, сокращая бюджетные расходы, идет на приватизацию (поликлиник и больниц, школ и вузов, театров и музеев, т.е. бюджетной сферы, где заняты 14 млн. человек, предоставляющих «услуги» всей стране). Для этого меняет схему их финансирования: малая часть («казенные») получит 100%-ное бюджетное финансирование, прочие («бюджетные нового типа») – госзаказ на выполнение определенных работ, а остальное должны будут взять с населения (в «формате» оказания платных услуг) (см. об этом: 1, 10 и др.).

Заметим, «Дворец» практически не ищет путей купирования протестно-анархическо-криминальной энергии, не пробует вовлечь население в производительный труд. Постсоветские «верхи» полностью положились на эффекты масскультуры и потребительства, игнорируя даже советский опыт социального управления²². А ведь советская власть располагала богатым и достаточно эффективным арсеналом средств не только насилия, но и вовлечения / интегрирования. И ее «социальные завоевания» – вовсе не пустой звук (пусть по минимуму, но сейчас ушло и это). Не случайно люди характеризуют власть советскую как «народную», в противоположность нынешней.

Вероятен и другой сценарий – опять-таки по Владимиру Ильичу: когда «верхи» не смогут «верховодить» по-«стародворцовому». Мы по-прежнему живем в дефицитном обществе – здесь запас материи, подходящей для передела, ограничен. А «Дворец» разросся – скоро не станет хватать даже тем, кто внутри него (при их непомерных аппетитах). Тем более не останется средств на реализацию «Дворцом» функции «собеса». Так долго продолжаться не может. Здесь для «верхов» возможны два – не исключаящих друг друга – пути террористического свойства: сокращение / урезание «Дворца» (по типу грозненской опричнины – поэтому так завораживают фантазии В. Сорокина); сворачивание остатков советского «государства-собеса» и дополнительная формализация или полная отмена соучастия населения в выборе власти. И это логично: начисто лишенный «дворцовой» помощи, народ вряд ли станет голосовать правильно.

Оба пути связаны уже не с народной революцией, а с властным террором как против элит (с целью их минимизации), так и против народонаселения (прежде всего, для его устрашения). То есть дальнейшее самоосуществление современного российского государства как «дворцового» может привести к

---

22. За одним исключением – активное использование репрессивно-охранительных структур для ликвидации самих возможностей выступлений на социальной почве. Характерный факт: в июле 2010 г. Госдума силами парламентского большинства утвердила новую скандальную редакцию закона о ФСБ, расширяющую его полномочия. Правительственные поправки наделяют спецслужбу правом выносить «официальные предостережения» за намерения, штрафовать и даже арестовывать обычных граждан. Под пристальный надзор службы, если верить пояснительной записке правительства, попадут в первую очередь активисты радикальных молодежных движений и критически настроенные журналисты и их редакции. Высокопоставленный источник журнала «Профиль» в ФСБ на условиях анонимности пояснил, что «новые права службе понадобились вовсе не для гонений на оппозицию, а для работы с теми, кто подстрекает россиян выходить на митинги протеста в регионах. Например, после повышения транспортного налога или увеличения стоимости услуг ЖКХ. В ФСБ уверены, корни социального напряжения не всегда связаны с тяжелой экономической обстановкой на предприятии или в конкретном городе. Зачастую, уверяет высокопоставленный источник, обстановку накаляют намеренно для расшатывания правопорядка во всей России и нередко – вообще извне» (19).

террору власти с целью полного замыкания во «Дворце», присвоения себе права перераспределения наличной (доступной социуму) материальной субстанции, не ограниченного ни «элитными сговорами», ни народным выбором. Конечно, полная реализация этого сценария возможна только в том случае, если государство замкнет внутри себя всю (или, как, минимум, экономическую) свою деятельность и перестанет нуждаться в связях с внешним миром. Это почти невозможно в условиях глобализации и «интернационализации» наших «элит». Но это «невозможно» не отменяет сценария вовсе: в том или ином ограниченном варианте он может реализоваться.

С формальной ликвидацией политического выбора (и, соответственно, выборов) граждане почти наверняка легко смиряются²³. Террор же против элит неизбежно будет воспринят населением как долгожданная справедливая «народная война» против «врагов народа», которую за народ ведет власть. Ее тут же провозгласят «справедливой», «народной» и полюбят «по-русски», «взасос» и всепрощающе. Точкой пересечения реальности «дворцового государства» с идеей «государства трудящихся» в этом случае станет «народный царь» (самодержец от всех трудящихся), возвращающий вместе с угрозой расправы страх как стимул для труда. И мы опять сольемся в единый народ в экстазе всеобщего оптимизма.

Главная проблема нашего общества – неспособность совместить свободу с порядком и социальными гарантиями. Как показал XX век, в ситуации выбора мы скатываемся к одному из крайних состояний: воли / смуты, в которой исчезает государство вместе с нормативно-регулятивной функцией и потенциалом социальной защиты, или дисциплинирующей полицейщины, где государство-деспот гарантирует минимум, необходимый для выживания. И то и другое одинаково некомфортно и опасно для человека, так как связано с насилием над человеческой природой, ее искушением и развращением.

Очевидно, что для изменения ситуации – оказания влияния на политику «государства-корпорации» для придания ей большей социальной ответственности – необходимо сильное давление извне. Позицию «верхов», вполне удовлетворенных «дворцовым» режимом функционирования государства, способен изменить только интенсивный и внятный запрос «низов». А это означает переориентацию хотя бы части социума (наиболее активной, креативной) с «дикого» индивидуализма, нацеленного на удовлетворение собственных материалистических потребностей – как правило, за счет другого, на индивидуализм «либерального» типа, требующий уважения интересов и прав

---

23. Об этом свидетельствуют, например, данные опроса ВЦИОМ (апрель 2010 г.): на вопрос «что сейчас важнее для России» 72% респондентов ответили «порядок, достигнутый даже с нарушением демократических принципов», 16 – «демократия, даже если она предоставляет определенную свободу криминалу», 12% – затруднились с ответом (26).

Другого, осознания своей включенности в социальные связи и собственной в них ответственности. А, значит, – и на определенный тип государства, обслуживающего такой индивидуализм и порожденные им социальные отношения.

Пока признаков такой переориентации, значимого запроса на правовой порядок (иначе говоря, появления заинтересованного в нем субъекта) в российском обществе не наблюдается. Скорее, становятся все более интенсивными неудовлетворенность значительной части населения (в первую очередь активного меньшинства) собственным положением в «дворцовой» системе, что является главным основанием его оценки как несправедливого, и желание это положение изменить, – т.е. *самим стать «Дворцом»*. В такой ситуации речь может идти о смене лиц «наверху» под напором «снизу», а не об изменении системы как таковой. Получается, что главным стабилизатором «дворцового» порядка является массовый постсоветский человек. То есть прямой и ближайший наследник человека советского с его опытом, ценностными и нормативными ориентирами, стратегиями самозащиты и социального продвижения, иллюзиями, комплексами и фобиями²⁴.

В постсоветской истории действует «этнос», родившийся в 1917 г., – «новая историческая общность людей», ведомая КПСС–КГБ–комсомолом и т.п. в разных их модификациях. Советско-постсоветский человек ведóm потому, что раздавлен (создавшей его и одновременно им санкционированной) системой – ее насилием, своим перед нею страхом, общим лицемерием, привычкой жить в системе и списывать свое бессилие, удовлетворенность тем, чем нельзя быть довольным, на обстоятельства, внешние условия. В подавлении и развращении человека – порочность той, советской системы. Порочность этой – в том, что она ей наследует, воспитывая человека, согласного с тем, с чем нельзя соглашаться (коррупция – это наше все, с ней и бороться надо осторожно; власть должна быть в руках одного человека; «все – путем», и нет причин сомневаться в «основах»; каждый должен быть из большинства – один как все). Стратегии адаптации «постоктябрьского этноса» к несоветским (точнее, послесоветским) условиям почти неизбежно вели его к

---

24. Это социологический факт, подтвержденный множеством исследований. «Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания не столь велики, как об этом принято говорить и писать; слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость» (9, с. 16). Она определяет ценностно-смысловое ядро российской ментальности, делая нас такими непохожими на других – во всяком случае, на европейцев. Именно поэтому «даже в условиях системной трансформации... практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфические звучание и окраску» (9, с. 17).

согласию с тем социальным порядком, одним из знаковых элементов которого стал «Дворец».

Литература

1. Автономное плавание // Newsweek. – Москва, 2010. – 11–16 мая. – С. 26–27.
2. Агапова Т.А. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67). – С. 19–30.
3. Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40). – С. 88–103.
4. Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса: широкий взгляд // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 124–141.
5. Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. – М.: ОГИ, 2003. – 280 с. (Сер. «Дискуссии Фонда “Либеральная миссия”»).
6. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: Отечественный и зарубежный опыт // Полис. – М., 2007. – № 4. – С. 34–45.
7. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: Портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 157–177.
8. Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56). – С. 103–123.
9. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII). – С. 3–21.
10. Госотказ: Спасутся не все // Итоги. – М., 2010. – 8 марта. – С. 18–21.
11. Двойной стандарт // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23. – С. 34–35.
12. Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. – М., 2008. – № 10 (1593). – С. 57–70.
13. Иноземцев В.Л. История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67). – С. 6–18.
14. Итоги 2004 г.: Что дальше? // Экономическое возрождение России. – М., 2005. – № 1(3). – С. 76–80.
15. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993. – 559 с.
16. Кордонский С. Россия: Поместная Федерация. – М.: «Европа», 2010. – 312 с.
17. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. – М., 2009. – № 4. – С. 72–83.
18. Малева Т. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшие десятилетия: Сб. ст. – М., 2004. – С. 75–82.
19. Министерство страха // Профиль: Деловой еженедельник. – М., 2010. – 21 июня. – № 23. – С. 22–23.
20. Награда недели // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 5 апр. – С. 24.
21. Пастухов В.Б. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – М., 2009. – № 6 (114). – С. 119–139.
22. Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: Смена парадигм // Полис. – М., 1994. – № 5.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

23. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.
24. Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 г. // Полития. – М., 2009. – № 3. – С. 87–99.
25. Пшизова С.Н. Политика как бизнес: Российская версия // Полис. – М., 2007. – № 3. – С. 65–79.
26. Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 19 апр. – С. 12.
27. Тамаш П. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // Конец ельцинщины. – Будапешт, 1999. – 165 с.
28. Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54). – С. 58–75.
29. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2 (110). – С. 7–22.
30. Шелов-Коведяев Ф.В. Природа кризиса в России и в мире: Общее и особенное // Полития. – М., 2009. – № 3. – С. 110–114.
31. Энергии не занимать (Выговор) // Newsweek. – М., 2010. – 1–7 марта. – С. 8.

Р.Х. Симонян

РЕФОРМЫ 1990-х ГОДОВ: ОЦЕНКА СЕГОДНЯ

**Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук,
главный научный сотрудник Института социологии РАН.**

2 января 1992 г. правительством Е. Гайдара были отпущены цены на товары массового спроса. Так начались кардинальные экономические преобразования в России, в канун 20-летия которых вступила наша страна. Об экономических итогах российских реформ 1990-х годов сказано и написано много, в значительно меньшей степени отражены итоги социальные, политические и демографические. Последствия российской реформации для духовно-культурной сферы общества еще не исследованы. Не проанализирована динамика состояния общественной морали за два последних десятилетия. Между тем нравственность – одна из важнейших составляющих человеческого капитала, роль и значение которой в современном рискогенном, а, быть может, уже и катастрофогенном мире, возрастает.

Человеческий фактор, понимаемый как наличие ответственных и высококвалифицированных специалистов, способных создавать знания и эффективно их использовать на благо общества, является основой экономического развития любой страны. Мировой опыт показывает, что отдача от вложений в человеческий капитал существенно превышает отдачу от вложений в основной капитал. «В условиях интенсивных процессов глобализации, – подчеркивает Н.М. Римашевская, – человеческий и интеллектуальный потенциалы, как основной ресурс общества, не имеют эффективных способов замещения» (31, с. 20).

Важную роль в формировании человеческого капитала играют наука, информационное обеспечение, культура и искусство. Следует подчеркнуть, что эти ценности составляли общественные приоритеты во внутренней политике позднесоветского периода. Даже не обремененное излишним образованием и культурой советское партийное руководство понимало значение воспитания и образования в социально-экономическом развитии страны.

Престиж и науки, и высшей школы, и социальный статус ученого и преподавателя, и общественные этические требования в Советском Союзе были достаточно высокими.

В нынешнем российском обществе состояние его духовно-нравственной сферы является источником многих социальных болезней. Следует согласиться с академиком Л.А. Абалкиным, что «если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «черном вторник» 1994 г., и о дефолте 1998 г., да и вообще об экономической реформации 1990-х годов» (1, с.173).

Идеология обогащения любой ценой, запущенная в массовое сознание в начале 1990-х годов, привела к резкому изменению общественных приоритетов. Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Начиная реформы, они постоянно подчеркивали, что их не интересуют источники получения собственности, – важно создать собственника. Тем самым был запущен процесс устранения моральных ограничений. В любом обществе всегда существуют люди, с готовностью воспринимающие идеологию, которая извиняет их и освобождает.

Реформаторы понизили порог чувствительности общества к социальной патологии. «В результате реформ 1990-х годов, – пишет кинорежиссер Сергей Соловьёв, – целые пласты нации, прежде всего молодежи, превращены в духовно опустошенных и совершенно равнодушных к собственной стране, ее прошлому и будущему» (2, с. 7).

Нравственно-культурная травма привела к тому, что индивид становится, по выражению Р. Рывкиной, своего рода социальным банкротом (34, с. 49). Люди ни во что не верят – ни в собственные возможности и силы, ни в собственную страну. «Современное российское общество – это больное общество, и все наши усилия по подъему экономики, боевого духа растерянной армии и патриотических настроений в обществе будут абсолютно бессильными, пока мы не поймем и не начнем лечить главную причину недуга – всеобщее падение морали» (15, с. 4). Начавшееся в 1990-х годах моральное разложение правящей верхушки постепенно инфильтрировало все слои общества. С 1990-х годов в стране стал насаждаться общественный аморализм, о разрушительной опасности которого для человека предупреждали многие мыслители. Ибо, как писал Дм. Мережковский, «оказывается, что Лицо человеческое вовсе не так прочно держится на человеке, как он предполагал; что оно снимается с неожиданной и безболезненной легкостью; само спадает, как маска после маскарада – “цивилизации”, “прогресса”, “прав человека”, “христианства” и проч., и проч.» (26, с. 197). Преступление нацистов в Германии, красных кхмеров в Камбодже показали, насколько тонка и уязвима культурная оболочка, как легко творить произвол, попирая все этические нормы.

Нынешняя всеобщая коррупция – это сигнал о глубоком неблагополучии в государстве. Сигнал о неэффективности экономики, системы общественных отношений и всей системы управления. Коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. Дискурс по поводу этой болезни сопровождается ссылками на ее «общемировой» характер либо русскую традицию, которые нередко носят оправдательно-извинительный характер. Здесь и цитирование Карамзина о воровстве в России и бальзаковское «все большие состояния нажиты нечестным трудом». Точно такие же горестные замечания можно найти у классиков английской литературы XVIII в. («сентименталистов»), когда в Англии размеры коррупции стали опасными для общества.

Но можно ли сейчас всерьез воспринимать в качестве объективного (и непреодолимого?) препятствия к искоренению коррупции историческую российскую традицию «кормления» воевод. Все же худо ли, бедно ли человеческое общество совершенствуется, и уж, во всяком случае, постепенно уходит от дикости и варварства. Всего 220 лет назад в Европе отсечение головы было обычным наказанием преступнику, и при этом процедура производилась публично, собирая многотысячные толпы зевак. Еще не так давно офицерской доблестью считалось умение шашкой разрубить противника на две части. Можно привести много примеров того, от чего нынешнее общество отказывается, что оно уже стыдится делать. Поэтому апелляция к старине не может служить «историческим» или «национальным» обоснованием коррупции, принявшей в 1990-е годы чудовищный в новейшей истории России масштаб.

Если принять на веру ссылки на «извечную русскую вороватость», то возникает резонный вопрос: почему же она не проявлялась в ряде основополагающих (причем разнонаправленных) хозяйственных укладов российского общества. Прежде всего это русская община, где практически не было воровства. Более того, отсутствие воровства исключало всякую необходимость пользоваться замками в российских деревнях. До кровавых событий Гражданской войны русские крестьяне свои избы не запирали. И в советское время, в 1950–1960-х годах на русском Севере в деревенских домах не было ни замков, ни железных запоров. Или такой городской уклад, как дореволюционный капитализм, в котором тон задавали владевшие 65% российского капитала старообрядцы, о чьей высокой нравственной опрятности написано немало книг как у нас в России, так и за рубежом. При коммунистическом тоталитарном режиме государственная коррупция и казнокрадство были редкими, если не сказать исключительными социальными болезнями.

И вот перед нами возникший в итоге реформ 1990-х годов «новый российский капитализм». «Почему именно этот уклад дал такой чудовищный взрыв всяческого воровства, казнокрадства и коррупции – задавался вопро-

сом Ю.Н. Давыдов, – причем взрыв не одномоментный, а растянувшийся (и продолжающий растягиваться) на целый исторический период, какого не знал ни дореволюционный капитализм, ни тоталитарный социализм?» (11, с. 67). Ответ заключается в тех самых обстоятельствах начала 1990-х годов, когда возник нынешний российский капитал, когда сформировалось разграбление государства, или, по словам самого идеолога реформ – Е. Гайдара, «распихивание по карманам» (7, с. 193), сопровождавшееся тотальной эрозией культуры и морали, – событие, столь же прискорбное, сколь и унижительное для нашего отечества.

Разумеется, и социальная, и нравственная патология, так же как и физическая, будут сопутствовать существованию рода человеческого. Человечество несовершенно. Но дело не столько в самой коррупции, сколько в *отношении к ней со стороны общества*. Там, где господствует ее всеобщее осуждение, где она вызывает у людей брезгливость, является постыдным, унижительным явлением, там коррупция сведена к минимуму, загнана в моральную резервацию, и, следовательно, не представляет общественно значимой угрозы. Если же общество поощряет уродство, возводит болезнь в норму, то оно само неминуемо деградирует и разрушается. Популяция, в которой доминируют аномалии, становится генетически беззащитной. Общество, в котором слово «умный» становится оскорбительным, а слово «честный» означает общественный остракизм, находится в стадии очень высокого риска социального вырождения.

1990-е годы стали периодом, когда в России был совершен коррупционный прорыв, и не был совершен прорыв модернизационный. Примитивизация экономики, отсутствие за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства не могли не привести к определенной ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешенные проблемы и комплексы ущемленности, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность «вхождения в Европу», продемонстрированная постсоветской Россией, создала у части россиян ложное, но достаточно устойчивое самопредставление о роковой неспособности к модернизации, вечном отставании.

Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти как грибы. Уже к середине 1990-х годов некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые политические институты, новые банки и корпорации. Если в 1990 г. в России было около 50 криминальных группировок, то в январе 1995 г. на территории России действовали более 15 000 организованных криминальных сообществ (9, с. 77). В марте 2002 г., выступая на коллегии Генпрокуратуры,

Президент Российской Федерации В. Путин констатировал, что «значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок» (16, с. 2). Криминалитет захватил промышленные предприятия и фирмы практически во всех регионах России. По данным министра внутренних дел Р. Нургалиева, к 2006 г. преступные группы контролировали такие важные отрасли хозяйства как топливная, металлургическая, лесная, рыбная, фармацевтическая (4, с. 5).

Процесс криминализации общества привел к резкому снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой силе. В 1990-х годах в обществе возникло словосочетание «новые русские», характеризующее героя возникшей общественной формации: физически крепкий, малообразованный, напористый, лишенный каких-либо моральных запретов материально состоятельный типаж. Характеризуя упадок культуры, начавшийся в 1990-х годах, кинорежиссер Эльдар Рязанов писал: «Раньше мы были самой читающей страной мира, а сейчас стали самой ворующей» (2, с. 6). Реформаторы создали ситуацию, при которой общество перестало высоко оценивать умственные усилия и нравственную чистоту, воцарился культ грубой силы и аморализма. «Реформы 1990-х годов буквально выкосили настоящих специалистов из многих отраслей, – пишет экономический обозреватель еженедельника “Трибуна” М. Морозов. – На смену профессионалам пришли дилетанты. Были разрушены научные и профессиональные школы... Ассоциации обманутых дольщиков, одураченных вкладчиков, искалеченных пациентов объединяют огромное число людей, пострадавших не только от жульничества, а и от повального непрофессионализма» (35, с. 3). Резкое снижение профессионального уровня произошло и в рабочей среде. За пореформенный период в стране была практически разрушена система профессионально-технического образования. В 1990 г. в России из общей численности рабочих высококвалифицированных было 38%, а в 2007 г. – всего лишь 5% (для сравнения: в передовых странах не менее 40%, в США – 47%) (35, с. 4).

Падение общего уровня культуры проявляется и в повседневной деятельности властей. По инициативе городских руководителей уничтожаются исторические памятники. В Москве и Санкт-Петербурге, несмотря на протесты общественности, в последние годы разрушаются архитектурные ансамбли, сносятся уникальные сооружения. По этому поводу писатель-фронтовик Даниил Гранин с горечью заметил, что фашисты не нанесли столько вреда Петербургу, сколько нынешние городские руководители (25, с. 9).

Отмеченный многими исследователями процесс снижения культурного уровня общества, начавшийся в 1990-х годах, вызывает растущую тревогу среди российской творческой элиты. Идут бурные дискуссии о роли масс-медиа, и, прежде всего, государственного телевидения в этом процессе, о не-

возможности в нынешних условиях остановить процесс деинтеллектуализации населения. Но в широком контексте возникшей проблемы стоит выделить наиболее конкретный и одновременно наиболее важный для страны аспект: агрессия масскультурных ценностей является в значительной степени провокативной политикой государственного телевидения. Не случайно по аналогии с «нефтяной» в лексическом обиходе появилась понятие «попсовая игла».

Еще более опасной государственной политикой является неконтролируемый рост количества высших учебных заведений и, как следствие, резкое снижение качества образования. В условиях всеобщей коррупции получение государственной лицензии на открытие высшего учебного заведения, даже университета, не является сколько-нибудь сложной проблемой. Чуть ли не каждый поселок имеет свое учебное учреждение, выдающее дипломы о высшем образовании. Выпускники таких «институтов» и «университетов» часто не умеют не только грамотно писать, но и грамотно говорить. Подводя итоги дискуссии об ориентациях современной российской молодежи, директор Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцев подчеркивает, что «1990-е и 2000-е годы обесценили высшее образование, а власть в последнее время делает акцент на политически выгодное ей оглушение молодого поколения, а не на повышение его образовательного уровня. Цели собственного интеллектуального совершенствования вообще не присутствуют в первой десятке основных жизненных целей молодых россиян» (13, с. 159). Невежество в отдельных сегментах общества откровенно и навязчиво демонстрируется, оно становится способом самоутверждения не только в молодежной среде, но и в части политического истеблишмента, а нарушение литературных норм русского языка – предметом бравადы у представителей многих социальных групп. Ненормативная лексика перестала быть не только уголовно наказуемым деянием, но превратилась в форму обычного повседневного общения уже среди учеников начальных школ.

Начавшаяся в середине 1990-х годов повальная коррупция в высшей школе сегодня стала даже не массовым, а всеобщим явлением. Во многих учебных заведениях существует негласный преискуртант за зачисление в вуз, за сдачу зачета, за положительные оценки на экзамене. Образование наши нынешние чиновники стали относить к сфере услуг. Платное (неважно официально или с помощью взяток) образование рождает естественную реакцию: «я плачу, вы мне даете». Поэтому получение высшего образования все более заменяется получением дипломов. Это падение качества высшей школы, начавшееся в середине 1990-х годов, вряд ли можно остановить в ближайшие годы. Неудивительно, что сегодня высшее образование, полученное в России, перестало быть ценностью. По данным общероссийского опроса, проведенного в мае 2008 г. ВЦИОМ, 67% опрошенных хотели бы, чтобы их дети учи-

лись не в России, а за границей (3, с. 14). По расходам на образование нынешняя Россия далеко отстает от Западной Европы. В 2006 докризисном году, когда в Россию лился поток нефтедолларов, эти расходы на душу населения составляли всего 220 долл., что во много раз меньше, чем в Германии (1457 долл.), Бельгии (1461 долл.), Франции (1561 долл.), Австрии (1695 долл.), Швеции (2072 долл.) и Дании (2736 долл.) (39, с. 89).

Расходы на культуру в государственном бюджете за пореформенные годы также снизились и составляют в нем незначительную долю. По этому показателю мы далеко отстали не только от западноевропейских, но и от советских нормативов. Культура представляет сферу общества, которая в наибольшей степени «привязана к государству», так как основная масса ее организаций неспособна к рыночной самокупаемости. Механизм рыночной саморегуляции не может и не должен обслуживать все стороны жизни современного общества и, прежде всего, его духовно-нравственную сферу. Есть четкие границы рыночной саморегуляции и есть незаменимая роль государства в поддержке культуры нации. Это положение теоретически обосновали еще в середине 1960-х годов американские экономисты Вильям Баумоль и Вильям Боуэн, которые доказали, что организации культуры существуют в условиях, когда издержки производства объективно превышают цены на их услуги (см.: 40, с. 55–61).

Произошедшее падение ценности умственного труда привело к резкому снижению общественного статуса интеллигенции. Как критерий занятия должности в структурах управления интеллект становится все менее важным. На это обращают внимание многие социологи. Е. Афанасьева в своей книге «Государство или революция» пишет о «вырождении вертикально-интегрированной системы управления», о «беспрецедентном для нашей страны непрофессионализме подавляющего большинства государственных чиновников», о том, «что в настоящее время, средний интеллектуальный уровень госаппарата значительно ниже среднего уровня обычных граждан» (6, с. 43). Не менее категорично оценивает итоги постсоветского развития В. Иноземцев: «Сегодня Россией правит “элита”, степень образованности которой и адекватность представлений о внешнем мире являются, пожалуй, самыми низкими со времен восшествия на престол Петра I» (13, с. 160).

Криминальное государство, возникшее после реформ 1990-х годов, породило целый ряд новых явлений, разрушающих интеллектуальную компоненту общества. Возникли многочисленные профессиональные группы, где эта компонента только мешает. Так, сегодня каждая организация – предприятия, фирмы, банки, вузы, школы, детские дошкольные учреждения, гостиницы, театры, кинотеатры, магазины, аптеки, обменные пункты, почтовые отделения, домоуправления, даже самые мелкие конторы, т.е. все, что имеет какое-то помещение с входной дверью, обязательно охраняется. Сменно работаю-

щие охранники в силу специфики своего труда не имеют возможности чем-то себя занять, не могут даже бегло просмотреть газету. Армия охранников и телохранителей насчитывает более полутора миллионов россиян в возрасте от 25 до 45 лет – это мощный созидательный ресурс нации, чей род нынешних занятий приводит, по существу, к его интеллектуальной деградации. Логика проведенных реформ неумолима: возникшие многочисленные преступные группировки потребовали появления столь же многочисленных частных охранных заведений.

Геополитическая реальность современной постиндустриальной эпохи выражается в афоризме «кто владеет наукой, владеет миром». Примеров торжества этой реальности можно приводить много. Наиболее известный – Япония, которая после Второй мировой войны вложила огромные средства в развитие образования и технологии и превратилась в ведущую индустриальную технологическую державу, опередив во многих наукоемких отраслях США.

Производство наукоемкой продукции в канун 1990-х годов обеспечивалось в мировых экономических сетях 45–50 макротехнологиями. Советская Россия обладала 18 из них, в том числе ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми технологиями, а также технологиями в области вооружений, энергетического, химического, транспортного машиностроения. К счастью, наследство советской техносферы пока еще позволяет сохранять приоритеты в части перечисленных отраслей промышленности. Российские эксперты считают, что политика, направленная на развитие науки, дала бы России сегодня возможность присутствовать на 12–15% мирового рынка наукоемкой продукции, что приносило бы ей 130–150 млрд. долл. в год (17, с. 138).

В 1970–1980-х годах Советский Союз тратил на науку до 3,5% от ВВП. В пореформенной России на фундаментальную, прикладную и внедренческую науку идет от 0,5 до 0,7% ВВП. Известный российский физик, эксперт Нобелевского комитета академик В. Накоряков утверждает, что «при таком финансировании отечественная наука не может обеспечить конкурентоспособность не только с США, но даже с Португалией. Подобное отношение к науке в корне противоречит национальным интересам России» (23, с. 15). Заместитель директора Института прикладной математики им. Келдыша РАН профессор Г. Малинецкий считает, что «в результате реформ произошло целенаправленное “опускание” высшей и средней школы России, и осуществлена криминализация общественного сознания. Эти процессы являются факторами политики, а не “отдельными недостатками”» (20, с. 19–20).

По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) Россия в 1992 г. занимала 28-е место в мире и входила в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. В 2000 г. – она опустилась на 57-е место и перешла в группу стран со средним уровнем развития, в 2005 г. Россия находилась уже на 63-м месте, что приблизило ее к странам с низким уровнем

нем развития, несмотря на завидный экономический рост. «В начале 1990-х годов Россия по уровню своего развития еще могла претендовать на членство в клубе постиндустриальных стран, – считают специалисты Института мировой экономики и международных отношений РАН С. Лунев и Г. Широков. – Однако один из основных ударов пришелся именно по высокотехнологичному производству и научному потенциалу» (19, с. 38). Еще совсем недавно нынешний министр науки и образования А. Фурсенко утверждал, что для России фундаментальная наука – слишком дорогое удовольствие. Деньги, вложенные в нее, могут окупиться, а могут и не окупиться. Действительно, очень многие научные открытия, за которые потом были вручены Нобелевские премии, были сделаны много лет, а то и много десятилетий назад. Но А. Фурсенко – типичный представитель нынешней правящей номенклатуры, поэтому фундаментальную науку он воспринимает на своем уровне – как поход в казино, где можно выиграть, но можно и проиграть. Национальные интересы России для него – это абсолютная абстракция. Даже у коммунистической номенклатуры, с ее деформированными идеологией, представлениями, государственные интересы были приоритетными. В своем отношении к науке нынешняя правящая номенклатура определенно проигрывает советской.

Влияние науки на общественную жизнь не исчерпывается ее технологической компонентой. Научная рациональность как часть культуры активно участвует в формировании сознания людей. Современная система образования основана на преподавании фундаментальных наук. В этом процессе усваиваются не только знания, но и операциональные схемы их производства, методы их обоснования, что вырабатывает логику рассуждений и аргументированность убеждений. Поэтому наряду с естественно-научными знаниями возрастает роль социального знания, которое в современных условиях становится все более ценным и востребованным для правильной ориентации человека в социальной действительности. «То обстоятельство, что наука сегодня – специализированная производственная профессия, служащая познанию реальных человеческих взаимосвязей и взаимозависимостей, а не составная часть рассуждений мудрецов о смысле мира, – это есть неотделимая данность нашей исторической ситуации, из которой мы не можем никуда выскокить», – писал Макс Вебер о прагматической ценности социального знания еще в 20-х годах прошлого века (42, с. 61).

Значение фундаментальной науки достаточно высоко оценивали руководители СССР. Советская Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Из этих городов десятки тысяч высококлассных специалистов вынуждены были в 1990-х годах эмигрировать на Запад, потому что инновационный кадровый

потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно этот интеллектуальный слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. В России поколение выпускников высшей школы 1990-х годов по существу оказалось не просто потерянным, но во многом загубленным поколением.

Если системе образования реформы нанесли огромный урон, то еще больший – был причинен науке. Были разрушены многие научные школы. Ни одна страна, считает Г. Малинецкий, не имела такой математической школы, как Советский Союз, но за постсоветские годы мы утратили свое лидирующее положение (20, с. 65). В 1990-х годах российские реформаторы, по существу, объявили науке войну, в результате которой интеллектуальная элита понесла огромные потери. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий, и других высокообразованных профессионалов. Разумеется, не все уехали за границу, большинство сменило профессию, ушли туда, где можно было что-то заработать, чтобы содержать свои семьи. Трудно забыть эпизод, связанный с одним из уникальных творческих подразделений Минавиапрома. «Разве вы не понимаете, откуда вы уходите? Ведь у нас самое лучшее в мире конструкторское бюро», – увещевал генеральный конструктор предприятия подававший заявление об увольнении специалистов. – «Понимаем, но лучше скажите об этом нашим женам». В 1992–1995 гг. происходило последовательно разрушение целого ряда знаменитых научно-технических коллективов. Именно тогда, в первой половине 1990-х годов появился популярный ныне термин «утечка умов». Всего, по данным директора фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова, только в странах Евросоюза в настоящее время количество проживающих русских достигло 10 млн. (см.: 24, с. 95). Вряд ли справедливым будет предположение, что это самая необразованная и неинтеллектуальная часть русского этноса. Но даже если бы и не самая лучшая его часть, то все равно это огромные потери. Ибо каждый человек, кроме ценности непреходящей, вечной, представляет еще и экономическую ценность. И если страну покинули 10 млн. человек, она обеднела не только духовно, но и экономически.

Если Ленин высылал из России ученых насильно, то реформаторы 1990-х годов создали ситуацию, при которой ученые уезжали сами, ибо, по их единодушным высказываниям, наука в эти годы стала в России никому не нужна. По различным оценкам, к 1998 г. из России эмигрировали от 700 до 900 тыс. лиц с высшим образованием (5, с. 9). В основном, это были представители лучшей, наиболее талантливой и энергичной части нации. Если в России в 1992 г. численность персонала, занятого в научных исследованиях составляла 1562 тыс. человек, в 1995 г. – 1051 тыс. человек, (убыли более

полумиллиона человек за три года), то в 2000 г. – 887 тыс. человек, в 2005 г. – 803 тыс. человек, в том числе самих исследователей 371 тыс. человек (33, с. 56–57). Если российская интеллектуальная элита объективно создавала большевикам трудности для коммунистического оболванивания масс и поэтому высылалась за границу или истреблялась, то, может быть, российские реформаторы, создавая постсоветскую общественную систему, также исходили из того, что «слишком умные» будут им мешать? Разумеется, управлять бездуховными и бесталанными людьми проще, а, главное, это можно делать долго. «Похоже, что действительно взят курс, – замечает член Президиума Российской академии образования А.С. Запесоцкий, – на формирование очень малочисленного слоя творческих личностей и огромного количества людей, которые убирают дороги и обслуживают нефтепроводы» (18, с. 93).

Начавшийся в 1990-х годах процесс деинтеллектуализации не просто продолжается, он усиливается. «В стране обостряется противоречие между еще пока хорошим образованием и все более примитивной экономикой, – подчеркивает Р. Гринберг. – Целый ряд российских вузов в последние годы готовит кадры фактически на экспорт. Государство теряет человеческий капитал в лице дипломированных специалистов, не нашедших работу по специальности в России, и наращивающих теперь научный и технический потенциал других стран» (10, с. 13).

В США, Канаде, Германии, Великобритании и многих других государствах сегодня продуктивно работают выпускники Технического университета им. Баумана, Физтеха, МИФИ, МИРЕА, МГУ, Новосибирского университета, РХТУ, Ленинградского и Уральского политехнических, других ведущих вузов страны. К примеру, Норвегия забирает почти всех окончивших пять курсов санкт-петербургского Военно-механического института и трудоустраивает их с зарплатой в 3–4 тыс. евро (см.: 12, с. 76). Российские физики, химики, математики, биологи, инженеры, лингвисты, программисты и представители многих других профессий вносят значительный вклад в развитие западной модернизации. В развитых странах знают, что заполучить советского или теперь уже российского специалиста, значит обеспечить успех фирмы. В последние годы наши ученые сами стали осваивать сферу наукоемкого бизнеса. В настоящее время только в Силиконовой долине около 400 различных инновационных компаний создано российскими специалистами, которых в Калифорнии уже свыше 50 тыс. К этой «утечке идей и мозгов» следует добавить и те тысячи ученых, которые работают на зарубежные фирмы, оставаясь на родине.

Деградация научно-производственного капитала, отраженная в резком падении доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре нынешнего российского производства, весьма вероятно, к сожалению, и дальше будет продолжаться. Невозможность найти применение своим знани-

ям и творческому потенциалу российским интеллектуалам – одно из самых тяжелых последствий реформ 1990-х годов. Высококвалифицированные профессионалы не должны быть невостребованными – ведь это золотой запас нации. В связи с этим вспоминается послевоенная Германия с разрушенными фабриками и заводами. Немецкие рабочие и инженеры их быстро восстанавливали. Трижды оборудование уже работающих цехов вывозилось в СССР, но всякий раз, через несколько месяцев, предприятия вновь начинали работать и выпускать более качественную продукцию. Этот пример иллюстрирует необходимое условие выживаемости экономической сферы общества: пока еще есть люди, обладающие высокой профессиональной квалификацией, экономика может быть восстановлена. Признано, что одной из причин самой масштабной техногенной катастрофы на территории России – на Саяно-Шушенской ГЭС явился уход на пенсию профессионалов и отсутствие равноценной им замены.

Существует прямая корреляция между экспортом углеводородного сырья и утечкой мозгов: чем больше мы вывозим энергоресурсов, тем меньше нам нужен интеллектуальный капитал. Начиная реформы, Россия в своем экспорте имела менее 50% сырья и минералов, а спустя 18 лет – более 85%. Сегодня почти всю валютную выручку России дают восемь видов природных ресурсов (22, с. 11).

В проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, разработанном в 2000 г. на период до 2010 г., инновационный рост был назван главным условием поддержания конкурентоспособности отечественной экономики. Однако за период прошедшего «экономического роста» – с весны 1999 до осени 2008 г. – не только не произошло никаких сдвигов, но, напротив, деиндустриализация продолжала углубляться. Нового машинного оборудования у нас в 2009 г. произведено в 34 раза меньше, чем в Китае, и в 82 раза меньше, чем в Японии (30, с. 12).

Сырьевая зависимость нынешней России все чаще артикулируется в наших СМИ как некая фатальная неизбежность. После реформ 1990-х годов в это можно уже и поверить. Но мировая практика свидетельствует об иных вариантах для государств, богатых природными ресурсами. Существует точка зрения, что сырьевая зависимость опасна лишь для стран с отсутствием демократических институтов; странам с демократическими институтами сырьевая зависимость не грозит. В качестве наиболее наглядных примеров этого приводятся Норвегия с ее нефтью, Австралия с ее золотом, Финляндия с ее лесными богатствами, Чили с ее медью (см.: 41, с. 447–455). То, что российская экономика за прошедшие 19 лет все глубже «садилась на нефтяную иглу», косвенным образом характеризует и ее политическую систему. Высокие технологии (вооружение, космическая техника, ядерное оборудование) составляют в нынешнем российском экспорте 0,13%, т.е. столько же, сколько

у одной из самых отсталых стран Евросоюза – Португалии. В результате реформ была создана простейшая экономическая модель, суть которой заключается в продаже своей природной ренты. За пореформенные годы в России были разрушены многие высокотехнологичные предприятия, но не было построено ни одного нового предприятия, оборудованного конкурентоспособной отечественной техникой.

Весной 2008 г. Евгений Ясин, научный руководитель созданного в 1992 г. при поддержке правительства Е. Гайдара учебного заведения – Высшей школы экономики, на вопрос ведущей передачи «1990-е: время надежд» радиостанции «Эхо Москвы»: «Какие технические достижения в российской экономике можно отнести к заслугам реформаторов?», дал совершенно удивительный ответ. Он поведал о некоем очень эффективном предприятии, которое недавно посетил, но не может назвать, поскольку его руководители просили не делать этого. Это предприятие, продолжал Е. Ясин, оснащено самым современным японским оборудованием, которое... **успешно освоили наши работники**. А ведь осенью 1991 г., когда правительство России возглавляли молодые и энергичные реформаторы во главе с Е. Гайдаром, граждане новой России наивно полагали, что через 17 лет наша страна будет производить технику, которую будут успешно осваивать японцы.

Если даже громкие декларации по поводу необходимости создания наукоемких производств, усилившиеся в связи с падением цен на нефть, приведут не только к увеличению соответствующих программ и проектов, но и к каким-то точечным воплощениям, то на общую тенденцию это не повлияет. К этому выводу приходят многие российские аналитики. «Риторика модернизации, привнесенная в российский политический дискурс Дмитрием Медведевым, – замечает В. Гельман, – отражает глубокое разочарование общества развитием событий... Но, по всей видимости, дальше словесных заявлений дело не пойдет» (8, с. 55). По мнению Б. Кагарлицкого, если даже вдруг начнется быстрое развитие в отдельных отраслях и будут построены несколько современных предприятий, это само по себе не сможет компенсировать накопившейся общей отсталости (14, с. 381). Разумеется, чем глубже наша экономика погружается в кризис, тем настойчивее будут призывы к созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью, а слова «инновация», «модернизация», «наукоемкие производства», «технологический прорыв» будут все более часто и звонко произноситься представителями нынешней номенклатуры. Но созданная в 1990-х годах экономическая модель направлена на извлечение и распределение сырьевой ренты, а не на развитие народного хозяйства и технический прогресс.

Руководители России знали о том, что «тучные годы» завершаются, и что страна находится накануне экономического спада. Так, министр экономического развития РФ Г. Греф еще в 2004 г. предупреждал, что «если в экономи-

ческой структуре не произойдет качественных изменений, то уже в ближайшие годы рост ВВП сократится до 2–3%» (32, с. 3). Близкую угрозу мирового экономического кризиса в июне 2006 г. подробно обсуждали министры финансов стран «большой восьмерки» на саммите не где-нибудь, а в России, в Санкт-Петербурге. В сентябре 2006 г. глава Международного валютного фонда Родриго де Рато официально предупредил, что через год, т.е. осенью 2007 г., произойдет существенное замедление темпов роста мировой экономики и цены на нефть резко упадут (36, с. 3). У российской политической верхушки было два года до начала кризиса, чтобы если не форсировать, то хотя бы начать модернизацию, т.е. с пользой потратить, как говорят ангlosаксы, «прибыль, принесенную ветром» (windfall profit).

Но вряд ли ее можно упрекать за то, что ни за 19 лет, ни за девять путинских лет, ни за два года этого не было сделано. И за то, что рецессия в России оказалась более глубокой, чем на Западе. Упрек бывшего посла РФ в Великобритании и Италии, а ныне президента Евро-Атлантической ассоциации А. Адамишина, адресованный В. Путину за «бездарно затраченные “жирные годы”, когда в страну стекалось огромное количество нефтедолларов, а мы продолжали сидеть на сырьевой игле» (23, с. 89), не вполне заслуженный. Почему? Потому что механизм, запущенный в середине 1990-х годов, породил такой комплекс общественных противоречий, такой клубок неразрешимых проблем, что в рамках порожденной им политической системы технологический прорыв нереален. То, что из полутора триллионов долларов, полученных страной в «тучное десятилетие» (1999–2008), не нашлось средств для создания в стране хотя бы одного крупного высокотехнологичного предприятия, является закономерным результатом реформ, ибо созданная российскими реформаторами экономическая модель не содержит в себе инновационного потенциала. В сложившихся после реформ условиях хозяйствования модернизация промышленности нереальна. Современный этап модернизации требует демократии и свободы в политической сфере, т.е. благоприятных условий для заинтересованного и свободного производителя, так же, как в свое время использование сложных орудий труда потребовало свободного, а не рабского труда.

Происшедшая в 1990-х годах в стране деиндустриализация обладает слишком большой инерцией, а деградация машиностроения обрекает на бесплодность все усилия по созданию курса на технологические инновации. «В условиях наличия гигантских ресурсов минерального сырья и высоких цен на него, — пишет В. Иноземцев, — рассчитывать на “модернизационный проект” бессмысленно» (13, с. 161). Необходимо подчеркнуть, что с каждым годом возможности диверсификации промышленности России сокращаются, ибо в глобализованном мире разделение труда и уровень специализации отдельных стран и регионов быстро возрастают. Взяв на себя функцию сырье-

вого и энергетического обслуживания стран, осуществивших технологическую модернизацию, Россия после 1990-х годов быстро утрачивает перспективы занять место в их ряду. Сферы мирового производства практически уже поделены. «Лидерами мирового экономического развития будут не столько крупнейшие производители (“мировые фабрики”), сколько центры производства знаний и управления (мировые лаборатории и центры принятия решений)» (21, с. 22).

Чем больше времени проходит с начала экономических реформ 1990-х годов, тем более заметным становится технологическое отставание нашей страны теперь уже не только от Запада, но и от Востока. Осознание обществом крайней черты, за которой Россия превращается в страну третьего мира, заставляет российский политический истеблишмент искать какие-то формы реагирования на этот процесс. Попытки исправить сложившееся положение особенно усилились накануне подготовки к 20-летию юбилею экономических реформ, отмечать который придется всего лишь через год. Необходимо все-таки хоть что-то предъявить обществу. В этом русле следует рассматривать идею создания российской «Силиконовой долины» в Сколково – проект долгожданного начала модернизации российской промышленности. Но, как уже отметили многие аналитики, «силиконовые долины» в одночасье не создаются, а этот проект порождает массу вопросов. В том числе: почему организуются с нуля новый научно-исследовательский и научно-производственный комплексы, а не используются многочисленные центры, имеющиеся как на Урале и в Сибири, так и в самой Московской или близлежащих к Москве областях – Пушкино, Протвино, Долгопрудный, Зеленоград, Дубна, Обнинск, Арзамас и, наконец, Черноголовка. Начавшие в Черноголовке свою научную карьеру Нобелевские лауреаты 2010 г. по физике К. Гейм и А. Новоселов также выразили недоумение по этому поводу.

Показательно, что факт присуждения российским ученым нобелевских премий вызвал противоречивые чувства у россиян: с одной стороны, гордость за талантливых представителей нашего народа, с другой – стыд за государство, которое не может использовать талант таких людей. По данным различных социологических опросов, это событие считают гордостью России от 30 до 40% , а позором России – от 60 до 70% опрошенных россиян.

Что же касается нанотехнологий, которые провозглашены в качестве основного направления технологической модернизации российской промышленности, то в передовых странах они давно и успешно разрабатываются и внедряются в производство. С.Н. Сильвестров приводит результаты сравнительного анализа государственных расходов на исследования в этой области в 2007 г.: если в Японии годовой объем расходов составил 996 млн. долл., в США – 1367 млн. долл., то в России всего 102 млн. долл. (27, с. 204). То есть даже в благоприятные докризисные годы российские государственные инве-

стиции (без учета коррупционной составляющей) в этой «прорывной» области научных исследований в 10–13 раз уступали передовым странам.

Кроме того, многие аналитики обращают внимание на инновационную среду, характеризующую возможности и темпы технологической модернизации. К факторам, показывающим уровень развития инновационной среды, относят экономическую свободу, совокупность условий для малого бизнеса, уровень исполняемости контрактов, конкурентоспособность, доступность венчурного капитала, отношение общества к коммерческому успеху, наличие или отсутствие бюрократических барьеров, степень защищенности от криминала и произвола чиновников, и, конечно же, уровень коррупции. По большинству этих индексов, отмечает академик В.Л. Макаров, Россия находится в самом конце списка обследуемых стран (см.: 37, с. 53–54). В этой связи весьма показательной является оценка перспектив модернизации, сделанная руководителем Института современного развития при президенте РФ И. Юргенсом в интервью газете «Коммерсантъ». Признавая трудности модернизации в нынешней России, он в качестве основных ее препятствий называл незаинтересованность большинства представителей правящей номенклатуры, низкий порог моральных требований к себе предпринимателей и «архаичность российского народа» (38, с. 6). К двум действительно фундаментальным преградам модернизации в нынешней России ближайший советник президента РФ добавил третью отражающую досаду высокопоставленного чиновника на народ, который, в отличие от «менее архаичных» народов Китая, Индии, Тайваня, Малайзии, Южной Кореи, других азиатских и латиноамериканских народов, не хочет внять призывам власти «зажечься на модернизацию». Это упрек тем миллионам россиян, которые в конце 1980-х и начале 1990-х годов, сделали все, чтобы привести к власти Б. Ельцина вместе с его реформаторами в надежде на возрождение великой страны.

Начало перехода к рыночной экономике было связано с ожиданиями россиян, что их страна станет поставщиком товаров, в производстве которых используется труд средней и высокой квалификации. По этому пути пошли постсоциалистические страны Европы, но в отношении России эти надежды не оправдались. После экономических реформ 1990-х годов Россия превратилась в сырьевой придаток теперь уже не только Запада, но и Востока. Даже обласканные властью высокопоставленные чиновники вынуждены признать, что реформы 1990-х годов ничего не дали для технологического развития. Так, бывший вице-премьер Александр Лившиц в 2005 г. откровенно заявил, что «рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времен Сукарно. Фактически Борис Ельцин раздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаем себе отчета, что живем в социали-

стической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они еще пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это все досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим» (27, с. 4). Аналогичное признание сделал еще более высокопоставленный российский чиновник – заместитель главы Администрации Президента РФ В. Сурков: «Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами» (21, с. 30). Такие слова хотелось бы расценивать как осознание произошедшего, как поворот правящей номенклатуры к суровой, но реалистичной оценке того положения, которое сложилось в стране за два пореформенных десятилетия. А это уже надежда на перемены.

Литература

1. Абалкин Л. Россия: Поиск самоопределения: Очерки. – М., 2002. – 428 с.
2. Аргументы и факты. – М., 2004. – № 34.
3. Аргументы и факты. – М., 2008. – № 21.
4. Аргументы и факты. – М., 1998. – № 11.
5. Аргументы и факты. – М., 2006. – № 18.
6. Афанасьева Е. Государство или революция. – М., 2005. – 356 с.
7. Гайдар Е. Государство и эволюция. – М., 1995. – 208 с.
8. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации. – Pro et Contra, 2009. – № 5–6. – С. 51–61.
9. Гилинский Я. Организованная преступность в России: Теория и реальность. – СПб., 1996. – 168 с.
10. Гринберг Р. Среди рисков и шансов. – М., 2008. – 432 с.
11. Давыдов Ю.Н. Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. – М., 2001. – С. 64–77.
12. Занин В. Жестокая экономика России. – М., 2009. – 224 с.
13. Иноземцев В. О невозможности модернизации России / Российская модернизация: размышляя о самобытности. – М., 2008 – 208 с.
14. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миротсистема. – М., 2006. – 224 с.
15. Кичин В. Мы перестали быть семьей. – Российская газета, 23.10. 2003.
16. Комсомольская правда. – 28.03.2002.
17. Косов Ю., Фокина В. Политическая регионалистика. – СПб., 2009. – 216 с.
18. Куда идет российская культура? Круглый стол 27–28 июня 2009 г. – СПб., 2010. – 88 с.
19. Лунёв С., Широков Г. Складывание новой мировой системы и Россия. – Pro et contra. – М., 2003. – С. 34–41. – Т. 7. – № 4.
20. Макаров В.Л. Становление экономики знаний в России и мире // Экономика знаний / Отв. ред. В.П. Колесов. – М., 2008. – С. 34–55.
21. Малинецкий Г. Россия. Выбор будущего / В кн. Болезни России: диагноз и прогноз. – М., 2009. – 176 с.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

22. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. – М., 2007. – 96 с.
23. Мир и политика. Колонка редактора. – М., 2009. – № 10.
24. Новые подходы к обеспечению европейской безопасности: взгляды из ЕС, России и Украины (за «круглым столом» Ялтинских чтений) // Мир перемен. – М., 2009. – № 4. – С. 87–106.
25. Никонов В. Кто же такие русские? // Этнодиалоги. Альманах. – М., 2009. – № 1(30). – С. 89–103.
26. Новая газета. – М., 03.08.2009.
27. Мережковский Д. Избранные произведения в 3 т.: Т. 2. – СПб., 1992. – 256 с.
28. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики / Под ред. С.Н. Сильвестрова. – СПб., 2010. – 372 с.
29. Московский комсомолец. – М., 08.06.2005.
30. Нефтяной дождь не вечен. Падение темпов мировой экономики больно ударит по России. – Новые Известия. – М., 12.09.2006.
31. Примаков Е. Россия перед выбором. – Российская газета. – М., 14.01.2010.
32. Римашевская Н. Человек и реформы: Секреты выживания. – М., 2003. – 392 с.
33. Российская газета. – М., 22.04.2004.
34. Россия в цифрах. 2006. Краткий статистический сборник. – М., 2007. – 96 с.
35. Рывкина Р. Драма реформ. – М., 2001. – 416 с.
36. Трибуна. – М., 2009. – № 21.
37. Труд. – М., 17.03.2008.
38. Коммерсантъ. – М., 22.10.2010.
39. Якунин В., Роик В., Сулакшин С. Социальное измерение государственной экономической политики. – М., 2007. – 192 с.
40. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing arts: The economic dilemma. The Twentieth Century Fund. N.Y., 1966.
41. Robinson J., Torvik R., Verdier T. Political foundations of the resource curse // J. of development economics. – 2006, Vol. 79.
42. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. – Tübingen, 1922.

А.М. Кулькин

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ***

Кулькин Анатолий Михайлович – доктор философских наук,
руководитель Центра научно-информационных исследований
по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

Одним из условий возрождения былого научного потенциала Российской академии наук является постановка правительством перед ней научных мегапроектов и сверхзадач. В течение последних двух десятилетий во взаимоотношениях науки и власти в России сложилась странная ситуация, вызывающая недоумение. РАН располагает, наряду с творческим научно-техническим, мощным экспертным потенциалом. Он огромен и превосходит десяток потенциалов самых лучших исследовательских университетов страны вместе взятых. Правительство РФ его не использует. Это обстоятельство и вызывает недоумение. Поясним. В свое время Академия наук СССР внесла решающий вклад в создание ракетно-ядерного щита Отечества. Теперь перед РАН стоит не менее грандиозная по своей значимости сверхзадача: разработать научно обоснованную программу форсированного формирования общероссийской инфраструктуры технологического развития, используя опыт всех регионов страны. Ее осуществление сделает возможным реальный прорыв России в мир высоких технологий. Кроме РАН никто такой программы разработать не сможет. А вот реализацию этой программы должно взять на себя правительство. Потому что технологическая инфраструктура («инфра-технология») – чрезвычайно важный фактор эффективности исследований и разработок; в определенном смысле – их основа, как и фундаментальные исследования. Без них невозможны ни модернизация хозяйственной системы, ни создание инновационной экономики.

---

* Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 09-06-00008а.

Здесь необходим небольшой экскурс. Технологическая инфраструктура и фундаментальные исследования как объекты капиталовложений абсолютно не привлекают частного предпринимателя. Они принадлежат к основным технологиям, которые вынуждено финансировать государство. Сообщество ученых и политическое руководство США своевременно осознали чрезвычайную важность технологической инфраструктуры и приравнивали ее по значимости к фундаментальным исследованиям. Каким образом это произошло? А было это так. Экономический кризис 1969–1971 гг. и война во Вьетнаме вызвали резкое сокращение финансовых средств на научные, особенно фундаментальные, исследования. Это обстоятельство в конечном счете привело к явному снижению темпов научно-технического прогресса и ослаблению конкурентоспособности американских фирм на внешнем и внутреннем рынках. Указанные тенденции вызвали озабоченность в правящих кругах США и потребовали коренного изменения сложившейся ситуации. С этой целью в октябре 1979 г. президент США Дж. Картер учредил президентскую комиссию для разработки национальной программы действий на 1980-е годы.

Кстати, взаимосвязь и взаимодействие академической и политической элит системы государственного управления стало реальным фактором в США со времен президентского правления Ф. Рузвельта. К подготовке аналитического доклада для президента Дж. Картера были привлечены крупнейшие специалисты, уделившие большое внимание инновациям и инфратехнологии. На основе предложений, содержащихся в докладе, президент Дж. Картер принял ряд важнейших решений, изложенных им в посланиях Конгрессу. Подготовка доклада для президента была настолько удачной, что президентские комиссии стали для его преемников эффективным механизмом решения сложных задач научно-технического характера. Со временем изменились и функции чиновников не только в научно-консультативной службе президента, но и всего госаппарата. Теперь от них требуется только грамотное исполнение, реализация уже готовых предложений, подготовленных авторами доклада для президента. Изменения и дополнения текста доклада чиновниками, направленные якобы для его улучшения, просто пресекаются.

Политика «нового федерализма» (1), провозглашенная президентом Рейганом в его послании о положении страны в январе 1982 г., была фактически направлена на форсированное формирование технологической инфраструктуры США, начатой его предшественником. Инфратехнология – чрезвычайно важный фактор эффективности исследований и разработок. Практическая организация такого рода государственной поддержки в полном объеме (в соответствии с инфратехнологической концепцией) – весьма сложная задача, потому что поддержка исследований и разработок, например в промышленности, требует четкой идентификации элементов технологической инфра-

структуры для различных целевых фундаментальных и прикладных исследований и определения тех из них, выполнение которых должно быть осуществлено силами государственных учреждений.

Пришедшая в 1992 г. к власти администрация президента Клинтона сделала поддержку национальной промышленности и использование достижений науки и техники для обеспечения ее конкурентоспособности и экономического роста одним из лейтмотивов как своей избирательной кампании, так и своего правления. Ярким примером реализации этой политики в 90-х годах стали соглашения между государственными центрами ИР и промышленными компаниями о кооперации в создании новых видов продукции. Число таких соглашений в 1990 г. составило 460. К середине 90-х годов оно достигло 3688. Затем стабилизировалось на уровне порядка 3200 соглашений в год. В рамках этих соглашений за последние годы получено в среднем по 3816 патентов на изобретения в год. Гослаборатории продают ежегодно несколько сотен лицензий¹. Вторым характерным для 90-х годов примером может служить деятельность Министерства торговли США. Поскольку в Соединенных Штатах нет министерства науки или министерства промышленности, поддержка последней поручена Министерству торговли, традиционно занимавшемуся стандартизацией, обеспечением единства мер и весов и достаточно тесно контактирующим с производственной сферой. В этом министерстве было организовано Управление технологии, руководитель которого имеет ранг заместителя министра. Управление развернуло с начала 90-х годов ряд программ, нацеленных на повышение конкурентоспособности американской промышленности за счет использования новейших достижений науки и техники. Непосредственно ведет эти программы подчиненный Министерству торговли Национальный институт стандартов, который переименовали в Национальный институт стандартов и технологии (НИСТ). Одной из основных является программа создания региональных центров производственных технологий. Сеть таких центров охватывает основные промышленные штаты страны. Их главная задача – передача технологий, разработанных в университетах, правительственных лабораториях и в самом НИСТе предприятиям средних и малых фирм, расположенных в обслуживаемом Центром регионе. Проводятся обследования предприятий, оказывается информационная, консультативная и даже прямая материальная помощь в переоснащении производства, повышении его технического уровня на базе наукоемких технологий: использования вычислительной техники, новой контрольно-измерительной аппаратуры, систем автоматического проектирования деталей, робототехники, гибких автоматизированных обрабатывающих комплексов и т.п.

---

1. *Science and Engineering Indicators*. – 2000, Vol. 1. – Wash., Gov. print. off., N 2. – P. 2–38.

Аналогичные акценты прослеживаются в НТП других развитых стран – в Западной Европе и в Японии. «Несмотря на различия в традициях, конкретных условиях и возможностях, – пишет, например, Н. Вонотрас, сотрудник Центра изучения международной научной и технической политики в составе факультета экономики университета им. Джорджа Вашингтона, – как в США, так и в ЕС за 90-е годы сложилась в основном сходная философия по отношению к технологиям и инновациям. Оба региона предприняли серьезные усилия, чтобы сбалансировать созидательную и потребительскую стороны традиционной технологической политики. По обе стороны Атлантики она фокусируется сегодня на проблеме экономического роста в большей чем когда-либо степени... Она должна быть сосредоточена на вопросах производительности и экономического развития частного сектора (т.е. потребителя технологий). Это, в свою очередь, означает, что государство более не является потребителем своих собственных разработок, как это было при ориентированной на оборону системе ИР, а призвано помогать частным фирмам конкурировать на мировых рынках»².

По мнению деловых кругов и таких государственных органов, как Национальный институт стандартов и технологии и Административно-бюджетное управление, широкое государственное участие в развитии «инфратехнологии» должно способствовать повышению эффективности государственного стимулирования экономического роста и стать одним из важнейших факторов научно-технического развития.

К сожалению, в России постановка проблем и их решения, имеющие государственное значение, принимаются не учеными, а правительством, которому присущ большой дефицит профессионализма. Именно правительство в лице Минобрнауки РФ своими действиями довело науку почти до катастрофы. А теперь Минобрнауки вынуждено обращаться за помощью к российской диаспоре ученых за рубежом. К слову сказать, предпринятая акция обречена на провал, потому что сложившаяся внутри страны организационно-управленческая структура управления научной деятельностью любую дельную, толковую инициативу приглашенных из-за рубежа ученых загубит, отторгнет. Проводимая российским правительством несистемная, неосмысленная научная политика вошла в штопор. Оно как будто проводит реформу системы научных исследований, но делает это не системно, а избирательно. Поэтому реформа неэффективна. Крупно повезло РНЦ «Курчатовский институт»: политическое руководство РФ поддержало его исследовательскую программу. Российское сообщество ученых находится в режиме ожидания:

---

2. Vonotras N.S. *Technology policy in the United States and the European Union: Shifting orientation technology users* // *Science and publ. policy*. – Guildford, 2000. – Vol. 27, N 2. – P. 105–106.

кто же следующий, какой научный центр получит мощное государственное финансирование?

Правительство взяло курс на создание исследовательских университетов. Эта инициатива заслуживает поддержки. Но этим университетам потребуется не два-три года, а минимум десятилетие, возможно и больше, чтобы начать производить нужную стране научную продукцию. Тогда как академическим институтам РАН достаточно пяти лет, а может и меньше, чтобы обрести «научную форму». Для этого академии необходимо помочь вывести ее институты из состояния институционального коллапса. Это сделать нетрудно: надо открыть бюджетные ставки и начать финансировать институты так же, как исследовательские университеты.

Напомним некоторые факты, характеризующие деятельность вышеупомянутого ведомства. Первый факт. Проведенная в 2006–2008 гг. по инициативе Минобрнауки модернизация структуры, функций и механизмов финансирования академического сектора науки не решила главных задач, ради которых она (модернизация) была предпринята. А именно: привлечь в науку молодежь и обеспечить активное участие академических институтов в инновационном процессе. Суть ситуации состоит в том, что в течение продолжительного времени в результате недостаточного бюджетного финансирования науки и снижения престижа научного труда была нарушена преемственность поколений научных кадров, произошло катастрофическое старение научных сотрудников, высшего звена РАН, что ставит под угрозу возможность сохранения научного потенциала России. Президиум РАН неоднократно принимал постановления по этому вопросу. Эти постановления, не получив финансовой поддержки, фактически были правительством отвергнуты.

Реализация правительственной программы модернизации структуры, функций и механизмов финансирования академического сектора науки не пошла ему на пользу. В процессе сокращения научных сотрудников в академических институтах были разрушены сотни творческих коллективов. Эффективно программа модернизации направлена не на развитие академии, а на ее удушение. Необходимо отметить, что в течение более одного года переговоров с правительством в лице Минобрнауки руководство РАН, констатируя в своих постановлениях катастрофическое положение с кадрами высшей квалификации, под давлением министерства допускало принципиальные уступки, которые усложнили и без того непростую ситуацию в академии. К тому же, Минфин РФ перекрыл бюджетные ставки. Приток в академические институты молодых кадров стал невозможным. Чтобы вывести РАН из состояния институционального коллапса, в котором она находится в настоящий момент, необходимо срочно разработать программу ее реанимации, но реанимировать ее следует – и это очень важно – в качестве креативной корпора-

ции, основным содержанием деятельности которой должны быть фундаментальные исследования.

Каким образом можно привлечь молодежь в науку? Достаточно высоким бюджетным финансированием научной деятельности и наличием современной научно-исследовательской инфраструктуры. В России, к сожалению, этого нет. Поэтому современные молодые люди, имеющие определенные ценностные установки и избравшие научную карьеру, получают на родине высшее, фундаментальное в своей основе, образование, а затем идут по проторенному их предшественниками пути – эмигрируют в страны, где изначально получают зарплату на «современном уровне», т.е. на два-три порядка выше, чем в родном отечестве. Перед молодыми людьми, которые не хотят эмигрировать, а их большинство, возникает проблема выбора. Многие из них, мечтавшие о научной карьере, вынуждены от нее отказаться (по данным ЦИСНа, мечтают о научной карьере 3% старшекурсников, идут в науку чуть меньше 1%). Потому что им предлагается зарплата, унижающая человеческое достоинство, и уж во всяком случае не та, на которую можно прокормить семью.

Такая же проблема стоит и перед молодыми потенциально талантливыми инженерами, администраторами, экономистами и другими специалистами. Сложившаяся на сегодняшний день уродливая социальная структура не обеспечивает спроса на них, не давая им раскрыться, «калечат» эти таланты, вынуждают их в процессе адаптации некритически воспринимать, мягко говоря, в изобилии возникающие странные формы и нормы деятельности.

К Минобрнауки подключилось Министерство финансов РФ. Минфин умудрился создать барьеры и в вовлечении академических институтов в инновационный процесс. О каких инновациях может идти речь, когда наиболее активные, плодотворно работающие научные сотрудники академических институтов, дополнительно получающие деньги, например по грантам, будут переведены на работу по трудовым соглашениям на определенные сроки с оплатой их труда из внебюджетных источников? Каков при этом будет их статус, останутся ли они сотрудниками академических институтов, на какие средства будут жить после завершения программы или работы по гранту? Вопросов больше, чем ответов.

Что нужно сделать, чтобы кардинально изменить ситуацию в сфере научной деятельности, резко повысить эффективность системы научных исследований? Для этого следует повысить оплату научного труда в России до уровня, например, США. Однако авторы Программы модернизации финансирования академического сектора науки России установили предел в 12 тыс. долл. в год. 20 лет назад эта сумма составляла годовой размер оплаты труда школьного учителя в США – и это считалось позором США. А для российских ученых такая зарплата, по убеждению высокопоставленных чиновни-

ков, – благо, а не позор России. Достойное вознаграждение научного труда – первое категорическое условие ликвидации «утечки умов», но этого недостаточно. Эта мера сократит «бегство умов» из страны, но полностью его не ликвидирует. Необходима продуманная программа ускоренного наращивания научно-образовательного потенциала страны. Начать ее реализацию можно и нужно уже сейчас, с нового бюджетного года, вместо бесконечных разговоров о реформах с полной реконструкции научно-исследовательской инфраструктуры России, включая строительство необходимых для развития науки сложных сооружений типа ускорителей элементарных частиц и радиотелескопов и обеспечение в полном наборе научных лабораторий современными приборами и реактивами.

Очередное свидетельство административно-бюрократического подхода к решению сложных проблем научной деятельности – приказ «Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук». Этот приказ от 3 ноября 2006 г. № 273 / № 745 / № 68 подписан руководителями Министерства образования и науки РФ, Министерства здравоохранения и социального развития РФ и Российской академии наук. Приказы, как известно, не обсуждают в науке же нет запретов на их обсуждение; тем не менее приказы принуждают выполнять без обсуждения. Приказами эффективность (результативность) научных исследований повысить невозможно. Наоборот, она резко снизится. Потому что сотрудники академических институтов теперь будут заняты не творческим трудом, а «игрой в баллы», придумывая способы, а их множество, увеличить количество баллов. Введение в действие приказа несовместимо с элементарными требованиями психологии научного творчества. Авторы-составители приказа не подумали о том, что в познавательной деятельности интеллект, креативность, исследовательские способности составляют единство. «Ведь те, кто придумывает стандарты оценки чужого интеллекта и творчества, имеют собственный, далеко небезупречный интеллект и отнюдь небезупречные представления о том, что такое творчество и как его измерить. Некритическое использование результатов их работы просто опасно» (6).

Все эти административно-бюрократические программы модернизации структуры, функций и механизмов финансирования академической науки и всевозможные разработки показателей результативности научной деятельности в конечном счете оборачиваются факторами разрушения творческих научных коллективов академических институтов, что ведет к стагнации в научной сфере в целом.

Констатацию негативных фактов о деятельности Минобрнауки РФ можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости. Вышеизложенного

вполне достаточно, чтобы сделать вывод: деятельность Минобрнауки объективно направлена не на созидание, а на разрушение оставшейся части системы научных исследований в стране. Между министерством и РАН партнерство не достигнуто, установлен временный компромисс. Конфликты и напряженные отношения между наукой и властью по всем признакам будут продолжаться (3).

Вызывает удивление и недоумение пренебрежительное отношение правительства к собственным решениям. «За прошедшие 15 лет ни один федеральный проект инновационного развития территорий не был доведен до конца, – говорит заместитель главного ученого секретаря РАН В. Иванов. – Начинается, например, работа по наукоградам, принимается закон, утверждаются программы, проходит даже заседание Совета при Президенте России по науке, технологиям и образованию, на котором рассматриваются механизмы дальнейшего развития наукоградов. И вдруг буквально через год после этого заседания данное направление “откладывается в сторону”, а приоритетом объявляются особые экономические зоны (ОЭЗ). С ними та же история: закон, программы, первые шаги и опять остановка... Подробный анализ успехов и неудач наукоградов и ОЭЗ проведен не был: проекты просто бросались на полпути» (4). А ведь были получены прекрасные результаты, использовать которые можно было бы сейчас. В настоящий момент все внимание переключается на Сколково. Но какая гарантия, что и с этим научным центром не повторится история наукоградов? Вопрос – без ответа. Покажет время. Нам остается только надеяться, что Сколково не будет брошено, как наукограды, – на полпути.

Такая непоследовательность и неуверенность в научной политике правительства, на наш взгляд, объясняется тем, что в России стихийно сформировалась организационная структура системы государственного управления, воспроизводящая коррумпированное чиновничество. Наблюдается стабильный рост численности сословия чиновников. С 1999 по 2008 г. число чиновников возросло вдвое и составляет 1,5 млн. человек (один чиновник на 100 человек населения) (7). Их место в современной России обусловлено тем, что они, особенно бюрократическая элита, получили доступ к огромным коррупционным доходам. Коррупционный рынок России сопоставим по размерам с федеральным бюджетом. А по ряду экспертных оценок, вдвое превышает бюджет (5). Этот фактор, как злой рок, тяготеет над всей системой государственного управления. Политическое руководство страны стремится переломить сложившуюся ситуацию, но все его попытки ни к чему не приводят. Кто управляет страной: правительство или сословие чиновников? Скорее всего чиновники, используя коррупционно-олигархическую «систему» управления. Сословие чиновников и правительство, неспособное власть употребить, привели страну в тупик. Об этом свидетельствуют продолжи-

тельный спад и стагнация в экономике, неудачные попытки реформ науки и образования, деградация сельского хозяйства, промышленности и машиностроения, жалкое существование культуры и здравоохранения. Согласно международному рейтингу, в 2009 г. по темпам экономического роста наша страна оказалась на 207-м месте из 214, в борьбе с коррупцией на 147-м из 180, по интегральному показателю благополучия в социальной сфере стала 131-й в списке из 180 стран (3). Комментарии излишни: по рейтингу Россия достигла предела падения.

Необходима принципиально новая система государственного управления наукой. В составе администрации президента РФ отдельного структурного звена, управления, которое специально занималось бы проблемами науки как единственной своей задачей, нет. Тогда как потребность в таком административном подразделении, и весьма острая, имеется. Нужна организационно-управленческая структура науки, которая бы обеспечивала:

- координацию научно-исследовательской деятельности, финансируемой из федерального бюджета;
- разработку эффективной и динамичной государственной научно-технической политики;
- подготовку для президента и правительственных ведомств экспертных рекомендаций по научно-техническим аспектам внутренней и внешней политики.

Такой круг обязанностей Министерству образования и науки РФ, как и его предшественникам, явно не по силам. Поиск новых организационных структур науки был весьма тернистым и в других странах. Об этом свидетельствует богатый опыт, например, США. Процесс институционализации научно-консультативной службы в Белом доме продолжался чрезвычайно долго. Фактически первым, кто заслуживал титула «специального помощника президента по науке и технике», был Ванневар Буш, назначенный президентом США Ф. Рузвельтом в самом начале Второй мировой войны руководителем Управления научных исследований и разработок. Затем последовали взлеты и падения научно-консультативной службы президента США, вплоть до ликвидации ее президентом Р. Никсоном. Благо для американцев, что в 1976 г. президент Дж. Форд, придя к власти, решил возродить эту службу в Белом доме, оформив ее законодательно. С этой целью в Конгресс был направлен законопроект о создании научно-консультативного аппарата Белого дома. В 1976 г. Конгресс принял закон о национальной научной и технической политике, о ее приоритетах и создании государственных органов по ее реализации. В соответствии с этим законом были учреждены Управление по научной и технической политике в аппарате исполнительной власти президента, Федеральный координационный совет по науке и технике и Президентский комитет по науке и технике. Кстати, перераставшие в конфликты

разногласия и напряженные отношения между сообществом ученых и президентской властью наблюдались в США в течение многих лет. Закон, принятый конгрессом по инициативе Дж. Форда, содействовал процессу становления новых, партнерских, взаимоотношений между наукой и властью.

Специфика научно-консультативной службы при президенте США состояла в том, что она изначально сочетала административные и консультативные функции. Идеи и предложения президентского комитета по науке и технике принимались к исполнению административными структурами научно-консультативной службы, минуя ведомства-посредников. Именно в сочетании творческих и административных функций состояло гигантское преимущество новой структуры государственного управления научной деятельностью. Она была нова и необычна для всех чиновников государственного аппарата, они не могли смириться с тем, что принимались, минуя их, решения по науке. Поэтому институционализация этого новшества заняла определенное время.

Почему бы России не использовать опыт США для того, чтобы сократить процесс институционализации Совета по науке, технологиям и образованию при президенте РФ (далее – Совет). Многие возразят: для России это нереально. А почему нереально? Мы можем использовать в первом десятилетии XXI в. опыт США прошлого века, если будем учитывать реальные, объективные факторы нашего времени и прежде всего постиндустриальную парадигму социально-экономического развития, которая диктует свои правила и законы. Конкретные проявления этой парадигмы: постиндустриальная хозяйственная система, сформированная в передовых странах мира; структурные реформы, проводимые разными правительствами с целью повышения уровня социально-экономического развития страны.

А теперь, с учетом вышеизложенных соображений, вернемся к нашей главной теме исследования. Первая попытка создания Совета по научно-технической политике при президенте РФ, предпринятая в 1995 г. по образу и подобию Научно-консультативной службы США, оказалась неудачной. Политическое руководство России решило возродить Совет, уточнив его название. 30 августа 2004 г., спустя десять лет с момента первой попытки его основать, был подписан указ президента РФ, первый пункт которого гласит: «Преобразовать Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию в Совет при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию». Принято Положение о Совете и утвержден его состав, сформирован президиум. В качестве форума для обсуждения проблем российской науки и образования с высшим руководством страны, когда последнее сочтет это необходимым, такой Совет может быть полезен. Но он является чисто консультативным, а не управляющим органом, не располагает

какими-либо ресурсами и никакой прямой поддержки науке и образованию оказать не может.

Обновленный Совет следует рассматривать как этап в институциональном становлении эффективно действующей Научно-консультативной службы при президенте РФ. Наука – слишком серьезная сфера деятельности, чтобы ее развитие доверить какому-нибудь ведомству из ныне действующих в России. Главное назначение этой службы: научную политику должен определять президент страны, а не только правительство в лице Минобрнауки и Министерства финансов РФ. Для этого нужно придать Совету по науке, технологиям и образованию при президенте России властные функции и преобразовать соответствующую ему же структуру по управлению и финансированию научно-образовательного потенциала страны. Во всех развитых странах, и в первую очередь в США, есть специальный помощник президента по науке с достаточно многочисленным и компетентным аппаратом (в РФ функции этого аппарата могли бы быть сосредоточены в рамках РАН). Эти организации (учреждения) готовят решения по науке (а также проводят научную экспертизу по ключевым вопросам внутренней и внешней политики), с которыми президент выходит на Конгресс. Министерства же науки в США и ряде других стран просто не существует.

Своеобразие государственной системы оценки научной деятельности в России и ее стимулирования состоит в том, что она расколота на две несовместимые части. Одну из них олицетворяет Минобрнауки РФ, другую – РАН и РФФИ. Вместе с РГНФ это раздвоение легко преодолеть, если наделить Совет по науке и образованию при президенте РФ властными функциями. Они придадут Совету новое качество, превратят его в высший эффективный административный орган по руководству научной деятельностью. В результате реструктуризации произойдут существенные преобразования в организационно-управленческой структуре науки: функции Минобрнауки РФ будут уточнены и, возможно, видоизменены, РАН получит автономию в качестве креативной корпорации, расширятся функции РФФИ, а члены его Совета получат дополнительные полномочия. Российское сообщество ученых сможет проводить решения, представляющиеся целесообразными и независимыми от политических пристрастий правительства.

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Программы регионального развития в контексте государственной научно-технической политики: Опыт США. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 168 с.
2. Авдулов А., Кулькин А. О стратегии партнерства науки и власти // Свободная мысль. – М., 2009. – № 1. – С. 85–100.
3. Волчкова Н. Далеко ли до рассвета? // Поиск. – М., 2010. – № 12. – С. 3.
4. Иванова В.В. Интервью «Иннограду рады» // Поиск. – М., 2010. – № 32–33. – С. 5.

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

5. Костиков В. Кто похоронил «гегемона»? // Аргументы и факты. – М., 2009. – № 17. – С. 6
6. Подъяков А.Н. Узнать и обезвредить // Поиск. – М., 2007. – № 21. – С. 10.
7. Удвоение чиновников // Время новостей. – М., 2009. – 9 марта. – С. 1.

И.В. Игнатова

**МИЛЛИАРДЕРЫ КАК ЯВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Игнатова Ирина Викторовна – кандидат социологических наук,
доцент, докторант Тюменского государственного университета.**

С концептуальной точки зрения исследование положения и роли тех, кто принадлежит к высшему слою предпринимателей требует использования подходов и инструментария теории элит, в том числе бизнес-элит. Аксиологический подход базируется на первоначальном понимании элиты как лучшего и подразумевает, что входящие в нее индивиды обладают более высокими интеллектом, талантом, способностями, компетентностью по сравнению с представителями других слоев социума. Альтиметрический подход оценивает принадлежность к элите по факту обладания индивидуумами реальной властью и влиянием, без учета их интеллекта и морально-этических качеств.

До настоящего времени приверженцы аксиологического подхода не выработали четкие критерии принадлежности к элите, поэтому наиболее широко распространено альтиметрическое направление определения элиты. Данное понятие в значительной степени используется в качестве самоназвания той части социума, которая обладает реальной властью и влиянием (5).

Можно сказать, что крупный бизнес представляет собой ту часть элиты, которая является неотъемлемой и важной частью современного социума. Соответственно мы будем рассматривать бизнес-элиту или экономическую элиту как группу людей, контролирующих основные экономические ресурсы общества. Крупный бизнес осуществляет функции управления обществом, а также вырабатывает новые модели поведения, позволяющие социуму приспособляться к изменяющемуся окружению. Критериями причисления миллиардеров к элите является их финансовый капитал, который позволяет оказывать влияние на политическую власть в стране. При этом, по данным исследования Э. Панеях, предприниматели классифицируют принадлежность бизнеса к малому, среднему и крупному в зависимости от деловых контактов

с представителями органов власти. Отсутствие взаимодействий предпринимателей с чиновниками местного самоуправления свидетельствует о мелком размере бизнеса. Наличие таких контактов определяет средний бизнес. Возможность продвижения в Государственной думе законов, оплата Правительству России различных постановлений и т.д. свидетельствует о крупном бизнесе (4). В 2007 г. 13 участников «золотой сотни» были представлены в Федеральном собрании РФ (7, с. 178). Если учесть, в соответствии с классическими теориями элит, что крупный бизнес действует в своих интересах, то налицо лоббирование интересов миллиардеров, никак не связанное с нуждами рядовых граждан.

Можно утверждать, что в России статус миллиардера зависит от взаимоотношений с политической властью. При всем неоднозначном отношении общества к отечественным олигархам, следует признать их незаурядность и лидерские способности.

В данном контексте целесообразно проанализировать социальные характеристики миллиардеров как элиты различных стран мира, выявить их особенности, рассмотреть отношение к ним, их деятельности и возможностям со стороны рядовых граждан.

По данным журнала «Forbs Russia», наибольшее число миллиардеров в 2006 г. находилось в США (415 человек), в Европе – 182 человека (лидером является Германия – 55 человек), в Индии – 36, Китае и Гонконге – 41, в Японии – 24 человека, в Австралии и Новой Зеландии – 15 человек, в России (в 2009 г.) – 77 человек. В расчете на 100 000 человек населения в 2006 г. наибольшее число миллиардеров находится в Австралии и Новой Зеландии – 0,6%, минимальное – в России (в 2009 г.) 0,001%. Самые молодые миллиардеры в России, их средний возраст составляет 46 лет, самые старые – в США и Японии, средний возраст местных миллиардеров 65 лет, в Европе – 64, в Австралии – 62, в Индии – 56, в Китае – 54 года. В разрезе стран совокупное состояние миллиардеров в 2006 г. оценивалось следующим образом: самое большое состояние – у миллиардеров США, оно составило 1,36 трлн. долл., самое маленькое – в Австралии и Новой Зеландии – 33,3 млрд. В Японии – 64,4 млрд., в России (2009) – 139,3 млрд., в Китае и Гонконге – 140,2 млрд., в Индии – 191 млрд., в Европе – 803 млрд. долл. В Гонконге проживают самые богатые миллиардеры (более половины) и самая богатая миллиардер-женщина, ее состояние оценивается в 2,4 млрд. долл. (дочь армейского офицера).

Доля совокупного состояния миллиардеров в валовом внутреннем продукте страны их проживания составляет, в 2006 г. соответственно, максимум – в Индии – 24%, минимум – в Японии – 1,3%, что свидетельствует об отсутствии значительного расслоения общества в этой стране. В Индии всего 36 человек в стране с населением более 1 млрд. человек имеют состояние в

24% ВВП, что свидетельствует об огромном расслоении общества. Рейтинг других стран выглядит следующим образом – в России (2008) 11,3%, в 2006 г. в США – 10,3, в Европе – 5,6, Китай и Гонконг – 5,2%, Австралия и Новая Зеландия – 4,5%.

Интерес представляют типичные сферы деятельности, где миллиардеры зарабатывают свои доходы. Для США – это любая область хозяйства, зачастую они реализуют старую идею в новой упаковке. При этом 1/3 миллиардеров унаследовали свое состояние полностью или частично. С одной стороны, это свидетельствует о высоком уровне преемственности, с другой – о том, что большую часть крупнейших состояний создают новички. В Европе – это розничная торговля, медиабизнес, производство предметов роскоши, литература. Однако 47% европейских миллиардеров унаследовали полностью или частично свой бизнес (без учета бывших соцстран). В Индии типичными сферами деятельности миллиардеров являются производство программного обеспечения, лекарств, владение сырьевыми компаниями, участие на рынке недвижимости, медиабизнес. В Китае и Гонконге – экспорт продукции, инвестиции в недвижимость. В Японии – современные технологии, недвижимость. В Австралии и Новой Зеландии – медиаиндустрия, недвижимость. В России – сырье, инвестиции, черная и цветная металлургия, финансы, недвижимость.

Результаты анализа данных журнала «Forbs Russia» об отечественных миллиардерах свидетельствует, что в 2009 г. их насчитывалось 33 человека, все имеют высшее образование, 18% из их числа – несколько высших образований, 3 человека (9%) – ученую степень. В 2007 г. долларовых миллиардеров в России было 60 человек, их средний возраст составлял 45,3 года. Из числа богатейших людей России, 88% – женатые, 7 – разведенные, 5% – холостяки. Большинство миллиардеров имеют двоих детей – 46,7%, одного ребенка – 18,3, троих детей – 13,3, четверых детей – 6,7, не имеют детей – 6,7, шестерых детей – 3,3, пятерых детей – 1,7% (7, с. 121–199, 232–242).

По данным исследований Левада-Центра, за период с 1999 по 2008 г. в российском обществе сложилось неоднозначное отношение к людям, которые легально получают миллионы: в 2008 г. 48%, из числа опрошенных ответили, что относятся отрицательно к миллионерам, так как честно такие деньги не заработаешь; 30% относятся положительно, при условии, что деньги заработаны честно; 13% – ничего не имеют против таких людей (11, с. 93). При этом в 2008 г. 70% опрошенных считали, что честно заработать миллионы сейчас невозможно, 22% полагают, что это можно сделать (2, с. 93–94).

На современном этапе развития российского общества отмечается стабильность в отношении россиян к деятельности крупных российских бизнесменов и предпринимателей, отражающая эффект антиномии. В 2005 г. 39% опрошенных считали, что их деятельность идет на пользу России (49% оп-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

рошенных считают, что во вред), в 2006 г. – 43% (45 – во вред), в 2007 г. – 44% (40 – во вред), в 2008 г. – 45% (38% – во вред). По мнению Ж.Т. Тощенко, «антиномии сознания проявляются практически во всех сферах общественной и личной жизни людей» (6, с. 7). Данное явление, по его мнению, может привести к общественным конфликтам, при неэффективном управлении социальными процессами в стране.

В отношении олигархов у россиян сформировалось вполне четкое представление о том, что они пользуются неограниченной властью, «что хотят, то и делают». В 2008 г. так считали 81% опрошенных респондентов, не согласных с данным утверждением 12% (2, с. 93).

В таблице представлено мнение россиян о том, что дает богатство человеку.

Таблица

**РЕЙТИНГ МНЕНИЙ РОССИЯН О ТОМ,
ЧТО ДАЕТ БОГАТСТВО ЧЕЛОВЕКУ
(СОСТАВЛЕН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА В 2008 г.), %**

Вариант ответа	2008	1999
Возможность жить в свое удовольствие	32	33
Возможность реализовать свои идеи, планы	29	25
Власть над людьми	26	28
Независимость, свободу выбора	25	25
Делает равнодушным, жестоким	18	15
Возможность помогать другим	13	14
Отталкивает людей, порождает зависть, вражду	13	13
Развращает, отупляет	13	10
Делает человека зависимым, несвободным	8	7
Возможность обеспечить себя и своих потомков	4	55
Делает человека одиноким	4	3
Затруднились ответить	6	6
Число опрошенных	1500	2000

Источник: (2, с. 94).

По данным таблицы, за десятилетие представление россиян о том, что дает богатство человеку, принципиально изменилось. Следует отметить, что на первый план в 2008 г. вышли возможности эгоистического характера – жить в свое удовольствие, реализовать свои планы, власть над людьми, независимость. В 1999 г. на первом месте находилась возможность обеспечить себя и своих потомков (55%), которая в 2008 г. становится аутсайдером (4%). Среди причин таких изменений мнения россиян можно выделить повышение уровня и качества жизни населения. Так, за период с 1998 по 2009 г., численность населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума снизилась на 15,8 млн. человек, что составляет 11% от числен-

ности постоянного населения страны (рассчитано по данным Росстата РФ, www.gks.ru). Среднедушевые доходы населения в 2008 г. составили 16 886,5 руб. в месяц. Средний ежегодный прирост среднедушевых доходов населения за период с 2004 по 2009 г. – 22% (рассчитано по данным Росстата РФ, www.gks.ru). По данным исследований общественного мнения Левада-Центр, за период с 1999 по 2009 г. оценка россиян материального благосостояния своей семьи изменилась кардинальным образом: в 1999 г. 52% ответили, что еле сводят концы с концами, 15% – живут за гранью бедности, в 2009 г. таких стало 38 и 4%, соответственно. Отметим, что живут хорошо, без особых материальных затруднений в 1999 г. 2%, в 2009 г. – 3% респондентов; живут более или менее прилично – 30 и 53%, соответственно (5, 44). Итак, в 2009 г. негативные оценки своего материального положения снизились на 25%, по сравнению с 1999 г., а положительные увеличились на 24%.

Таким образом, это свидетельствует об улучшении уровня и качества жизни населения в данный период стабильности в обществе и экономике. Следовательно, в соответствии с пирамидой потребностей, после удовлетворения первичных потребностей, появляется необходимость реализации творческих способностей человека, поэтому, дальнейшее желание зарабатывать деньги связано не с необходимостью обеспечения себя и близких, а с реализацией собственных идей и планов. Именно эти изменения фиксирует динамика мнения россиян о том, что дает богатство человеку.

Сегодня в России особо встает вопрос о социальной функции миллиардеров. По итогам конкурса «Корпоративный донор России 2008», проводившегося среди крупнейших представителей отечественного бизнеса, определены лидеры на основе данных по объему выделенных благотворительных средств. Пятерку таких компаний составляют ОАО «Лукойл», ОАО «ТНК-ВР», ОАО «Татнефть» имени В.Д. Шашина, ОАО «Северсталь», группа компаний «РЕНОВА» (1). По данным того же источника, практически каждое крупнейшее предприятие России имеет свой благотворительный фонд или реализует программы разного рода социальной поддержки населения.

Таким образом, социологический портрет российского миллиардера выглядит следующим образом – это мужчина, 46 лет, с высшим образованием, женат, имеет двоих детей, основные доходы получает от нефтяного бизнеса, инвестиций, черной и цветной металлургии, в сфере финансов и недвижимости. Бизнес-элита (скажем точнее: top business-элита) с позиции своих интересов участвует в решении экономических, политических и социальных вопросов страны.

Литература

1. Благотворительные фонды российских олигархов http://www.childheart.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=37:2009-04-13-21-00-27&catid=6:2008-12-29-02-11-27&Itemid=13
2. Общественное мнение – 2008. М.: Левада-Центр, 2008. – 192 с.
3. Общественное мнение – 2009. М.: Левада-Центр, 2008. – 208 с.
4. Панеях Э. Правила игры для российского предпринимателя / Предисл. Е. Ясина. – М.: КоЛибри, 2008. – 240 с.
5. Теория элит [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.wikipedia.ru.
6. Тощенко Ж.Т. Антиномия – важнейшая и специфическая характеристика общественного сознания // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического форума 15–16 октября 2009 г. / Под ред. М.М. Акулич, Г.С. Корепанова, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная дума, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет. 2009. – С. 3–10.
7. Forbes. – 2007. – № 5. – С. 121–199, 232–242.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А.Е. Чирикова

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Чирикова Алла Евгеньевна – доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.**

Семья была и остается базовой ценностью для российских женщин. Согласно данным социологических опросов, около 40% российских женщин убеждены, что им или уже удалось создать счастливые семьи или в принципе им это по силам (39%)¹. Лишь пятая часть опрошенных россиянок (20%) признаются, что им это не удалось или они в принципе не ставили перед собой подобной цели.

Возникает вопрос, как женщинам, добившимся карьерного роста в бизнесе и власти, удастся сочетать семейные и руководящие роли? Всегда ли женщина, добившаяся высокого статуса во власти и бизнесе, должна расплачиваться за это счастьем в семейной жизни? Материалы, полученные в ходе двух исследований жизненных ситуаций женщин-руководителей в бизнесе и власти с интервалом в десять лет, позволяют утверждать, что действующие в этой сфере закономерности расходятся с общепринятыми представлениями, согласно которым за достижение статусных позиций во власти и бизнесе приходится расплачиваться счастьем в семейной жизни. Картина, складывающаяся при сочетании лидерских позиций и семейных ролей, оказывается достаточно сложной и не поддается однозначной интерпретации. Она зависит от нескольких переменных, каждая из которых может предопределять итог семейных отношений мужчины и женщины.

Первое исследование, проведенное в 1998 г. и посвященное лидерству женщин в бизнесе, показало, что деловые женщины, достигшие успеха вполне адекватно справляются со своими семейными ролями, а успешность или

---

1. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?: Аналитический доклад / Под ред. М. Горикова. – М.: ИКСИ-Фонд Эберта, 2002. – С. 50.

неуспешность их семейной жизни во многом предопределяется ожиданиями мужчины в отношении семейных ролей, которые должны исполнять женщины². Исследование 2008 г. по изучению женского лидерства во власти, практически подтвердило сделанные ранее выводы, но вскрыло ряд новых закономерностей, позволяющих понять, как статусная женщина может добиться счастья в семейной жизни³.

Оба исследования фактически подтвердили тот факт, что счастливой в семейной жизни может быть та женщина-руководитель, которая адекватно оценивает свои возможности и отказывается от стратегии супер-женщины, закономерно сужая поле своих домашних обязанностей по договоренности с остальными членами семьи. Однако как бы ни зависела занятая женщина от помощи няни, домработницы или бабушки, в любом случае ведущую роль в достижении оптимального баланса мужских и женских ролей в семье играют готовность мужчины взять на себя часть семейных обязанностей и умение женщины отказаться от доминирования в семейной жизни.

Оба исследования проводились с использованием метода интервью. Всего были опрошены около 140 респондентов в восьми регионах, непосредственно занимающих руководящие позиции в бизнесе и власти на уровне руководителей компаний, вице-губернаторов, руководителей ведущих департаментов в областной и муниципальной власти, региональных экспертов.

Семья и бизнес: Существует ли конфликт интересов?

Проблема эффективного соотношения деловых задач и семейных обязанностей для женского предпринимательства в России продолжает оставаться одной из ведущих проблем на протяжении последних 20 лет.

Уровень развития сервисных служб и особенности российского менталитета в гораздо большей степени затрудняют сочетание бизнес-деятельности и семейных функций в России, чем в развитых странах.

Аналитические оценки взаимовлияния бизнеса и семьи друг на друга отличаются понятной неоднозначностью, что вполне закономерно, так как репрезентативных исследований данной проблемы в общероссийском масштабе пока не было проведено.

Результаты отдельных исследований рисуют достаточно противоречивую картину.

Так, в исследовании М. Мацковского, предварительные результаты которого были представлены на Международной гендерной конференции, позво-

---

2. Чирикова А.Е. *Женщина во главе фирмы*. – М. ИСПАН. – 1998.

3. *Женщина на высших этажах власти: Российские практики и французский опыт*. – М. ИСПАН ИНАБ. – 2009. – № 3.

ляют говорить, что женщинам удастся выкроить время на занятость бизнесом за счет передачи части своих функций мужчинам, которые неспособны по каким-либо причинам найти работу, дающую больший доход по сравнению с доходами женщины. Последняя в этой ситуации превращается в реального кормильца семьи.

В исследованиях, проведенных под руководством А. Возьмителя⁴, дается более дифференцированная картина того, как распределяются семейные обязанности и власть в семье в том случае, если предпринимательской деятельностью заняты муж или жена. Данные этого исследования, по мнению автора, позволяют говорить о разных моделях семейной власти в том и другом случае. В семьях, где жена-предприниматель, роль мужа в принятии решений существенно снижается, однако перераспределение власти происходит не в пользу жены, а в сторону большей коллегиальности. Традиционную ответственность за распределение дел в семье женщины-предприниматели частично снимают с себя и, так же как в других вопросах, перекладывают на коллективное мнение членов семьи.

Участие в домашних делах женщин-предпринимателей также естественно снижается, но не так сильно как у мужчин-предпринимателей. В половине семей жены-предприниматели продолжают нести всю нагрузку по дому. В другой половине семей женщин-предпринимателей дела по дому распределяются между остальными членами семьи. Однако муж, даже в таких семьях, редко (в 4% семей) полностью берет на себя все работы по дому. Поэтому женщины-предприниматели вынуждены чаще прибегать к помощи прислуги.

Таким образом, замужние женщины-предприниматели, открыв свое дело и вступив на путь высоко ответственной и трудоемкой профессиональной деятельности, вынуждены приспосабливаться к традиционно ожидаемым от них ролям супруги, матери и домашней хозяйки, в лучшем случае, кардинально не меняя распределение власти и обязанностей в семье, в худшем – продолжая подчиняться мужу и нести домашние обязанности на своих плечах. По мнению автора А.А. Возьмителя, подобное совмещение женщиной профессиональных и семейных ролей носит парадоксальный, а потому временный и переходный характер. Другой, пока менее распространенной, но более логичной и перспективной моделью сочетания профессиональной успешности «бизнесвумен» с семейным вкладом, является взятие управления домом в свои руки и передача исполнительских функций мужу и другим членам семьи – либо обзаведение наемным домоуправом, гувернером, кухаркой и другой прислугой.

---

4. Возьмитель А.А. *Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей*. – М. ИСИ РАН. – 1997. – С. 168.

Третьей, также непротиворечивой моделью семейного поведения является «отключение» женщины-предпринимателя от брака и детей. Эта модель приемлема для молодых женщин и давно освоена на Западе, однако, перспективна, по мнению автора, и в России.

Исследования, проведенные позднее, в среде московских и региональных предпринимателей, могут, с одной стороны, подтвердить часть выводов, сделанных в рассмотренном выше исследовании, с другой – дают возможность уточнить их.

Весьма парадоксальный факт, который был выявлен мною в ходе опроса московских предпринимательниц – **успех женщин в бизнесе не обязательно сопровождается разрушением личной жизни, – подтвердился и на региональной выборке.** Лишь семь из 85 опрошенных женщин или не были ни разу замужем, или были разведены и не имели постоянных партнеров. Остальные участницы исследования или были замужем, или имели постоянных партнеров. Обращает на себя внимание тот факт, что число повторных браков у женщин-предпринимателей даже чуть ниже, чем в целом по женской совокупности. Лишь восемь женщин из 85, или около 10%, настаивают на том, что причиной распада супружеских или партнерских отношений послужило занятие женщиной бизнесом.

Остальные склонны считать, что с определенными потерями, им удастся компенсировать свою занятость, хотя это не так просто *«Я понимаю, что не могу уделять семье столько времени, сколько необходимо, – убеждена одна из предпринимательниц. – Но я не могу сказать, что я от семьи отключена. Все равно семья для меня интересна, и мы проводим вместе много времени. Занимаемся вместе спортом. Воскресенье – это наш день. На мой взгляд, все нормально. Хотя, может быть, семье бы хотелось, чтобы я уделяла ей больше внимания».*

Так же, как и в исследовании А. Возьмителя, в моих интервью с женщинами-предпринимателями относительно семейной жизни, зафиксирована большая **доля женщин, предпочитающих делегировать семейные обязанности прислуге или няне,** которая одновременно присматривает за подрастающими детьми. Женщин, избравших данную модель поведения, было около 60% в выборке, причем региональные предпринимательницы прибегают к услугам помощниц не реже московских.

Одновременно в выборке выделилась относительно большая группа женщин-предпринимательниц (14 человек), которым удалось большую часть своих семейных обязанностей, включая воспитание детей, делегировать мужчине в том случае, если он сам не занят в предпринимательской деятельности. Чаще всего это происходит, если мужчина работает на государственной службе и имеет нормированный рабочий день. Весьма часто это случается тогда, когда мужчина значительно старше или моложе жены и вынужден

постепенно смириться с ее ежедневной занятостью. Иногда такие мужчины испытывают чувство гордости за своих жен и согласны компенсировать занятость жены перераспределением семейных обязанностей: Одна из женщин-предпринимательниц из Казани *«считает, что женщина должна быть для дома. Но в последнее время он входит в мое положение, старается поддержать, помочь. Весь дом на нем держится. Его работа стала неосновной. К тому же он долго просил второго ребенка. Я родила, и сейчас он с дочкой много возится. Муж делает все покупки. Я его подталкиваю, чтобы дома не зацикливался. Я по себе знаю – дома сидеть очень тяжело. Раньше он вел бурную профессиональную жизнь. Ездил по командировкам. Теперь вдруг осел. Это тяжело. Подталкиваю, чтобы он чем-то занимался, на люди выходил. Когда мы вместе куда-нибудь выходим, он за меня гордится. Он радуется моим успехам»*.

Такие модели распределения обязанностей встречаются тогда, когда мужчина не работает и находится на иждивении жены. Как правило, такие мужчины на восемь-десять лет моложе женщины. Объяснением их незанятости служит убежденность, что за домом и за детьми кто-то должен следить, даже если это дети от другого брака.

Лишь две женщины из 85 были убеждены в том, что им пока не удалось решить проблемы в семье «по поводу распределения обязанностей», и они находятся в ситуации «тихой войны», в которой нет победителей.

Около 60% опрошенных нами женщин считают свои браки удавшимися и не прогнозируют распада семьи или смены партнера в будущем, если только это будет зависеть от них.

Относительно высоким у женщин-предпринимательниц продолжает оставаться чувство вины по отношению к своим «брошенным детям». Причем у региональных предпринимательниц это чувство заметно выше по сравнению с московскими. Если среди московских предпринимательниц испытывают напряжение из-за недостаточного общения с собственными детьми 20% опрошенных, то среди региональных предпринимательниц – 40%. Остальные женщины убеждены, что им удастся компенсировать недостаток ежедневного общения с детьми качественным досугом в выходные дни и во время отпуска. Около половины этих женщин считают, что дети не испытывают открытого дискомфорта по этому поводу и привыкают к такому положению вещей, восполняя недостаток общения с матерью, контактом с другими родственниками или занятиями в кружках, секциях, общением с друзьями. Представляется вполне вероятным, что формирование особых семейных норм помогает достигать глубокого понимания в отношениях с детьми, не прибегая к частым контактам (при условии, что ребенок не является «проблемным»).

По мнению большинства опрошенных нами женщин (60%) дети достаточно рано начинают осознавать преимущество хорошего материального по-

ложения и вслед за мужьями постепенно смиряются с недостатком внимания. Многие из опрошенных женщин, имеющих взрослых детей, убеждены в том, что их повышенная занятость сформировала в детях самостоятельность и не повлияла негативным образом на их социальное и психологическое развитие: *«Я не испытываю чувства вины, оттого что не могу сидеть дома со своей четырехлетней дочкой, – размышляет Светлана Гунченко. – Считаю, что если ей досталась такая мама, значит ей нужно пройти это испытание. Если моему старшему ребенку я досталась в то время, когда преподавала в институте, значит так сложилась его жизнь. Я фаталистка и убеждена, что дети выбирают себе родителей сами. Если ребенок захочет, он все равно заставит мать поступать так, как ему необходимо. Он не позволит себя обделить. Это закон природы».*

Анализ уровня конфликтности в отношениях между бизнесом и семейными ролями у женщин-предпринимательниц позволяет утверждать, **что этот уровень не является тревожащим для большинства опрошенных женщин как в Москве, так и в регионах.** Московские предпринимательницы, по сравнению с региональными, испытывают меньшую озабоченность вследствие своей занятости, что, видимо, объясняется менее жесткими ценностями и нормами семейного поведения, сложившимися в столице, по сравнению с российскими регионами, где представления о роли матери в семье трансформируются гораздо медленнее, нежели изменяется реальность самой жизни. «Запаздывание» этих ценностных представлений может служить, на мой взгляд, источником дополнительного напряжения.

В целом можно утверждать: **концентрация деловой жизни и ее успешность порождает у женщины потребность повторить этот успех и в семейной жизни.** Поэтому деловые успехи женщины являются в известной мере цементирующим фактором семейной жизни.

Неравное партнерство: Можно ли избежать потерь?

Проблема неравных браков в бизнесе обсуждается традиционно в рамках «финансового неравенства». Однако проведенные интервью убедили меня в том, что такой ракурс рассмотрения является далеко не полным. Неравенство в семейной паре может включать в себя:

- материальное неравенство;
- возрастное неравенство (когда женщина на 10–12 лет старше партнера);
- карьерное неравенство;
- неравенство социального происхождения и вытекающее отсюда неравенство культур.

Как показали интервью, региональные предпринимательницы легче всего справляются с первыми двумя видами неравенства и прогноз брачных отно-

шений в этом случае достаточно благоприятный. По крайней мере, около 50% женщин указали на то, что эта проблема для них существует, но они нашли приемлемые способы ее решения.

Однако около 15% успешных женщин испытывают реальное беспокойство по поводу своей материальной состоятельности и не уверены в стабильности отношений, где существует материальный разрыв. Вот одно из признаний. *«Сейчас в моей жизни появился человек, который мне подходит по всем параметрам. По-женски я боюсь только одного: я богатая женщина в материальном плане, я более обеспеченная, чем он. Он живет в той жизни, где не выплачивается зарплата и где она достаточно невысокая. Этого я очень боюсь. Учитывая, что это настоящий мужчина, я понимаю, что для него это достаточно серьезно. Это самое страшное в наших отношениях. Изменить что-то в худшую сторону для себя в материальном плане я не смогу и этого не стоит делать. Это реальная угроза. Это моя беда и где-то я даже жалею, что достигла такого уровня жизни, потому что из-за этого я могу потерять необходимого мне человека».*

Данная исповедь показывает, что удерживать брачные отношения с выраженной материальной асимметрией в ситуации устоявшегося брака легче, чем в условиях нарождающихся отношений. Однако не исключено, что влияние материального неравенства переоценивается респондентками и реальным поводом для прекращения этих отношений могут стать совсем другие, иногда не осознаваемые причины.

Реальным способом смягчения этого неравенства может быть профессиональный рост партнера, который не всегда сопровождается материальным благополучием, но свидетельствует о способности мужчины «побеждать в своем пространстве».

Интересную модель разрешения материального неравенства описала одна из респонденток: *«Муж – это человек, который во многом меня сделал. Он сам иногда говорит: “Мне попался алмаз, я его огранил и сделал бриллиант”. Он старше меня на семь лет. Он знает три языка. Мы практически не ссоримся. Я считаю, что все можно обсудить. Хотя он говорит, что он никогда не знает, что я выкину в последующий миг. Мы не отчитываемся друг перед другом о своих тратах. У кого есть деньги сегодня, тот и покупает продукты, платит за квартиру. Мы пытались завести общую кассу. Но мне нельзя деньги доверять... Он зарабатывает денег пока меньше, чем я. Но это неважно. Я знаю, что он много работает. Я вижу, что он старается. И зарабатывает меньше не потому, что не хочет. Мне кажется, что любую проблему в семье можно решить, если хочешь. Тем более проблему денег».*

Несмотря на то, что это достаточно нетипичный способ решения проблемы финансового неравенства, он дает свои результаты. И сохраняет любовь.

А разве не к этому стремятся все женщины. Даже если у них есть деньги, за которые нельзя купить любовь.

Возрастное неравенство, при котором партнер женщины на много лет моложе ее, воспринимается общественным сознанием как негативный факт именно из-за наличия денег.

Однако, как показывают интервью, стремление женщин иметь более молодых партнеров объясняется не только желанием иметь более сильных сексуальных партнеров, но и неудовлетворенностью темпом жизни ровесников или лиц, которые старше. Молодые партнеры отличаются высокой динамичностью, что позволяет женщине и в семейной жизни сохранять требуемый ритм, благотворно влияющий на хорошую психологическую и физическую форму: *«Не думайте, пожалуйста, что я настолько сексуально озабоченный человек, что меня может удовлетворить только очень молодой муж. Дело не только в этом. С молодым мужчиной интереснее. Он по-другому смотрит на мир. Он по-другому чувствует. Он меньше ворчит и умеет отключаться от мелочей. Они вообще другие. С ними интереснее. Пусть глупцы говорят все, что им вздумается – я буду жить как хочу. Я в бизнесе так поступаю и буду такой в личной жизни. Пусть я ошибусь – но это будут мои ошибки».*

Иногда мужчина осознанно отдавая женщине лидерство и беря на себя семейные обязанности, одновременно выступает в роли психотерапевта. Причем женщина не видит в этом проявления неравенства и убеждена, что сложившиеся полоролевые стереотипы пора ломать. *«Вообще сложно сочетать бизнес и семью, – убеждена одна из респонденток. Хорошо еще, что муж меня к делу не ревнует, только к мужчинам. Пожалуйста, работай – это его принцип. Когда я нервничаю и у меня возникают проблемы, он часто повторяет: “Только я в этом доме могу тебя понять и помочь тебе”. Не может быть заранее предписанных обязанностей в семье. Все зависит от того, что могут и хотят делать в семье муж и жена, что у них лучше получается».*

Карьерное неравенство, или неравенство, при котором женщина сделала карьеру руководителя фирмы, а муж остался на позициях исполнителя в другой фирме или государственной структуре, особенно остро переживается в браке, и это иногда не удается смягчить даже при большом желании женщины.

Если эта ситуация развивается на фоне выраженного честолюбия мужчины, то она имеет мало шансов на позитивный прогноз. И все же такие браки выживают. Правда, для их сохранности требуется чуть больше усилий и фантазии. Во-первых, любовь и дети могут зачеркнуть любое неравенство. Во-вторых, любую проблему можно решить, если захотеть избавиться от нее вместе.

Наиболее благоприятный прогноз, – когда женщина берет мужа к себе вторым лицом и ей удается убедить его в том, что на самом деле он первый. Однако это ход для отчаянных честолюбцев. Во всех других случаях, мужчине необходимо заниматься своим любимым делом и перестать переживать по тем поводам, которые на самом деле не столь существенны, поскольку с него сняли заботы о материальном выживании семьи.

Социальное и культурное неравенство также создает проблемы в семье. Его проявление усиливается в том случае, когда семейный «аутсайдер» вдруг превращается в кормильца и лидера, а культурный лидер вдруг теряет свои преимущества. Вот как описывает этот тип неравенства одна из женщин-респонденток: *«У меня муж чистый интеллигент. Если он будет заколачивать гвоздь, то обязательно отобьет себе палец. А уж об электричестве я вообще молчу. Он только может печатать, думать, читать. Он философ. По образованию и натуре. Мы такие разные. Я была в него так влюблена. Я его два года обхаживала. Сегодня я даже не знаю, сколько он получает. Я знаю, что этих денег ему не хватает даже на сигареты. Он просто не выживет на свои деньги. Тем более он не сможет содержать детей и дать им образование. Понятно, что теперь я хозяйка дома. Он не входит в мои проблемы. Он делает вид, что трудностей у меня нет. Чисто поинтеллигентски. Лучше не знать, чтобы не пропасть. Я не хочу с этим разбираться, купила ему компьютер, пусть работает и ему будет хорошо».*

Эта драматичная история вряд ли будет иметь позитивное разрешение, если муж не откажется от своей установки на то, чтобы не замечать и не уважать достижений жены, независимо от уровня ее собственного образования. Жена, в свою очередь, должна убедить себя в том, что интеллигентность заслуживает уважения и оценить то, что он делает для семьи, несмотря на отсутствие возможности полноценно содержать семью.

Итак, анализ возникающих различных типов неравенств убеждает в том, что женщины-предприниматели, нацеленные на разрешение проблем, а не на их накапливание, вполне могут справиться с жизненными ситуациями, если решат, что это им действительно необходимо.

Находят ли женщины во власти счастье в семейной жизни?

Оценки женщин влияния работы на семью весьма противоречивы и могут быть объединены в три различные позиции.

Первая позиция. Работа не только не мешает, но способствует росту авторитета женщины в семье. Этот авторитет тем выше, чем больше ее карьерный рост поддерживается мужем, детьми и остальными членами семьи. В этом случае муж по мере возможностей берет на себя часть семейных обя-

занностей. Данный вариант чаще всего реализуется в рамках семьи, в которой сложились эгалитарные отношения между супругами.

Вторая позиция. Работа мешает семье, но супругам удается находить взаимопонимание, хотя это не всегда бывает легко. Часто это удается в том случае, если муж не демонстрирует больших амбиций и согласен смириться с карьерным ростом жены. Как правило, в этом случае заботы о семье ложатся на родственников и частично на мужа.

Третья позиция. Работа и карьерный рост женщины негативно сказываются на семейных отношениях. В этом случае либо брак заканчивается разводом, либо отношения в семье становятся конфликтными. Негативные последствия для брака наблюдаются в том случае, когда семья изначально строилась по модели традиционного распределения женских и мужских семейных ролей.

Жизнь подавляющего числа женщин, принявших участие в исследовании, складывается в соответствии с первым сценарием. Для них семья – это не помеха, а тыл, благодаря которому они могут себе позволить высокие рабочие нагрузки. Хотя некоторые респондентки откровенно признают, что не всегда высокая занятость на работе способствует хорошей семейной жизни: *«Я считаю, что у женщины-руководителя во власти и бизнесе могут быть два положения. Либо она вообще без семьи и отдается работе полностью, либо у нее настолько защищенные тылы, что она может себе позволить работать»*, – считает региональный министр образования. Большинство опрошенных в ходе исследования женщин убеждены, что их карьерный рост не сопровождается напряженными отношениями в семье. Как правило, хорошие отношения в семье сохраняются в том случае, если мужчина и женщина способны поддерживать эгалитарную форму отношений и не делят семейные роли на мужские и женские. Только в этом случае мужчина соглашается компенсировать женскую занятость и выполнять семейные функции, в том числе по воспитанию детей: *«Мой муж – интеллектual, он живет в своем мире, но детей растил практически он. Он всегда компенсировал мою занятость. Это большое дело. Я реально понимала, что на этой работе меня не будут держать, если я буду постоянно на больничном. Сейчас дети выросли, все стало проще и одновременно труднее...»*

Чаще всего хорошие отношения в семье – это заслуга самих женщин, так как они успешно контролируют свое поведение за пределами рабочего кабинета и оставляют на работе свои амбиции. *«Для меня очень ценно, что у меня есть тыл. В семье я веду себя по-разному, в зависимости от обстановки на работе. Дома я пытаюсь выстроить барьер от работы. Если в министерстве я командую полком, то, когда прихожу домой, хочу, чтобы меня не трогали... Дома я стараюсь ни на кого не наезжать»*, – делится своими проблемами региональный министр. – *«Я благодарна судьбе за то, что у ме-*

ня понимающий муж. Я понимаю, что муж – не мой подчиненный, а ребенок тем более. Так что проблем в семье у нас нет», – говорится в другой анкете.

Нередко успешное распределение семейных и рабочих ролей происходит благодаря высокой внутренней организации женщины, которая отлично понимает: каковы бы у нее ни были успехи на работе, это не отменяет семейных обязанностей: *«Семья моя от моей работы не страдает. Работа не влияет на качество моей семейной жизни. Почему? Просто женщина учится более рационально организовывать свое время. Она понимает, что у нее две работы. На работе она должна четко все спланировать так, чтобы к концу дня не вымотаться полностью и быть способной еще выполнять семейные роли...»*

У женщины ощущение успешности или неуспешности брака во многом определяется позицией мужчины по отношению к ее карьерному росту. Тот мужчина, который способен разделить и принять карьерные устремления женщин, компенсировать ее отсутствие в семье, не предъявляя своих претензий, сохраняет не только семью, но и эмоциональную привязанность жены. *«Может быть, какие-то переживания по поводу моей карьеры у мужа были, но они никогда не выходили наружу. Наш брак объединяло прожитое вместе время перемен. Каждый раз что-то строилось или рушилось, не было работы то у него, то у меня. Каждый из нас в разные моменты был вынужден содержать семью. Но когда у мужа появлялась возможность быть главным финансистом семьи, он испытывал от этого радость».* Некоторые мужчины в сложившихся браках не просто смиряются с карьерным ростом женщины, но даже подталкивают ее к постоянному продвижению, понимая, что реализовавшаяся и успешная женщина – это лучше, чем нереализовавшаяся и неуспешная. *«У меня муж старше меня. Он достаточно спокойно воспринимает мой характер и разделяет мой рост. Его принцип: если у тебя получается реализовываться, то надо идти вперед».*

Важно отметить, что лидерство женщин на работе необязательно проецируется на семью. В успешных браках женщина с талантом руководителя нередко осознанно отдает бразды правления семьей в руки мужчины и бывает этим вполне удовлетворена. *«Со вторым мужем я встретила на пике своего подъема. Я была успешна и меня все интересовало. Он во всем меня поддерживает – материально, морально, своими связями. В наших отношениях он доминирует и это меня устраивает. Женщине важно иметь рядом плечо, мужчину, который брал бы на себя ответственность за семью, решал бы возникающие задачи».* Некоторые респондентки признают, что их муж стал помощником не только в семейных ролях, но даже в решении рабочих задач: *«Мой муж помощник мне во всем. Он трезвый и логичный человек. Я, если честно, очень эмоциональна, а он все может разложить по полочкам. Он – главный мой советник и ценитель, он выстраивает логические*

обоснования моих решений, а я чаще всего поступаю интуитивно, иногда не понимая, почему я действую именно так», – говорит депутат городской думы и известная в своем городе предпринимательница.

Для вдовствующих женщин символом семьи становятся дети, и они многое готовы сделать, чтобы дети сохраняли привязанность и уважение к матери: *«Если рассмотреть мою шкалу ценностей, то для меня была, есть и будет самым важным моя семья, мои дети и родители. В свое время, когда умер муж, и я осталась одна, для меня было важно сохранить привязанность детей к семье. Я достигла того, чего хотела, хотя это было непросто. И я никогда не позволю работе это разрушить».* Те женщины, для которых дети являются мерилем успешности их семейной жизни, готовы потратить немало усилий, чтобы дети поняли их положение и мотивы: *«Очень важно для матери взрослого сына не превратиться в нечто отжившее. Уважение к тебе как к личности – это вещь очень значимая в семье. Все мои перемещения я обсуждаю в семье, мне хочется, чтобы дети меня уважали и понимали. И они меня не разочаровывают».* Следует признать, что в таких семьях дети уважают мать, что служит особым предметом ее гордости: *«Мне всегда хотелось компенсировать детям то, что я им не дала. Я старалась привезти детям из командировок что-нибудь необычное. Помню, как в 7 классе моя дочь писала сочинение. Звонит мне в рабочее время и говорит: “Мама, я сейчас пишу сочинение о том, кем я хочу быть. Я хочу быть тобой. Мне нужно, чтобы ты срочно ответила на вопрос: где учат заниматься молодежной политикой”. Я была потрясена, даже слезы на глазах появились. Я думаю, что это результат нашего редкого общения, у нее ощущение, что моя жизнь наполнена. У нее есть легенда по имени “мама”».*

Таким образом, важным компонентом позитивной мотивации для достижения успеха во власти, служит ситуация приятия достижений женщин со стороны мужа, детей и других родственников.

Другая позиция – промежуточная, когда женщинам удается сохранять мир в семье, но за счет серьезных внутренних усилий с обеих сторон. Именно в этом случае женщины говорят, что для них сохранить баланс между работой и семьей непросто. И даже если это в принципе удастся, то не снимает чувства вины по отношению к семье, особенно детям. «У меня хобби – моя работа. Свободного времени практически нет, и я считаю, что это очень плохо. Теперь я вижу, что я забираю что-то у своих детей... Но пытаюсь нехватку времени обязательно чем-то компенсировать...» Нередко в семьях со скрытой конфликтностью женщины вполне осознанно ставят работу на первое место, а семью – на второе, хотя прекрасно понимают, что подобное отношение к семейным ролям противоречит традиционным представлениям о женщине как матери и жене. *«У женщины власть забирает время и не только его. Мы поступаемся личным временем, привычными ролями, внут-*

ренними возможностями. Но я не страдаю. Я называю себя женщиной-машиной. Не хотелось бы так говорить, но работа для меня важнее семейных ролей. Может быть, оттого, что я трудоголик, я себя во власти комфортно чувствую. Муж недоволен, но я отвечаю на его упреки: ты 27 лет служил Родине, я тебе помогала, ждала тебя. А теперь я служу государству», – убеждена советник губернатора по социальным вопросам.

Женщины, которые говорят об открытой конфликтности внутри семьи, составляют одну четверть выборки. Они признают, что высокая загруженность на работе и карьерное превосходство над мужчиной в семье сопровождаются конфликтами, которые то затухают, то стихают, но в любом случае это создает дополнительный канал внутреннего напряжения. *«Мужчины в семье любят, чтобы о них заботились. Сложно из-за этого нашей семье. Мы женаты уже 25 лет, но легче не становится. Он не хотел, чтобы я работала во власти, хотел, чтобы я на даче сидела».*

Важно отметить, что женщинам, потерявшим мужа или разведенным, повторный брак дается нелегко, прежде всего потому что лидирующая позиция женщины нередко вызывает неприятие окружающих мужчин. Как правило, сами женщины считают, что конфликты в семье из-за их лидирующих позиций со временем исчезнут, так как молодым более свойственна эгалитарная форма отношений в семье на фоне ослабления традиционного распределения семейных обязанностей. *«Молодые семьи сегодня уже живут иначе. Со временем это укрепится. Большой плюс молодых семей в том, что там нет традиционных ролей. Там каждый действует так, как сейчас надо для семьи. Поэтому молодежь у нас очень перспективная, она сейчас по-другому мыслит. Да и девочки сейчас другие, они не согласны быть просто рабыней Изаурой. Они должны успеть реализоваться в жизни», –* считает советник губернатора.

Некоторые из женщин во власти осознанно выбирают одиночество, полагая, что семья – это не единственная форма устройства их личной жизни: *«У меня нет семьи, но это осознанное одиночество. Когда я хочу пообщаться с друзьями, я это делаю, но когда не хочу – остаюсь одна, и это ценно для меня. Я так восстанавливаюсь».*

Какой бы из трех описанных позиций ни придерживались женщины-руководители, как бы удачно родственники ни брали на себя женские нагрузки в семье, сочетать семейные роли и руководящие позиции во власти – это большой труд, и прежде всего, – труд женщины над собой. Более того – это нелегкий выбор, который следует сделать. *«Быть на вершине власти трудно. Это большая жертвенность. Женщина во власти должна выбрать – работа или семья. Хорошо, если ей везет с мужем, а если нет?»* – задается вопросом один из руководителей города, женщина, проработавшая во власти не один десяток лет.

Итак, как показывают материалы двух исследований, сочетание семейных ролей и лидерских позиций для женщин в бизнесе и власти становится возможным лишь в том случае, если семья строится по эгалитарному принципу. Если же мужчина настаивает на сохранении традиционной модели семейных отношений, то вероятность разрушения такого брака достаточно высока. Женщины во власти, как и женщины в бизнесе в России, испытывают выраженное чувство вины по отношению к своим детям. Нехватку времени на общение с детьми они компенсируют необычными подарками, исполнением детских желаний. Как правило, дети адаптируются к занятости матерей и даже гордятся их достижениями. Но в любом случае нести домашнюю нагрузку в полном объеме женщины не могут, а иногда и не хотят. Это создает дополнительное напряжение, которое снимается участием в решении семейных проблем мужа либо других родственников.

Нельзя исключить, что лидерский потенциал женщин может мешать им в налаживании семейных отношений, однако если карьерные и материальные успехи наращиваются постепенно, то это оказывает менее разрушительное воздействие на семью, нежели стремительные взлеты. В любом случае это в сильной степени зависит от установок мужчины, от его способности отказаться от стереотипных представлений о роли женщины в семье.

Т.А. Воронина

**ПРАКТИКА ПОСТА В «СКАЗАНИЯХ О 12-ТИ ПЯТНИЦАХ»
(XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Воронина Татьяна Андреевна – кандидат
исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН.

Со времени Крещения Руси (988) широкое распространение получила практика постов, которые соблюдались в соответствии с церковными установлениями. Из 365/6 календарных дней года на посты приходилось около 220 дней, т.е. большая часть года. Особым благочестием в соблюдении православных постов отличалось крестьянство (6, с. 136–147). Помимо многодневных и однодневных постов, соблюдавшихся по церковному уставу, в народной практике получил распространение пост, приуроченный к особым двенадцати пятницам. Это нашло отражение в так называемых «сказаниях о 12-ти пятницах», которые бытовали по всей территории России в XIX – начале XX в., на что обратили внимание многие отечественные исследователи.

Почитание в народе пятого дня недели, конечно же, прежде всего связано с евангельским временем и мученической кончиной Иисуса Христа в этот день. О значении пятницы писали А.Н. Афанасьев, Д.К. Зеленин, А. Львовский, И. Порфирьев, Н. Тихонравов (1, с. 231–242; 8, с. 576; 11; 18; 22, 302–303). Отметим, что некоторые исследователи указывали на связь пятницы с дохристианскими пережитками, например с культом языческой богини Моккоши (24, с. 134–138).

А.Н. Веселовский изучил многие варианты «сказания о 12-ти пятницах», указанные в средневековых пересказах на английский, французский, немецкий, итальянский, сербский и другие языки (5, с. 328–333, 366). Он заключил, что сказание бытовало в двух различных редакциях, из которых первая известна как Элевферьевская, а вторая как Климентовская (по имени св. Климента, папы Римского). А.Н. Веселовский, сличая обе редакции сказаний, сделал вывод, что в первой редакции преобладали ветхозаветные сюже-

ты, а во второй – новозаветные (10, с. 334, 349, 352). Что же касается России, то здесь чаще бытовала вторая редакция.

«Сказание о 12-ти пятницах» не случайно приписывалось святому Клименту, папе Римскому (день памяти 25 ноября / 8 декабря). За свою приверженность христианству он был сослан в Херсонес Таврический, где в 101 г. казнен. В 861 г. его мощи были обретены равноапостольными Кириллом и Мефодием, просветителями славян. В 988 г. князь Владимир перенес из Херсонеса в Киев часть мощей (главу) подвижника, которые стали первой государственной древнерусской святыней, а святой Климент – первым небесным покровителем Руси (16, с. 148–150).

Поводом для написания статьи И. Некрасову (1870) послужило обнаружение кардиналом Питра в 1864 г. в одной из рукописей Ватикана греческого текста «сказания о 12-ти пятницах», который начинался так: «И я, Климент, папа Рима, узнал из божественных писаний, что существуют 12 пятниц года, которые, если будет соблюдать христианин с искренним сердцем, исповедуя свои грехи и постясь до вечера на хлебе и на воде, не вспомнит Господь грехов его...» И. Некрасов предположил, что «сказание о 12-ти пятницах» было исключительно славянским изобретением, которое разошлось впоследствии по Западной Европе в разных вариантах (14, с. 2–6).

В данной статье основное внимание уделяется соблюдению поста как выражению народного благочестия и тем традициям, которые сопровождали пост по 12 особым пятницам, приуроченным к некоторым праздникам церковного календаря.

Круг источников для написания статьи включает как рукописные, так и опубликованные материалы. Ценным источником стали материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (Тенишевского бюро), созданного в Петербурге в конце XIX в.¹ Они представляют собой ответы на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», охватывавшей многие стороны народного быта, включая сведения о почитании постом пятниц.

Как уже говорилось, почитание пятницы ведет свое начало с первых веков распространения христианства. С III в. становится известным имя святой Параскевы (по-гречески – пятницы), которая, будучи дочерью богатых родителей, с юности посвятила себя аскетической жизни. За исповедание христианской веры она была казнена при римском императоре Диоклетиане (17, стб. 1761) и впоследствии вошла в сонм канонизированных святых. Почитание святой великомученицы Параскевы, нареченной Пятница, очень быстро распространилось на Руси с принятием христианства. Возникший в XI в. в

---

1. В настоящее время материалы Тенишевского бюро находятся в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге (далее – АРЭМ). Фонд 7.

греческой церкви спор о том, следует ли соблюдать пост в среду и пятницу, если на них приходятся великие праздники, проник в XII в. и в русскую среду. Здесь это произвело настолько сильное впечатление, что пришлось созвать в 1168 г. Собор, который санкционировал соблюдение поста в пятницу, даже если на него выпадал какой-нибудь праздник, кроме Рождества Христова и Богоявления (5, с. 366).

«Сказания о 12-ти пятницах» были распространены уже в XI в. благодаря «каликам переходим» – странникам, слепцам, нищим, которые распевали их в виде духовных стихов и этим зарабатывали себе на жизнь (14, с. 6, 20). Духовные стихи, по определению С.Е. Никитиной, были посредниками «между книжной христианской и устной народной культурой» (15, с. 33). Имея большое сходство с былинами, они носили эпический характер и первоначально получили большое распространение в устной традиции. В духовных стихах предлагалось почитать пятницу «святым постом и молитвою, верою и любовию, кротостию и смирением», в пятницу «быть в посте и молитве, доброю совестью и чистым сердцем». Однако «сказание о 12-ти пятницах» относилось к апокрифическим текстам, которые постановлением Лаодикийского собора (правило 59) запрещались, поэтому церковь не признавала этих апокрифов, поскольку их сопровождало множество суеверий.

В последующие столетия пост в среду и пятницу в народе сильно распространился. В «Слове св. отца Пахомия о среде и пятке» эти два дня олицетворялись в виде двух ангелов, ведущих в рай тех, кто их почитал. В духовных стихах о Страшном суде говорилось, что соблюдение среды и пятницы отворяет райские двери, тогда так пренебрежение к ним уготовляет адские муки (5, с. 355). Но особенно укоренился пост в пятницу, поскольку народ олицетворял пятницу в виде святой мученицы Параскевы и отмечал ее память 28 октября / 10 октября (17, стб. 1945–1946). В древнерусском стихе «Прощание души с телом» говорилось о вечных мучениях души, которая в пятницу «платья золовала, льны рядовала» (т.е. стирала и пряла). По народным верованиям, святая Параскева (Пятница) наблюдала за празднованием своего дня и строго наказывала отступников, поэтому крестьянки старались по пятницам не прясть (25, с. 137). И хотя Стоглавый собор 1551 г. осудил тех, кто велел «в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и камня не разжигати» (глава 41), в народе старались придерживаться многовековой традиции.

Источники показывают, что в XIX – начале XX в. наибольшее распространение получили так называемые «именные» или «временные» пятницы, которые перечислялись в рукописном «сказании о 12-ти пятницах». За соблюдение поста в эти дни полагались разные преимущества (17, стб. 1945–1946).

В XIX в. текст «сказаний о 12-ти пятницах» в Климентовской редакции широко бытовал в разных регионах России в разных вариантах, в духовных стихах он обычно начинался так: «Придите, братия, послушайте // Писания Божия, поучения // Святаго Климента, папы Римского // Про двенадцать великия пятницы» (4, с. 579–586). Бытование рукописных списков о почитании 12-ти пятниц в Вологодской губернии в 1890-е годы отмечали многие корреспонденты Тенишевского бюро. Так, А. Аристархов отмечал, что «Сказание о пятницах двенадцати, в которые, если будет человек поститься, то спасется» продавали владимирские разносчики². Н.А. Иваницкий опубликовал два списка «О почитании пятниц больших в году», которые почти не различались между собою. Ниже приводится первый список, в скобках даются добавления или замена из второго списка. Согласно им, суть поста в эти дни состояла в следующем:

1. На первой неделе поста Великого. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от беды сохранен будет.
2. Перед Благовещением. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от диавола скаредного (убийства) сохранен будет.
3. На Страстной неделе. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от неприятеля сохранен (муки вечной избавлен) будет.
4. Пред Вознесением Господним. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от потопления (водного) сохранен (избавлен) будет.
5. Пред Духовым днем. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от вострого меча сохранен (избавлен) будет.
6. Пред Рождеством Иоанна Предтечи. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от скудости (недостатку и скудости) сохранен будет.
7. Пред Илиею пророком. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек муки вечной (огня и меча) избавлен будет.
8. Пред Успением Пресвятой богородицы. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от всякого смущения (от веснухи) избавлен будет.
9. Пред Кузьмою-Дамианом. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек от зле (?) нападения сохранен (от всякого греха избавлен) будет.
10. Пред Михаилом-Архангелом. Кто сию пятницу почитает (постится), того человека имя написано будет у Пресвятой Богородицы (от падучей болезни избавлен будет).
11. Пред Рождеством Христовым. Кто сию пятницу почитает (постится), тот человек при смерти своей Пресвятую Богородицу узрит.
12. Пред Крещением. Кто сию пятницу почитает (постится), того человека имя написано будет у самого Господа нашего Иисуса Христа во веки веков аминь (написано буде в книге животной) (9, с. 144).

---

2. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 123. Л. 17, 19; Д. 274. Л. 2. Вологодский и Кадниковский уезды.

Как это видно из текста, каждой из временных пятниц приписывалась особенная благодать для тех, кто постился.

По сообщениям, поступившим в Тенишевское бюро, пятницы почитались в Калужской губернии³. А.В. Балов писал, что крестьяне Ярославской губернии также держали сугубый пост по пятницам, т.е. ели только хлеб и пили воду (3, с. 122–123). Д.К. Зеленин сообщал из Вятской губернии, что «пятничать» означало не есть совсем до заката солнца в 12 «больших» пятниц в году, перед большими праздниками церковного года⁴. В Нижегородской губернии тоже бытовало «Поучение Климента» в виде рукописного списка⁵.

Судя по текстам сказаний, в народе особо почитали день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (29 августа / 11 сентября). В Мещевском уезде Калужской губернии, как впрочем, и по всей России, его называли «Иванов день» или «Иван Постный». В Зарайском уезде Рязанской губернии многие набожные женщины за неделю до праздника налагали на себя произвольный пост, а в день праздника не ели ничего шарообразного. (Напомним, что Иоанн Креститель был обезглавлен по приказу царя Ирода.) Иные «не разговлялись» с Успенского поста (он длился с 1 по 14 августа по старому стилю) вплоть до дня праздника (19, с. 76). Крестьяне Ярославской губернии в день памяти святого Иоанна Предтечи тоже не ели овощи, имеющие шаровидную форму, как, например, капусту, репу, картофель и т.п. (3, с. 122–123). В Пензенской губернии в честь Иоанна Крестителя также соблюдали пост, продолжавшийся от Успения до дня его памяти, т.е. с 15 до 29 августа (по старому стилю)⁶. На Урале крестьяне за неделю до Иванова дня не ели блюда из капусты (23, с. 94, 114). В Вятской губернии крестьяне, «особливо старухи», соблюдали пост в Ивановскую неделю⁷, т.е. с Успения до дня памяти святого.

Почитание 12-ти пятниц отмечалось в Пензенской, Курской, Псковской и др. губерниях⁸. В Нижегородской губернии в 1899 г. были известны, например, случаи, когда больные крестьяне, несмотря на рекомендации земского врача, готовы были скорее умереть, чем в среду и пятницу съесть что-либо скоромное⁹.

---

3. Там же. Оп. 1. Д. 520. Л. 33. Калужский уезд.

4. Там же. Оп. 1. Д. 441. Л. 15. Саранский уезд.

5. Там же. Оп. 1. Д. 668. Л. 6. Макарьевский уезд.

6. Там же. Оп. 1. Д. 1898. Л. 44.

7. Там же. Оп. 1. Д. 441. Л. 16. Саранский уезд.

8. Там же. Оп. 1. Д. 1314. Л. 19. Инсарский уезд; Д. 630. Л. 28–29. Обоянский уезд; Д. 1411. Л. 33.

9. Там же. Оп. 1. Д. 653. Л. 10. Васильсурский уезд.

Как это очевидно из текста сказания, в народе особо почиталась Ильинская пятница (20, с. 537). В Вологодской губернии многие женщины держали недельный пост в честь святого пророка Илии (20 июля / 2 августа), особенно в тех селах, где были построены храмы в его честь¹⁰. Многие крестьяне г. Котельнича Вятской губернии постились всю Ильинскую неделю. Особенно строгий пост соблюдали в Ильинскую пятницу, а за работу принимались только после обедни. Корреспондент Тенишевского бюро Л. Гребнев сообщал в 1898 г., что крестьяне Вятской губернии также почитали постом Ильинскую пятницу¹¹. В Тверской губернии работа в Ильинскую пятницу считалась совершенно недопустимой. Запрещалось справлять даже помочи, несмотря даже на то, что «народ смотрит на них как на дела помощи ближним»¹².

В Казанской губернии, как отмечал корреспондент Тенишевского бюро Т.Ф. Иванов, некоторые крестьяне соблюдали строгий пост в пятницу перед Воздвижением Креста Господня (14 / 27 сентября)¹³. Кстати, в Вологодской губернии крестьяне постились на праздник Воздвиженья, чтобы медведи не трогали их коров (9, с. 38).

Жители Калужской губернии соблюдали запрет прясть в пятницу, которую персонифицировали как Параскеву. А одна женщина, которая стала прясть, даже подверглась штрафу: «Пятницу не пожалела – глаза выколола»¹⁴. Многие женщины на Урале также не пряли по пятницам (23, с. 94). В Пензенской губернии многие считали пятницу, как понедельник и среду, «тяжелыми» днями¹⁵.

К святой Параскеве девушки обращались с молитвой о женихе. В Калужской губернии крестьяне ее почитали как покровительницу девиц¹⁶.

Благочестивое отношение народа к пятнице сказалось и на временном воздержании от супружеских связей. В древнерусской «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем» было сказано: «Кто смесится с женою в пятницу и в субботу и в неделю (воскресенье. – Т.В.), да еще зачнет, и будет тать, или разбойник, или блудник» (22, с. 302–303). В XIX в. в народе по-прежнему считали, что с наступлением постных дней мужу и жене необходимо было воздерживаться от интимных связей, нарушение же запрета приводило к рождению больных и слабых детей. Этой традиции старались придерживаться наиболее благочестивые крестьяне. По-видимому, угроза

---

10. Там же. Оп. 1. Д. 1888. Л. 6.

11. Там же. Оп. 1. Д. 433. Л. 4, 7, 9. Орловский уезд.

12. Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 37–40; Д. 1725. Л. 8.; Д. 1879. Л. 12. Зубцовский уезд.

13. Там же. Оп. 1. Д. 467. Л. 30–31. Село Три Озера.

14. Там же. Оп. 1. Д. 529. Л. 4 об.; Д. 531. Л. 15, 23. Козельский уезд.

15. Там же. Оп. 1. Д. 1898. Л. 27.

16. Там же. Оп. 1. Д. 556. Л. 7. Тарусский уезд.

рождения нездоровых детей заставляла их временно избегать интимных связей. В. Степанов сообщал о распространенном среди местных жителей в Клинском уезде Московской губернии поверии о том, что дети, зачатые под праздник, обязательно будут иметь какие-нибудь физические и нравственные недостатки (21, с. 224). Крестьяне Псковской губернии считали, что выкидыш у женщин случался из-за грехов матери: либо она спала с мужем под праздник, либо не соблюдала посты, либо нерадиво молилась в церкви¹⁷. В.П. Милорадович записал стихи в Лубенском уезде Полтавской губернии, в которых говорилось о последствиях нарушения запрета: «Кто эти пятницы не станет постить // И постом и молитвами, // Ежели во се те пятницы // Муж жене прилежен будет, // Зародится от них детище недоброе, // Либо вор, либо плут, либо пьяница, // Клеветник, еретник, или душем пагубник» (12, с. 464–465).

Обычай воздерживаться в известные дни от интимных отношений между супругами соблюдался и во Владимирской губернии¹⁸. Г.К. Завойко писал, что один из пожилых крестьян д. Лужки Вязниковского уезда, который был дважды женат, но остался вдовцом, в откровенной беседе с ним поведал, что он лет до пятидесяти почти каждую ночь под пятницу, среду и воскресные дни «наблюдал», т.е. «пребывал в чистоте» (7, с. 161–162).

Помимо «временных» или «именных» пятниц, которые приходились перед главными годовыми праздниками, в народе почитались «обетные» пятницы, т.е. основанные на обете, данном одним лицом или целым миром, по случаю неурожая хлеба, падежа скота, тяжких болезней и других бедствий. Крестьяне давали обет не только держать строгий пост по некоторым пятницам, но и проводить их как праздничные дни, что сопровождалось стечением народа к церкви. Следствием этого стало устройство торговых дней по пятницам (18, с. 187–188).

И. Калинин сообщает названия девяти «обетных» пятниц: Обжорная (на третьей неделе Великого поста), Страстная, Спасовая, Временная, Разгульная, Молебная, Кающаяся, Праздничная (в день святой Параскевы) и Девятая пятница после Пасхи (10, с. 311). В Ярославской губернии, где праздник святой Параскевы был распространен весьма широко, «Девятая» пятница праздновалась как храмовый праздник (2, с. 130). В Тамбовской губернии также соблюдали пост в Девятую пятницу (13, с. 35).

Таким образом, использованные источники позволяют сделать вывод, что в XIX – начале XX в. практика поста по особым 12 пятницам, приуроченным к празднованию некоторых праздников церковного календаря, в народной среде была очень распространена. Широкое бытование апокрифических

---

17. Там же. Оп. 1. Д. 1411. Л. 9–10. Порховский уезд.

18. Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 41. Меленковский уезд.

«сказаний о 12-ти пятницах» свидетельствует, что, соблюдая пост, крестьяне видели в святой Параскеве (Пятнице) надежную покровительницу и помощницу во многих их домашних и личных делах. В целом, помимо соблюдения поста по пятницам в дни, установленные церковным уставом, дополнительные посты по пятницам могут рассматриваться как яркое проявление народного благочестия.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М., 1865. – Т. 1. – С. 231–242.
2. Балов В.А. Праздники и пятницы в Пошехонском уезде // Ярославские губернские ведомости. – 1895. – № 128. – С. 130.
3. Балов А.В. Очерки Пошехонья. Верования // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). – 1901. – № 4. – Кн. 51. – С. 122–123.
4. Безсонов П. Калики переходные // Этнографический сборник. – 1862. – Вып. 5. – С. 579–586.
5. Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. – 1876. – № 6. – С. 317–366.
6. Воронина Т.А. Традиции соблюдения поста в крестьянской среде // Россия и современный мир. – 2010. – № 3 (68). – С. 136–147.
7. Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. – 1914. – № 3–4. – Кн. 103–104. – С. 117–162.
8. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества. – Вып. 1–3. – Пг., 1914–1916.
9. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. – Труды этнографического отдела. – Т. XI. – М., 1890.
10. Калинин И. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. 7. – СПб., 1877. – 216 с.
11. Львовский А. Пятница в жизни русского народа // Живописная Россия. Т. 2. – 1902.
12. Милорадович В.П. Народные обряды и песни Лебеского уезда Полтавской губернии, записанные в 1888–1895 гг. Харьков, 1897 // Живая старина (далее – ЖС). – 1899. – Вып. 3–4. – С. 464–465.
13. Можаровский А.Л. Отголоски старины и народности. – Тамбов, 1903. – 160 с.
14. Некрасов И. Замечания по поводу русского народного сказания о двенадцати пятницах. (К вопросу о происхождении духовных народных стихов) // Филологические записки. – Вып. 1. – Воронеж, 1870. – С. 1–26.
15. Никитина С.Е. «Стих надо петь важно и умильно...» // ЖС. – № 3. – 1994.
16. Палицын А.В. Св. Климент Римский – символ единства христиан в памятниках церковной архитектуры Москвы // Россия и современный мир. – 2010. – № 3 (68). – С. 148–158.
17. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. – М.: Возрождение, 1992. – Т. 2. – 2464 стб.
18. Порфирьев И. О почитании среды и пятницы в древнем русском народе // Православный собеседник. – № 1. – 1859.

19. Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 24–145.
20. Синозерский М. Смесь // ЖС. – 1896. – Вып. 3, 4. – С. 537.
21. Степанов В. Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском уезде Московской губернии. (Собраны по программе В.Н. Харузиной) // ЭО. – 1906. – № 3–4. – Кн. 70–71.
22. Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. – В 2 т. – СПб., 1863.
23. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 360 с.
24. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) – М., Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.
25. Чернышева М.Б. Музыкальная культура русского населения Верхотамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. – М., 1982. – С. 129–138.

А.А. Тюняев

**СКОЛЬКО ЛЕТ МОСКВЕ?
(К ВОПРОСУ О СПОРАХ МЕЖДУ АРХЕОЛОГАМИ
И ЛЕТОПИСЦАМИ)**

Тюняев А.А. – президент Академии фундаментальных наук.

*«Были на этом месте села красные, хорошие».
(Древнерусское сказание)*

Всему миру известна дата основания Москвы. «1147» – это год первого упоминания Москвы в христианских летописях. Однако в конце апреля 2007 г. в новостных лентах появилось сообщение: «Археологи считают, что Москва появилась на 200 лет раньше 1147 года» (14). К такому выводу пришел заведующий сектором археологии Москвы Института археологии Российской академии наук доктор исторических наук Леонид Беляев, проводивший исследования на территории Свято-Даниловского монастыря. По его мнению, *«здесь было древнейшее славянское поселение на территории Москвы. Мы считаем, что это IX век, если не раньше»* (15). Об этом говорят спектрографический и типологический анализы обнаруженной здесь керамики. Кроме того, Л. Беляев предполагает возможность существования на современной территории Москвы поселений, уже начиная с V в. до н.э. (там же).

Это не единственный случай «спора» археологии и летописных источников. Так, в самом начале марта 2010 г. по новостным лентам прошло сообщение, красноречиво озаглавленное «Археологи выиграли спор у древних летописей о более ранней дате основания Полоцка». В 2009 г. археологическая экспедиция Института истории Национальной академии наук республики Беларусь под руководством М. Климова обнаружила доказательства тому, что Полоцк существовал уже в первой половине IX в. То есть раньше, чем под датой «862» состоялось первое упоминание этого города в легендарной «Повести временных лет». Основанием для такого вывода явилось то, что на территории древнего городища, первоначального центра Полоцка, были обна-

ружены четыре фрагмента «арабских» серебряных монет – дирхемов, отчеканенных в 800–825 гг. (13).

Другой пример. В самом начале июня 1999 г. на Международной конференции «Средневековая Казань: возникновение, развитие» мэра г. Казани К. Исхаков обратился к ученым с просьбой дать заключение о возрасте города, отметив, что к настоящему моменту ученые, археологи, библиографы накопили обширный доказательный материал, и что, по его мнению, Казань имеет гораздо более древний возраст. В рамках просьбы, помимо прочего археологического материала, были исследованы найденные при раскопках Казанского Кремля древние монеты (19), и послушные независимые участники конференции «пришли к мнению, что комплексный анализ накопленных материалов позволяет сформулировать вывод о возникновении г. Казани в конце 10-го – начале 11-го столетия и считают целесообразным празднование 1000-летнего юбилея г. Казани в начале третьего тысячелетия» (16). В таком важном деле К. Исхакова поддержал министр культуры Российской Федерации (тогда это был В.К. Егоров), в своем выступлении также предположивший, что «нынешние исследования по вопросу возраста Казани позволят будущим поколениям Татарстана открыть новые, еще более древние пласты истории Казани» (10).

Удивительно, но министр ни слова не сказал, что будущим поколениям русских тоже, возможно, захочется открыть более древние пласты истории Москвы. И действительно, Александр Векслер, тогдашний главный археолог Москвы, автор более трехсот научных публикаций по археологии, архитектуре, культуре и быту Москвы, обладатель знака отличия «За заслуги перед Москвой» в своей недавней работе «Новые археологические данные о предградии Московского Кремля» в том же 1999 г. опубликовал новые данные о древности Москвы. Наша столица – обширный археологический комплекс, который включает более ста памятников Средневековья в исторической части города. Планировочную структуру Москвы издревле составляли град (впоследствии Кремль) и его предградие – посад, непосредственно прилегавшие к первоначальной крепости (9).

Археологические исследования 1990-х годов существенно расширили представления о развитии территории Москвы в динамике исторического роста. Особо важную информацию археологи почерпнули при исследовании предградия, окружающего Московский Кремль. При раскопках ряда объектов Занеглименья (Старое Ваганьково, Волхонка, Манежная и Арбатская площади) обнаружены древнерусские украшения и предметы быта. Во Всехсвятском проезде у храма Христа Спасителя найдены вятические украшения. И на этом же месте ранее обнаружен клад «арабских» дирхемов IX в., что, по мнению А.Г. Векслера, «подчеркивает нерядовой характер раннего поселения» (9).

Раскопками на Старом Гостином дворе обнаружены древнерусские украшения, относящиеся к долетописному времени. Раскопками вдоль Ильинки, от начала улицы и вплоть до крепостной стены Китай-города, открыта древняя мостовая в 23 яруса. Начиная от раннего времени, она регулярно ремонтировалась, и сооружались новые бревенчатые мостовые. На участке у Красной площади ниже вымостки обнаружены горизонты первичного освоения территории, которые свидетельствуют о существовании здесь усадебной застройки, перемежавшейся с пахотно-огородным горизонтом. Исследование 16 образцов древесного угля по радиоуглеродному методу дало несколько дат начала распашки и застройки, ранние из них – 890 и 895 гг., поздние – 1041, 1048, 1058, 1072 гг. (9).

Это значит, что в районе Красной площади Москва была распаханной и застроенной за 257 лет до первого упоминания в летописи. Поэтому и А.Г. Векслер делает вывод, что *«археологические материалы свидетельствуют о раннем возрасте ближайших поселений у града», «ранняя Москва имела более обширные пределы, чем это представлялось до недавнего времени»,* и что эти данные открывают *«широкие возможности для корректирования датировок культурного слоя раннефеодального города»* (3).

Уникальные находки вятичских украшений были сделаны в Московском Кремле более 130 лет назад. Вятичи женщин хоронили в подвенечном наряде, со всеми украшениями. *«Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается больше всего случайно открытыми въ 1847 году, при постройкѣ зданія Оружейной Полаты и неподалеку отъ первой по древности въ Москвѣ церкви Рождества Іоанна Предтечи, теперь не существующей, нѣсколькими памятниками языческаго времени. Это двѣ большія серебряныя шейныя гривны или обручи, свитые въ веревку, и двѣ серебряныя серьги-рясы, какія обыкновенно находятъ въ древнихъ курганахъ.»*

Другой поселокъ, столь же древній, находился за Неглинною на мѣстѣ новаго храма Спасителя, гдѣ былъ прежде Алексѣевскій монастырь, тоже на береговой горѣ и при устьѣ потока Черторыя. На этой мѣстности при рытьѣ земли для фундаментовъ новаго храма въ числѣ другихъ предметовъ найдены два серебряныхъ арабскихъ диргема, одинъ 862 г., битый въ городѣ Мервѣ, другой 866 г. {Савельевъ: Мухамеданская нумизматика. Спб., 1847 г., стр. 162.– Ж. М. Н. II. 1847, мартъ, стр. 267}» (11).

Но кремлевские находки в тот момент, в середине XIX в., не заинтересовали московских историков. Лишь спустя несколько десятилетий, выступая на археологическом съезде один из ведущих русских археологов И.Е. Забелин обратил внимание на то, что *«эти находки должны относиться, по всему въроятію, къ концу 9 или къ началу 10-го столѣтія. Кромѣ того, шейныя гривны и серьги по достоинству металла и по своей величинѣ и массивности выходятъ изъ ряда всѣхъ такихъ же предметовъ, какіе доселѣ бы-*

ли открыты в курганах Московской области, что может указывать на особое богатство и знатность древних обитателей Кремлевской береговой горы» (11).

Другая находка подтверждает, что высокопоставленные киевляне успели побывать с официальной миссией в Москве еще до ее «летописного» рождения. Археолог Н.С. Шеляпина в шурфе у стен Оружейной палаты обнаружила свинцовую «вислую», т.е. привешивавшуюся к грамоте, печать (7). Академик РАН В.Л. Янин отнес ее ко времени княжения в Киеве Святополка Изяславовича – к 1093–1096 гг. (6). То есть крепость 1156 г. была построена в уже сложившемся поселении. Но эта крепость не была первой.

При археологических наблюдениях у Большого Кремлевского дворца, близ места находки украшений вятичей, у крутизны Боровицкого мыса был обнаружен древний ров шириной 16–18 м, глубиной 5 м и формой в виде вытянутого, опрокинутого вершиной вниз треугольника. Этот ров и защищал древнейший град. К нему с севера по реке Неглинной и с востока по реке Москве примыкали посады с ремесленно-торговым населением. Москва издревле являлась местным центром, снабжавшим своей продукцией окрестное население. По материалам раскопок можно судить о постепенном складывании рынка, т.е. о том, как город экономически объединял округу (8).

Известный нумизмат А.И. Черепнин еще в конце XIX в. писал, что «клады с куфическими монетами в большинстве случаев довольно определенно обозначают места древнейших поселков и своим числом отчасти указывают на сравнительную густоту древних поселений, существовавших в разных областях Древней Руси в эпоху торговых сношений с арабами». Другой нумизмат А. Бычков в своих работах (6) описывает 15 древних кладов Москвы, относящихся к 860-м годам и состоящих целиком из «арабских» дирхемов. А в XI в. сюда хлынули уже западноевропейские монеты, обнаруженные клады которых описал в своих работах В.Л. Янин.

Группа археологов (4) так и озаглавили: «Докремлевская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ 9/11–14 вв.». Обратим внимание, что самой ранней снова указана дата – IX в. Это на три века раньше летописной даты! Авторы приводят новые данные о размерах, рельефе и керамической хронологии древнерусского селища на территории современной Москвы – Даниловского. Это селище открыто в 1980-х годах в 6 км к югу от средневекового центра Москвы на территории Данилова монастыря (известен с конца XIII в.).

Работами 2000-х годов (4) установлена значительная площадь селища (около 500 м вдоль Москвы-реки) и дата его возникновения – не в конце X–XI вв., как предполагалось ранее, а на 50–100 лет раньше. Установлено также, что центром древнего русского селища являлся приречный мыс, на котором

существовало поселение раннего железного века (вторая половина I тысячелетия до н.э. – рубеж I тысячелетия н.э.), т.е. опять же V в. до н.э. (4).

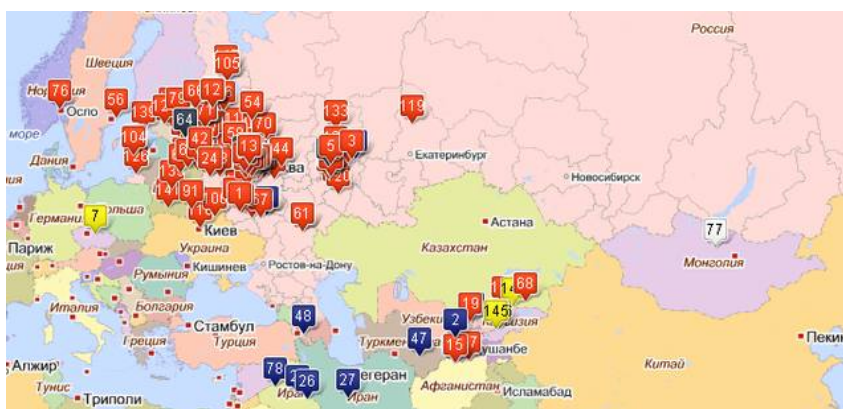
По новым данным, археологи делают закономерный вывод: «Эти сведения важны для решения вопроса о существовании, датировке и расположении поселений, которые должны были предшествовать строительству княжеской крепости в 1150-х годах на Кремлевском холме» (4). Да, Москва это не один холм, даже если он Кремлевский. Москва, как и любой другой город, представляет поселение людей, существовавшее на одном и том же географическом месте. Не случайно авторы делают упор даже не на IX в., что уже удивляет возраст Москвы на 300 лет, а на раннем железном веке, т.е. времени «до новой эры». Началом этого периода ориентировочно считается V в. до н.э. Эта отправная археологическая точка делает возраст Москвы равным 2500 годам.

Но и это не предел для хронологических гипотез. Группы курганов вятичей обнаружены у станции Яуза, в Царицыне, Чертанове, Конькове, Деревлёве, Зюзине, Черемушках, Матвеевском, Филях, Тушине и в других местах. Городища дьяковской культуры раннего железного века открыты у села Дьяково близ Коломенского, на территории Кремля, на Воробьевых горах, на реке Сетунь, в Кунцевском лесопарке и во многих других местах Москвы. Известен фатьяновский могильник бронзового века у села Давыдково, Щукинская неолитическая стоянка на реке Москва и т.д. На территории Северо-Запада столицы известны три стоянки III тыс. до н.э. – Щукинская, в Серебряном Бору и на месте прежней деревни Алёшкино. На территории столицы зафиксировано более 200 археологических памятников, уходящих своими корнями в палеолитические поселения возрастом 20 тыс. лет (2).

Данные антропогенеза говорят, что на Русской равнине обнаружены самые древние стоянки неоантропа (3). Развитие, преемственность и непрерывный характер археологических культур региона прослежены автором данной работы (17). В ней же впервые проведен статистический анализ археологических памятников региона, выявивший наличие многочисленного населения.

Приход в регион Москвы инородного населения состоялся по древним торговым путям. Наиболее ранним из них является «лазуритовый» путь. Согласно археологическим данным, он функционировал уже с IV тысячелетия до н.э. (16). А в III–II тысячелетии до н.э. основным объектом торговых отношений в исследуемом регионе стал янтарь и изделия из него (18). Находки янтаря на территории Москвы связаны с волосовской культурой (1). Несомненно, волосовской культурой распространение украшений из янтаря покрывало территорию от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы (12). Можно предположить, что «янтарный» торговый путь связывал население московского ареала как со странами Европы, так и со странами Средиземноморья.

В дохристианский период раннего Средневековья экономическая жизнь территории Москвы прекрасно маркируется находками «арабских» дирхемов раннего периода (VIII–XI вв.). Вновь масса находок этих монет тяготеет к Московскому региону и землям, расположенным к северо-западу от него, т.е. землям венедов, вятичей и словен (см. рис. 1).

Рис. 1. Находки дирхемов VIII–XI вв.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. летописные свидетельства о временах существования древнерусских городов с вступлением археологических исследований в активную фазу требуют своей корректировки. Так обстоит дело и с установлением возраста Москвы. По мнению большинства исследователей археологии Москвы, ее летописный возраст не отражает действительности и его необходимо удревнить. Такое удревнение возраста Москвы подтверждено многочисленными археологическими находками, аналогичными тем, на основании которых устанавливаются возрасты городов в мировой практике. Наиболее реальным на настоящее время может являться удревнение возраста Москвы на 300 лет.

Литература

1. Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. – М.: Научный мир, 1997. – 191 с.
2. Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. – М.: Научный мир, 2000. – 248 с.
3. Аникевич М.В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // Stratum plus, 2001–2002. – № 1. – С. 266–290.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

---

4. Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г. Докремлевская Москва: Новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ X/XI–XIV вв. // Российская археология. – М., 2010. – № 1. – С. 27–28.
5. Брилева О. Новые загадки эпохи энеолита и раннего бронзового века Кавказа // Наука и жизнь. – М., 2009. – № 9. – С. 17–18.
6. Быков А.А. Загадочные монеты Девицкого клада // Восточный путь. – 1974. – № 2. – С. 14–15 (<http://annals.xlegio.ru/hazar/small/coins.htm>).
7. Векслер А., Мельникова А. Московские клады // Московский рабочий. – М., 1988. – С. 4–5.
8. Векслер А.Г. Историко-археологические исследования Москвы и Подмосковья // Энциклопедия «Москва». – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997. – С. 23–25.
9. Векслер А.Г. Новые археологические данные о предградии Московского кремля // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремль России». – М., 23–26 ноября 1999 г. – С. 13–15.
10. Вступительное слово Исхакова К.Ш. // Материалы международной конференции «Средневековая Казань: Возникновение, развитие». – Казань, 31 мая – 4 июня 1999 г.
11. Забелин И.Е. История города Москвы. – М., 1905. – 674 с.
12. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 10–28.
13. Курило Д. Археологи выиграли спор у древних летописей о более ранней дате основания Полоцка. – Витебск, 2 марта 2010 г. (интернет-версия www.belta.by).
14. Москва появилась на 200 лет раньше 1147 г., считают археологи (<http://www.newsru.com/russia/23apr2007/foundation.htm>)
15. На территории Данилова монастыря существовало славянское поселение // РИА новости. – 23 апреля 2007 г.
16. Резолюция // Материалы международной конференции «Средневековая Казань: Возникновение, развитие». – Казань. 31 мая – 4 июня 1999. – С. 132–133.
17. Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) / Отделение историко-филологических наук РАН; Институт этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт археологии РАН. – М., 2010 – Т. 1. – С. 201–206.
18. Фащук Д.Я. Морской ладан // Химия и жизнь. – 2005. – № 3. – С. 54–59.
19. Хузин Ф.Ш. Новое в археологии древней Казани // Материалы международной конференции «Средневековая Казань: Возникновение, развитие». – Казань. 31 мая – 4 июня 1999 г.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Б.К. Лисин

ВОЖДИ О КАДРАХ, КАДРЫ О ВОЖДЯХ

Лисин Бронислав Константинович – доктор философских наук,
профессор, директор Института стратегических инноваций.

В истории кадровой политики КПСС можно найти и полезные уроки, и захватывающие сюжеты, без знания которых трудно постичь дела минувших дней.

Как известно, основы этой политики КПСС заложил В.И. Ленин. Практически по каждому вопросу организационной и кадровой политики Ленин не только высказывал свои суждения, но и настойчиво и последовательно проводил их в жизнь. В совокупности они описывали модель кадровой политики. Приведем некоторые из этих положений.

«Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих* все больше и больше, помощников... что *он умеет* им помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 325).

Работников следует оценивать «а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей...» (Полн. собр. соч., т. 53, с. 97).

«Поставить широко, планомерно, систематично *и открыто* дело подбора наилучших работников...» (Полн. собр. соч., т. 43, с. 280).

«Добиваться того, чтобы на деле обеспечивалась *личная* ответственность *каждого* за определенную, строго и точно означенную работу или часть работы» (Полн. собр. соч., т. 39, с. 308).

«Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь и уездную и волостную, и сельскую, разбор того, где, кому и почему (какими приемами) удастся достигать действительного, хотя и небольшого улучшения; не бояться вскрывать ошибки и неумение; популяризовать и *рекламиро-*

вать изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец» (Полн. собр. соч., т. 54, с. 231).

Необходимо, «чтобы каждое задание отвечало определенному человеку» (Ленинский сборник XXXVIII, с. 301).

«Главное – не разбрасываться, а взять лучше... небольшие задачи, поставить себе вначале скромные цели, но и осуществлять упорно не забывая начатого, не бросая на полдороге, а доводя до конца» (Полн. собр. соч., т. 53, с. 67).

«Как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму, с умением без шума (и вопреки суматохи и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. *Только* таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления» (Полн. собр. соч., т. 36, с. 193–194).

Перемещения можно осуществлять «лишь так, чтобы заведование делами осталось всегда в руках вполне компетентных и гарантирующих успех дела работников» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 294).

«...В ведении дела разными и разнородными предприятиями, учреждениями, ведомствами и пр. есть много сходного в основном» (Полн. собр. соч., с. 127).

«Отделять организационные вопросы от политики нельзя» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 123).

«Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах дает, и того, что наука нам уже дала» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 14).

«В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь. Фактически, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» (Полн. собр. соч., т. 36, с. 350).

Из приведенных фрагментов ленинских работ видно, какое значение он придавал кадровой политике, организации, управлению, не оставляя без внимания казалось бы мелкие процедурные вопросы. Весь этот комплекс длительное время находился в поле зрения как ЦК ВКП(б), так и местных партийных органов.

Став Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), И.В. Сталин искусно использовал кадровый фактор для решения задач политического руководства. Под его наблюдением была сформирована система реализации кадровой полити-

ки. В партийных комитетах функционировали специальные подразделения по учету и распределению кадров, осуществлялась большая аналитическая работа, проводились социологические исследования, издавались подробные статистические сборники. Однако во второй половине 30-х годов многие из этих направлений были свернуты.

Роль И.В. Сталина в разработке кадровой политики, разумеется, несопоставима с тем, что сделал В.И. Ленин. Как известно, сам Сталин это неоднократно подчеркивал: «У нас есть учение Маркса-Ленина. Никаких дополнительных учений не требуется... На самом деле, я считал и считаю себя учеником Ленина. Ленин учил меня, а не наоборот. Он проложил дорогу, а мы по этой протоптанной дороге идем» (соч., т. 17, с. 632–633).

Тем не менее многие положения, высказанные Лениным, у Сталина получили практическое развитие. Прочитую выступление Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г.

«Правильно подобрать кадры – это значит:

Во-первых, ценить кадры как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение.

Во-вторых, знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого ...работника, знать на каком посту могут легче всего развернуться способности работника.

В-третьих, заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того чтобы терпеливо “повозиться” с такими работниками и ускорить их рост.

В-четвертых, вовремя и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть.

В-пятых, расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя проведения которой производится эта расстановка».

В этой речи обращает на себя внимание акцент на расстановке кадров как ключевой задаче кадровой политики. Впоследствии эта постановка вопроса исчезла из партийных документов, а на практике трактовалась весьма превратно. А в специальной литературе, например, утверждалось, что это – японское правило, когда подбирают не человека под должность, а должность под человека.

Противоположную точку зрения на роль Сталина в кадровой политике партии высказал Л.А. Оников – инспектор Отдела пропаганды ЦК КПСС, проработавший там более 30 лет, в своей книге «КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК». По его мнению, «Сталин, полностью сохранив

на словах преемственность ленинских идей и принципов управления (в лозунгах, терминах, словосочетаниях и т.п.), начисто искоренил их в практической деятельности партийного и государственного аппарата 20-х годов, полностью порвал с ленинскими нормами партийной жизни».

Здесь следует заметить, что как политик Сталин мыслил системно. Сформированную им модель общества следует рассматривать как сложную социальную систему в философском ее понимании. Она оказалась совершенно иной, чем та, над которой вынужден был мучительно раздумывать в самом конце своей жизни Ленин, и тем более не той, которую представляли себе Маркс и Энгельс. Хотя Сталин сумел внедрить в сознание большинства населения страны, что это и есть воспроизводство задуманной ими модели социализма, на самом деле ничего подобного не было. Но утвержденная Сталиным общественно-экономическая организация общества обладала целостным единством составляющих элементов, каждый из которых находился во взаимосвязи со всеми остальными.

В ряде проявлений эта система отвечала многим насущным потребностям населения. Отметим бесплатную медицину, жилье и образование, высокие темпы экономического развития, отсутствие безработицы, элементарную социальную защищенность и многое другое. Все это обеспечивалось, во-первых, временными преимуществами, которые дают гиперцентрализованные, командные методы руководства (Сталин добился высокой эффективности в организации аппаратно-бюрократических методов управления, строгого единоначалия); во-вторых, более высокой, чем в развитых капиталистических странах, степенью эксплуатации рабочего класса и внеэкономического принуждения крестьянства; в-третьих, принудительным трудом многомиллионной армии заключенных, который, по существу, не оплачивался.

Это была жесткая, несаморазвивающаяся система, ибо она органически нуждалась в постоянных инъекциях страха, запугивания угрозой внутреннего и внешнего «врага», в непрерывном идеологическом манипулировании массовым сознанием. Смысл такой системы – отчуждение государственной власти от народа, а партийной – от миллионов ее рядовых членов, безраздельная концентрация всей полноты власти в руках аппарата, точнее, верхушки аппарата, ибо подавляющее большинство аппаратчиков в условиях почти армейского единоначалия – люди подневольные, удел которых – беспрекословно выполнять указания сверху.

История знает и другие примеры, когда системный метод в руках того или иного лидера давал ему огромные преимущества. Так, Наполеон Бонапарт говорил: «Мой гений состоял в том, что одним быстрым взглядом я охватывал все трудности дела, но и в то же время и все ресурсы для преодоления этих трудностей; этому обязано мое превосходство над другими». Вот

оказывается в чем секрет таланта артиллерийского генерала и императора французов.

Совершенно очевидно, что тема «Сталин о кадрах» глобальна и противоречива. Она нуждается в специальном серьезном исследовании. Здесь же ограничусь двумя малоизвестными фактами.

«Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Сила СССР – в дружбе народов. Острые борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России...

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества... Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом». Это было сказано И.В. Сталиным в ноябре 1939 г. (соч., т. 18, с. 610).

Обращаясь к своему окружению, И.В. Сталин на праздничном приеме 7 ноября 1940 г. сказал: «Люди не хотят учиться, хотя и условия для учебы у нас прекрасные. Думают, что, раз они из рабочих и крестьян, раз у них руки мозолистые, они уже все могут, незачем им дальше учиться и работать над собой. Между тем – настоящие тупицы. У нас много честных, храбрых людей, но забывают, что храбрость одна далеко не достаточна, нужно знать, уметь...

Необходимо постоянно учиться и каждые два-три года переучиваться. Но у нас не любят учиться. Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе. Мы победили японцев на Халхин-Голе. Но наши самолеты оказались ниже японских по скорости и высотности. Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией.

Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только до 35 минут в воздухе, а немецкие и английские по несколько часов.

Но я один занимаюсь всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один. Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; по-

чему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрчиваете наследство Ленина.

Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. Вы знаете, как я это могу. Так ударю по толстякам, что все затрещит» (соч., т. 18, с. 208).

О том, что тревога Сталина была обоснованной, свидетельствует высказывание Шарля де Голля, который высоко отозвавшись о личных качествах Сталина, предсказал, что: «сталинское государство без достойных Сталина приемников обречено».

Написанное Лениным и Сталиным представляет особый интерес, ибо они были авторами своих выступлений, докладов, записок, всего того, что называют сейчас трудами. Последующие генсеки Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв в значительной или полной мере озвучивали тексты аппарата и привлеченных советников. Это не значит, что они механически соглашались со всем, что им писали, но такой коллективизм нивелировал проблемное поле, стирал острые углы, не давал дорогу новаторским идеям и решениям.

Идущая от Ленина кадровая парадигма без подпитки новыми свежими идеями ветшала, все более и более становилась собранием затертых клише. Но приставленные к ней партчиновники усиленно демонстрировали, что в кадровых войсках полный порядок.

В ЦК КПСС кардинальные вопросы кадровой политики практически не рассматривались, а принимаемые постановления касались главным образом партийных учебных заведений и носили дежурный характер. Показательно, что бывшие члены политбюро последних лет, другие партийные руководители, освоившие мемуарный жанр, обходят кадровую проблематику. В основном она сводится к комментариям, к назначениям и освобождениям от должности тех или иных персон.

Ни Е.К. Лигачёв, который был главным куратором кадровой сферы, ни Н.И. Рыжков, ни В.А. Медведев дальше признания факта негодной кадровой политики не пошли. По существу кадровая политика партии была отдана на откуп верхушке орготдела.

Интересный факт приводит А.С. Черняев, проработавший в ЦК КПСС без малого 30 лет. Этот факт датируется концом декабря 1975 г. в Завидове, где спичрайтеры готовили доклад на XXV съезд КПСС. Черняев пишет: «На другой день за завтраком Брежнев заявил, что он хотел бы представить себе весь доклад в целом и велел Александрову заполучить от Капитонова текст третьего раздела (о партии и идеологии), не вызывая никого из людей. Через несколько часов текст был в Завидове, и нам было поручено его прочесть... Это нечто невообразимое: будто сели и переписали из газеты «Правда» передовицу. А работали в Волынском-1 с июня человек 15.

Сказали о своем впечатлении Брежневу. «Давайте, говорит, почитаем вместе». Сели читать, дошли до половины. Вдруг Л.И. захлопнул рукопись, встал и заявил, что больше он читать эту галиматью не намерен.

Вызвать сюда немедленно Капитонова!

Александров: «Но ведь он сам все равно ничего не напишет!»

«Знаю, что он сам ничего написать не может, – сказал Брежнев. – Но он секретарь ЦК. Он отвечает за этот раздел. Под его руководством, по его указаниям сочиняли эту болтовню. Кто должен отвечать?! И зачем мне такой секретарь, который даже не понимает, что нужно для доклада съезду? Немедленно вызвать и дать ему здесь взбучку, чтоб проняло».

Александров все-таки настоял на том, чтобы пригласили еще Петровичева (первого заместителя Капитонова, о котором Брежнев тоже очень нелестно отзывался) и Смирнова (первого заместителя заведующего Отделом пропаганды).

Международника Загладина и заместителя министра МИДа Ковалёва определили на партийно-идеологический раздел, и они в день приезда, особенно Загладин, все заново передиктовали.

Капитонову, который за трапезным столом сел напротив генсека, тот в первый же вечер в довольно унижительных выражениях в нашем присутствии высказал все, что он думает о его разделе и тут же велел нам разделить его, разговаривать не как с секретарем ЦК («тогда толку не будет!»), а как с «автором».

Но Александров попросил всех нас не приходить на это раздевание и передал Капитонову и его новой бригаде, что полагается, лишь в присутствии других помощников».

Спрашивается, если Генеральный секретарь знал цену Капитонову и его команде, которая не могла даже подготовить пару страниц в свой раздел для доклада на съезд КПСС, то как они могли формировать и направлять реализацию кадровой политики в масштабе всей партии?

Прошло десять лет. Тот же Черняев фиксирует оценку уже нового генсека Горбачёва на заседании политбюро: «Знаем мы старое правило: какой первый секретарь, такая и республика, каков поп, таков и приход». Без «малой революции» в партии ничего не выйдет, ведь реальная власть у партийных органов. А подготовка у нас партийных кадров – нафталиновое старье. То же и в подборе и выдвижении. Способные руководители «начинаются с райкомов, а власть никого не делает лучше».

Ну так кто не давал действовать новоиспеченному генсеку, вся власть была в его руках? Проходят еще три года. Черняев, которого никак не заподозришь в предвзятом отношении к своему шефу, констатирует в дневнике: «...Беда заключается в том, что Горбачёв уже не властен сделать ничего кардинального, даже если бы и решился. И не потому, как они там на Западе ду-

мают, что существует еще Лигачёв, аппарат, бюрократия, а потому, что у Горбачёва нет механизма проведения в жизнь своих решений. Их некому проводить. Партию уже не признают в качестве начальства. Советы по-прежнему беспомощны. Хозяйственники – между двух стульев: и указаний сверху не поступает, и свободы распоряжаться собой нет. И не знают к кому тыркаться, чтобы их предприятия функционировали во взаимосвязи с другими, иначе они просто встанут. Аппарат на всех уровнях деморализован или, скрестив руки, ждет, когда все это завалится.

Сегодня на сессии Верховного Совета опять Горбачёв выступил против избрания его президентом всенародным голосованием. «Видели мы, куда заводят спасители отечества», – заявил он. Я смотрел в это время на лица депутатов: насмешливые, ироничные. Его перестают принимать всерьез с его нескончаемыми призывами: «давайте жить дружно», «мы на правильном пути, а это главное» и т.д.

Сам он вроде этого не чувствует. По-прежнему верит в свою способность убеждать кого угодно. По-прежнему ведет себя с Верховным Советом и другими претендентами на власть патерналистски. Читает морали и увещевает, берет на себя «окончательные выводы» из того, что говорят другие и что обсуждают».

Серьезный критический анализ горбачёвского правления провел в своей книге «Крушение надежды» Е.З. Разумов. Однако от него, как богдыхана (выражение Л.А. О니кова) кадровой политики хотелось бы узнать оценку собственного вклада в ее деградацию. Вот как объясняет сам заместитель заведующего местным орготделом свою тогдашнюю позицию: «Раньше, в так называемые застойные времена, мне приходилось выступать в печати по этим (кадровым. – *Б.Л.*) вопросам. Должен откровенно признать, что в тогдашних моих суждениях было немало благодушия и высокопарности. Сказывалось влияние официальных установок, послушное следование им. Горький опыт последнего времени заставляет заново переосмыслить кадровую политику партии, более критически подойти к ее оценке.

Основным принципом этой политики партия считала подбор и расстановку работников по их политическим, деловым и моральным качествам. Принимая желаемое за действительное, мы (мы – это партия? – *Б.Л.*) полагали, что указанный принцип довольно прочно вошел в практику, что, несмотря на отдельные нарушения, кадровые вопросы решаются в соответствии с указанными критериями. Да, так должно было быть согласно доктрине, однако довольно часто выдвижение кадров происходило по другим правилам, когда срабатывал признак личной преданности работника своему шефу, готовности угождать начальству. Те же работники, которые не обладали “гибкостью”, осмеливались возражать, отстаивать свою позицию и, не дай Бог, критиковать вышестоящих, шансов на выдвижение имели мало. Скорее всего они

становились неугодными и под разными предлогами с руководящих постов освобождались».

Оказывается как просто: «Бес попутал!» Благодушие, высокопарность, желаемое за действительное...

Но Разумов продолжает покаяние.

«Монополия партии на развитие общественной мысли усугублялась тем, что весь информационный материал, в первую очередь учебники, справочники, книги по истории, политическим наукам, всякого рода мемуары, произведения литературы и искусства, тщательно стерилизовался. Вытравливались все факты и положения, способные породить сомнения в правильности официальной точки зрения. Архивные документы, с помощью которых можно было бы докопаться до истины, были взяты под надежные замки. Стерилизации подвергалось содержание диссертаций, рефератов, исследований. При этом ответственность ожидала каждого, кто приводил факты и высказывал мысли, отличные от тех, которые содержались в официальных документах партии и высказываниях ее лидеров.

В условиях монополии на идеологию отпадала необходимость привлечения к разработке теории талантливых, творчески одаренных кадров, и они оставались невостребованными для развития теоретической мысли. Не нужны были и открытые дискуссии по общественным проблемам. Научные исследования с выходом на большую политику оказались не в руках интеллектуальной элиты, а все более становились занятием сравнительно узкой прослойки аппаратных работников и примыкающего к ним «актива». Их разработки и пользовались спросом. Составленные кругом доверенных лиц без открытого обсуждения, эти разработки, недостаточно переваренные руководством, закладывались в выступления лидеров а затем и в основу политических решений.

В результате всего этого КПСС не могла ответить на вызов времени и найти адекватные решения назревших проблем. Картина мира менялась».

Не будем ходить далеко за примерами. Кто конкретно душил любую светлую мысль в области кадровой политики? Брежнев, Суслов? Да они до этого бы не додумались. Кто был носителем монопольных прав на любой чих на кадровой кухне? Руководство орготдела. Разумов как член руководства хорошо знал, как это делалось: «...Ответственность ожидала каждого, кто приводил факты или высказывал мысли, отличавшиеся от тех, которые содержались в официальных документах партии и высказываниях ее лидеров».

Так что не будем говорить в масштабе всей общественной мысли, а возьмем задачу поскромнее: выяснить, куда завела нас монополия на кадровую политику и в теории, и на практике и кто эту монополию проводил в жизнь исключительно в собственных интересах.

К сожалению, о вкладе верхушки орготдела и своем лично в развал кадровой политики и в развал партии в целом Разумов, по скромности, умалчи-

вает. А вот уже цитируемый Оников считает, что «немногочисленной, но всемогущей штатной верхушке орготдела и общего отдела КПСС удалось сохранить аппарат в его сталинском первородстве, похоронить перестройку, развалить и КПСС, и страну, а многим из них очень неплохо приспособиться к новым условиям». Причем эта верхушка обладала возможностями проводить нужные ей решения и через политбюро, и секретариат ЦК КПСС и даже саботировать выполнение тех принятых решений, которые ее не устраивали.

Стоит рассмотреть эволюцию содержания разделов по кадровой политике в отчетных докладах ЦК КПСС партийным съездам. В отчетном докладе XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), с которым 8 октября 1952 г. выступил секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, в частности, говорилось: «Дальнейшее укрепление состава руководящих кадров зависит теперь, главным образом, от правильной организации изучения и подбора работников, а для этого необходимо, прежде всего, устранить недостатки, ошибки и извращения в работе с кадрами. А недостатков у нас в этом деле немало.

Основной недостаток заключается в том, что некоторые руководители подбирают кадры не по политическим и деловым признакам, а по-семейному, по-приятельски, по-землячески. Нередко работников, честных и знающих свое дело, но острых и нетерпимо относящихся к недостаткам и потому причиняющих беспокойство руководству, выживают под разными предлогами и заменяют людьми, имеющими сомнительную ценность, либо вовсе непригодными для дела, но зато удобными и удобными для некоторых руководителей. Вследствие таких извращений линии партии в подборе и выдвижении кадров в некоторых организациях складывается семейка своих людей, связанных круговой порукой, ставящих групповые интересы выше партийных и государственных. Немудрено, что такая обстановка ведет обычно к разложению и загниванию...

Большой вред делу дальнейшего улучшения состава руководящих кадров наносит канцелярский, бюрократический подход к изучению и подбору работников. Нередко подбор работников проводится по анкетным данным и формальным справкам, без серьезной проверки деловых и политических качеств работников. В деле подбора кадров укоренилась порочная практика заочного утверждения или назначения работников без живого общения с ними. Понятно, что при таком формальном, бюрократическом подходе к делу подбора кадров нельзя правильно решить вопрос о том, подходит или не подходит работник для той работы, на которую он рекомендуется. Не выясняя достоинств и недостатков работника, невозможно определить, на каком посту могут лучше всего развернуться его личные способности...

Задача заключается в том, чтобы подбор людей и проверка исполнения на деле стали главными в руководящей деятельности центральных и местных

партийных, советских и хозяйственных организаций. Необходимо помнить, что цель проверки исполнения состоит прежде всего в том, чтобы вскрыть недостатки, выявить беззакония, помочь советами честным работникам, не-исправимых наказать и добиться выполнения принятого решения, изучить опыт и на основе его обеспечить наиболее правильное, выгодное, экономное решение поставленной задачи. Нельзя допускать бюрократического подхода к делу проверки исполнения, надо не бояться отменить или исправить принятое решение, если выяснится его ошибочность или неточность. Проверка исполнения неразрывно связана с задачей устранения недостатков в подборе кадров; в соответствии с результатами проверки необходимо отстранять плохих, непригодных, отсталых, недобросовестных работников и заменять их лучшими, пригодными, передовыми, честными людьми; проверка исполнения должна содействовать выдвижению новых людей, способных двигать дело вперед, стоящих на страже интересов государства».

Сравним этот фрагмент маленковского доклада, кадровый раздел которого занял десять страниц, с соответствующим разделом доклада ЦК КПСС XXVII съезду. У Горбачёва тот же раздел состоит из гладких прилизанных фраз, уместившихся на одной странице. О проверке исполнения вообще ничего не сказано. Между тем по этой-то части проблем было больше всего.

Кадровой политика КПСС представляла собой сложную многоуровневую систему. Рассматривать ее необходимо по крайней мере по двум основаниям. Первое – субъекты и объекты политики, второе – функции системы.

Главным субъектом был съезд КПСС, далее политбюро, секретариат, ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии и местные партийные органы, но роль их, скажем прямо, в исследуемый период была более чем скромной. В качестве органов коллективного руководства кадровой политикой они себя не проявили.

Более активно действовали секретари ЦК КПСС в вопросах назначения конкретных лиц на должности цековской номенклатуры. Особую роль играл, конечно, генеральный секретарь. Так, Брежнев, получив власть, упорно и последовательно расставлял своих людей на всех сколько-нибудь значимых постах в КГБ, МВД, МИДе, Минобороны, в ведущих партийных организациях и т.д. Причем формально соблюдалась коллегиальность с маленькой хитростью. Голосование о назначении политбюро или секретариатом проводилось обычно опросом, т.е. приносили заранее подготовленные документы членам политбюро или секретариата. Каждый из них заочно расписывался в представлении об утверждении о своем согласии или несогласии.

При прохождении кандидатуры, в которой лично Брежнев был заинтересован, свою подпись он ставил первым. Остальным секретарям или членам политбюро нужно было набраться смелости, чтобы не согласиться с генсе-

ком. Но иногда все-таки случалось, тогда включался механизм компромиссов.

Расставив на значимых для себя постах преданных ему людей, Брежнев потерял интерес к назначениям, и тогда многое стало зависеть от Суслова, который также стал использовать право первой подписи. Фактически кадровая политика на самом верхнем уровне сводилась к назначениям, перемещениям, освобождениям.

В какой-то мере эта схема была на вооружении и нижестоящих партийных органов, с той лишь разницей, что процесс должен был контролироваться вышестоящим бюро. Однако качественным наполнением аппаратных процедур практически никто не интересовался. Как признает Разумов «желаемое выдавалось за действительное».

Трудно поверить, что верхушка орготдела не знала или не понимала неестественности такого положения. Цифры социологических исследований, которые были неоднократно доведены до нее, буквально кричали о явном неблагополучии. Так что была реальная информация о состоянии кадрового корпуса страны, степени его деформации по всем блокам и направлениям. Прикидываться таким сейчас простачком члену ЦК КПСС первому заместителю заведующего отделом организационно-партийной и кадровой работы ЦК КПСС Е.З. Разумову, проработавшему в аппарате ЦК КПСС более 30 лет, по меньшей мере, несерьезно. И знали и ведали, что творят, но как говорил великий сатирик: «Личный покой прежде всего».

Исследования показывали, что руководители всех рангов менее всего готовы к проведению кадровой политики. Фактически каждый из них строил эту работу исходя из своего опыта, разума, а нередко из собственного интереса. Нередко он даже не осознавал, что могут быть другие модели, основанные на лучшем опыте, научных исследованиях, которые гораздо эффективнее собственных представлений. Руководители и специалисты не были вооружены в должной мере знаниями, умениями, навыками реализации кадровой политики.

Не была осуществлена разработка и нормативно-правовое закрепление и обязательное применение особых государственных стандартов по таким темам, как «политика», «кадровая политика», своего рода дорожных карт, имея ввиду целенаправленность, конкретность и точность шагов всех участников кадрового процесса.

Наконец, очевидно, что без знания, понимания и умения руководствоваться в решении кадровых вопросов как общеполитическими принципами, так и специальными принципами кадровой политики, невозможно было рассчитывать на выполнение кадровой политикой своих функций ядра политики государства в целом.

С.В. Сергутин

**РАЗВЕДКА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИИ (1934–1941 гг.)**

Сергутин Сергей Владимирович – соискатель
ученой степени кандидата исторических наук,
Институт научной информации по общественным наукам РАН.

В 30-е годы сложилась своеобразная, отличная от других государств, советская система международной информации. Помимо НКВД / НКГБ СССР, который рассматривался ЦК ВКП(б) в качестве особо важного и доверенного органа обеспечения партийного руководства как внутрисоветской, так и международной информацией, источниками последней являлись Наркомат иностранных дел СССР, Наркомат внешней торговли СССР, военная разведка, ТАСС, зарубежные корреспонденты центральных газет, Бюро международной информации при ЦК ВКП(б), Исполком Коминтерна, Институт мирового хозяйства и мировой политики¹.

Представляет интерес рассмотрение практики взаимодействия внешней разведки органов госбезопасности с тремя основными субъектами советской системы международной информации: Наркоминделом СССР, военной разведкой и Исполкомом Коминтерна.

Приоритет в этом сотрудничестве принадлежал Наркомату иностранных дел, который был третьим (после ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР) заинтересованным потребителем разведывательной информации. Оба наркомата во внешнеполитической сфере объединял общий родовый признак. Первой из задач Наркоминдела, согласно положению о наркомате, принятому ЦИК Союза ССР 12 ноября 1923 г., действовавшему в рассматриваемый период, была «защита внешних политических и экономических интересов Союза

---

1. В направленном 12 сентября 1940 г. И.В. Сталину докладе Института мирового хозяйства и мировой политики «Оккупированные страны на службе германского военного хозяйства» отмечалось, что «в настоящее время по меньшей мере 15% всех военных расходов Германии... черпаются из народного хозяйства оккупированных стран» (14, л. 39–40).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

ССР». НКВД ведал «наблюдением и изучением политического и экономического состояния» зарубежных государств (8, с. 1830, 1832). НКВД / НКГБ, его внешняя разведка, обеспечивали государственную безопасность страны специфическими для разведывательной деятельности средствами.

На отношения разведки НКВД / НКГБ и НКВД негативно воздействовало особое положение Наркомвнудела в системе советских наркоматов. Конфликтные ситуации возникали, как правило, в сфере реализации НКВД / НКГБ своих секретно-политических и контрразведывательных функций. НКВД в полной мере испытывал на себе так называемое «чекистское обеспечение» со стороны органов госбезопасности, их участие в контроле за подбором дипломатических кадров², последствия профессионального интереса разведки и контрразведки к иностранным посольствам и консульским службам в СССР, а также арестов иностранцев. Недовольство НКВД вызывала медлительность НКВД / НКГБ в выдаче виз иностранцам, прибывающим в СССР. Все это в сочетании со стремлением НКВД сократить численность «линейных» работников (термин аппаратчиков ЦК партии для сотрудников ОГПУ / НКВД, Наркомата обороны), работавших под прикрытием дипломатических должностей в зарубежных советских учреждениях и подчинить резидентов полпредам, а также в связи с провалами «линейных» работников создавали не самый благоприятный фон для деловых взаимоотношений этих ведомств³.

Арбитром в разрешении возникающих межведомственных споров выступал ЦК ВКП(б). За три месяца до начала Великой Отечественной войны Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило инструкцию СНК СССР о взаимоотношениях полпредов в Германии, Турции, Италии, Румынии, Болгарии с торгпредами, военными атташе и работниками других советских учреждений в этих странах (7, с. 244, 245).

---

2. 11 августа 1937 г. заведующий отделом руководящих парторганов Г.М. Маленков информировал И.В. Сталина: «По Вашему поручению отобрано 50 работников для Наркоминдела. Все эти работники проверены... через НКВД. ...Отбор работников продолжаем» (12, л. 131). 3 мая 1939 г., одновременно с назначением В.М. Молотова новым Наркомом иностранных дел СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) поручило комиссии в составе: председатель Берия (Нарком внутренних дел СССР), члены – Маленков, Деканозов (заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР) «навести порядок в аппарате НКВД, выявить дефекты в его структуре, особенно в его секретной части и ежедневно докладывать о результатах своей работы тт. Молотову и Сталину» (11, л. 28а).

3. Следует отметить предложения ГПУ / ОГПУ по укреплению взаимодействия с НКВД, выдвинутые в 20-е годы. В 1923 г. Политбюро ЦК одобрило инициативу по созданию бюро по дезинформационной работе из представителей ГПУ, НКВД и военной разведки. В 1925 г. Ф.Э. Дзержинский направил И.В. Сталину записку, в которой предложил в целях более тесного контакта работы ОГПУ с Наркоминделом включить в коллегия Наркомата В.Р. Менжинского. Это предложение не было поддержано.

Полпредам СССР в отношении всех должностных лиц, находившихся в стране пребывания полпреда, было предоставлено право требовать систематической информации по всем вопросам работы этих лиц, в особенности же – по вопросам, касающимся внутреннего и внешнего политического положения страны пребывания, а также знакомиться со всеми докладами и донесениями, направляемыми указанными выше должностными лицами в соответствующие центральные органы СССР.

Работникам НКВД и НКО, работавшим в аппарате полпредства СССР, предписывалось выполнять работу по своим официально занимаемым должностям в полном объеме и нести ответственность за эту работу перед полпредом наряду с остальными сотрудниками полпредства. На полпредов СССР была возложена обязанность оказывать работникам НКВД и НКО необходимое содействие и помощь в успешном выполнении ими задач, связанных с их работой за границей по линии НКВД и НКО.

В случае передачи полпредами в НКВД сведений, полученных от работников НКВД и НКО, им вменялось в обязанность указывать в соответствующей форме источник получения такой информации⁴.

Ранее, 9 ноября 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву «Всем полпредам за границей», в которой разъясняло «всем полпредам, что они не имеют права сообщать представителям других ведомств содержание их секретных разговоров и полученных им от представителей иностранных государств секретных сообщений. Все такие сообщения полпред должен направлять в Москву в НКВД, и уже в Москве НКВД, а в особенно важных случаях ЦК, решает, кто из работников других ведомств в СССР и за границей должен быть ознакомлен с полученными сведениями...» (10, л. 83).

Многие из этих указаний ЦК ВКП(б) ставили резидентов разведки в сложное положение в связи с невозможностью раскрытия своих источников информации и необходимостью использовать результаты секретных переговоров для корректировки оперативной разведывательной деятельности⁵.

---

4. О ее характере дает представление извлечение из сообщения 5-го (Иностранного) отдела ГУГБ НКВД заместителю Наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову, направленное в июне 1939 г.: «Из Парижа нами получено сообщение, излагающее содержание документа Министерства иностранных дел Франции от 9.VI.1939 г., разосланное узкому кругу государственных деятелей страны. Даладье категорически заявил английскому послу, что Франция откажется сотрудничать за столом с Германией и Италией без присутствия Советского Союза и без предварительного заключения тройственного пакта о взаимопомощи» (3, с. 570–571).

5. Тем не менее примечательна оперативность, с которой НКВД дал заключение на проект инструкции. 29 января 1941 г. Наркомвнудел СССР Л.П. Берия сообщил Председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову: «С присланным Вами 28 января с.г. проектом Инструкции СНК СССР ...ознакомился. НКВД СССР не имеет поправок к проекту и не возражает против

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Решающим фактором в налаживании делового сотрудничества НКВД / НКГБ с советским дипломатическим ведомством являлось регулярное обеспечение НКВД внешнеполитической разведывательной информацией, добываемой органами госбезопасности.

Свидетельством важного значения, которое придавало ЦК ВКП(б) разведывательной информации как составной части процесса разработки и реализации советской внешней политики, является принятие 3 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) Постановления «О порядке пользования НКВД материалами ОГПУ»: «1) Сообщения и подлинники документы, доставляемые ОГПУ, должны тщательно изучаться и учитываться НКВД при разработке дипломатических мероприятий и освещении событий в международной политике перед Политбюро. 2) Материалы ОГПУ могут использоваться членами коллегии НКВД в беседах с дипломатическими представителями иностранных держав лишь в исключительных случаях в общей постановке вопросов без ссылки на конкретные факты; в случае необходимости в расшифровывании конкретных фактов требуется обязательное согласование с ОГПУ» (6, с. 78).

Одно из подтверждений востребованности Наркоминделом информации разведки НКВД – письмо Наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова И.В. Сталину от 26 апреля 1936 г.: «“перехваты” ...документов я получаю обыкновенно значительно позже, чем члены Политбюро. На основе этих документов Вы часто обращаетесь ко мне с вопросами, о которых я узнаю лишь поздно вечером, или даже на следующий день. Для того чтобы я мог вовремя “откликаться”, я просил бы принять следующее постановление: ...Обязать тов. Бокия и другие органы НКВД представлять Народному Комиссару Иностранных Дел “перехваты” документов с первой рассылкой»⁶ (4, с. 25).

Обобщенная оценка добываемой разведывательной информации НКВД была дана М.М. Литвиновым 3 марта 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). Фрагмент его выступления приводится с учетом авторской правки, внесенной в стенограмму Пленума. Очевидно, что потребовалось немало мужества для подобного выступления в той обстановке тотальной критики и беспощадного избиения, которым был подвергнут Наркомвнудел:

утверждения проекта инструкции» (13, л. 173). Подобное незамедлительное заключение с большой долей вероятности свидетельствует об участии 5-го (Иностранного) отдела НКВД в разработке указанного документа.

6. В этом контексте показательна записка наркома иностранных дел Г.В. Чичерина «О материалах ГПУ», направленная 9 ноября 1925 г. в Политбюро ЦК. Отмечая «в высшей степени важную и полезную работу органов ГПУ», нарком настаивал на пересылке наиболее важных документов, добытых резидентами, в НКВД напрямую – через полпредов (13, л. 41–42).

«Литвинов: Я хочу остановиться на одной стороне деятельности Наркомвнудела, которая мне известна... Я мало знаком с агентурой в СССР, но я имею понятие об агентуре за границей, т.е. не о ее составе, а о ее продукции.

Должен сказать, что Наркомвнудел своей заграничной информацией оказывает нам ценнейшие услуги... В смысле этой информации надо сказать, что она поставлена на должную высоту, она лучше, чем в каком-либо другом государстве.

Калинин: В Англии не хуже.

Литвинов: Нет, по-моему, ни у кого нет такой обширной, достоверной информации как у нас. Но наряду с этой ценной информацией попадают документы, которые ничего не стоят. Правда, за последнее время я их меньше стал получать» (9, л. 1486–1488).

Сопоставление первого варианта стенограммы со стенограммой с учетом авторской правки выявило существенные изменения, внесенные М.М. Литвиновым, в частности им были исключены слова, прозвучавшие в его выступлении на Пленуме – «среди сотрудников (внешней разведки. – С.С.) есть много лиц, ничего не стоящих».

Информация НКВД также представляла интерес для разведки НКВД, как это, например, следует из нижеприводимой докладной записки от врио замнаркома иностранных дел СССР В.П. Потёмкина, направленной 13 октября 1937 г. в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б):

«Тов. Молотову. Копия – тов. Ежову. Секретно.

По поводу пересланного Вам тов. Ежовым рапорта начальника Особого бюро НКВД тов. Рубинштейна о неудовлетворительной постановке в НКВД изучения политических деятелей капиталистических стран имею сообщить следующее... Мною ...дано распоряжение, чтобы к 1-му января 1938 года картотеки всех оперативных отделов были просмотрены и приведены в надлежащий вид. Следует отметить, что данные, относящиеся к органам и деятелям иностранной печати, находятся в НКВД в сравнительно лучшем состоянии» (13, л. 84).

В исторической литературе содержится немало утверждений о «соперничестве» разведки НКВД / НКГБ и военной разведки. Представлены и крайние, бездоказательные точки зрения. Так, по мнению Л.А. Безыменского, «...советские разведслужбы действовали не только против будущего противника, но и против друг друга, причем в этой войне пальма первенства по понятным причинам принадлежала НКВД... за три года – с 1938 по 1941-й – сменилось пять начальников военной разведки. Если учесть, что были репрессированы почти все заместители начальников ГРУ, а во всем управлении исчезло больше половины личного состава, то можно оценить силу удара по военной разведке, нанесенного ей ее соперниками» (2, с. 452, 453). В.С. Усов пишет: «Не очень понятно их (А.Х. Артузова, О.О. Штейнбрюка,

Ф.Я. Карина, направленных ЦК ВКП(б) в 1934 году исправлять положение в Разведупре. – С.С.) рвление по разрушению военной разведки, возможно их целью было забрать себе в НКВД Разведупр и лишить военных разведки (такие попытки уже делались в 20-е годы» (16, с. 64).

Из истории советских спецслужб 30-х годов хорошо известно, что в предвоенные годы репрессии обрушились на обе разведки. В рассматриваемый период сменилось шесть начальников внешней разведки НКВД. С 1 октября 1936 г. по 1 сентября 1938 г. «в отделении, руководившем работой резидентур в Германии, были арестованы последовательно четыре начальника, два заместителя, семь помощников» (17, с. 258). В 1938 г. из 5-го (Иностранного) отдела четыре месяца подряд советскому руководству не поступало никакой разведывательной информации.

Трудно себе представить, чтобы в обстановке всеобъемлющего контроля высших органов партии над деятельностью обеих разведок какое-либо ведомство могло бы попытаться разрушить одну из них. Хорошо понимая преимущества многоканальной развединформации, ЦК партии периодически принимал меры по координации деятельности внешней разведки НКВД / НКГБ и военной разведки. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 мая 1934 г. «Вопросы IV Управления РККА» предписывало: «Для большей увязки работы IV Управления с Особым отделом и ИНО ОГПУ а) создать постоянную комиссию в составе начальников этих учреждений, поставив комиссии задачу: обсуждение и согласование общего плана разведработы за границей; взаимная информация и предупреждение о возможных провалах; обмен опытом; тщательное изучение провалов; тщательная проверка отправляемых на закордонную работу сотрудников, контроль и наблюдение за находящимися на закордонной работе работников» (6, с. 523).

В рассматриваемый период (1934–1941) сотрудничество двух разведок было деловым и конструктивным. Это проявилось в период гражданской войны в Испании, во время национально-освободительной войны в Китае, в преддверии Великой Отечественной войны, когда был налажен интенсивный взаимный обмен и перепроверка развединформации о концентрации и дислокации немецких войск на советской границе.

Проблема оценки эффективности разведывательного обеспечения внешней политики и обороноспособности СССР, результативности работы разведки НКВД / НКГБ и военной разведки в период советско-германского противостояния требует комплексного анализа и не может быть сведена, как это принято в отечественной историографии, к оценке достоверности данных о дислокации войск агрессора или даты нападения Германии на Советский Союз.

В открытых источниках отсутствуют материалы взаимного обмена информацией обеих разведок по таким важным аспектам надвигающегося

вооруженного конфликта как подлинные намерения Германии в отношении СССР после заключения советско-германских договоров в 1939 г., решение политического руководства Германии о нападении на СССР, масштабы подготовки нападения, готовность военно-промышленного комплекса и морально-психологическое состояние вооруженных сил Германии, направление главного удара вермахта, планирование блицкрига и внезапности нападения, вероятность нападения после завершения военной операции в Югославии и в период войны Германии с Англией. Информация обеих разведок о вероятности нападения Германии на СССР в ходе войны Германии с Англией или после ее завершения действительно была противоречивой. В половине сообщений, имевшихся в распоряжении автора, нападение прогнозировалось после окончания войны, в другой – в ходе войны. Повод для упреков обеих разведок действительно есть. Но историками, исследующими период преддверия Великой Отечественной войны, упускается главное для советского руководства той поры – и в том и в другом случае не подвергалось сомнению, что Германия нападет на Советский Союз.

Для ЦК ВКП(б) важным источником информации о политическом и социально-экономическом положении капиталистических стран, коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении являлся Коминтерн⁷.

В ряде изданий проводится мысль о Коминтерне как составной части так называемого «советского разведывательного сообщества». М. Алексеев считает, что «практика Коминтерна на всем протяжении его существования (1919–1943) являлась неотъемлемой частью дипломатической, военной и разведывательной деятельности Советского государства» (1, с. 45). К советской «разведывательной триаде» относят Отдел международной связи Секретариата Исполкома Коминтерна А. Колпакиди и А. Север (5, с. 217).

Коминтерн играл немалую роль в лоббировании интересов Советского Союза в капиталистических странах, укреплении его авторитета в глазах трудящихся всего мира, оставаясь при этом мощнейшим международным ком-

---

7. Показательна информация члена Исполкома Коминтерна, секретаря ИККИ Д.З. Мануильского, направленная секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову в период гражданской войны в Испании: «Сов. Секретно. т. Ежову. Коминтерном получена следующая шифровка, отправленная по радио из Испании 20-го июля в 12 часов ночи: “Военное восстание подавлено. В отдельных пунктах страны еще ненормальное положение, развивается борьба, но не имеющая решающего характера. Борьба была кровавая, не на жизнь, а на смерть. Победу решила рабочая милиция. Рабочая милиция обеспечивает сейчас порядок, население встречает ее ликованием. Авторитет нашей партии в результате героической борьбы коммунистов исключительно вырос. Теперь мы стараемся использовать победу в интересах народных масс. Более подробная информация следует. Телеграмма подписана Генсеком КП Испании т. Диасом» (15, л. 20).

мунистическим подпольем, с присущими подполью формами и методами деятельности. На строжайшей конспиративной основе были организованы деятельность эмиссаров ИККИ (представителей, уполномоченных, руководителей пунктов связи Отдела международной связи), нелегальная переправка представителей компартий и функционеров ИККИ в СССР и обратно, а также литературы, директив, рекомендаций, пропагандистских и других материалов ИККИ, изготовление паспортов и других подложных документов, организация явочных квартир, налаживание издательского дела, снабжение компартий финансовыми средствами (валютой, драгметаллом, камнями). В обстановке повышенной секретности осуществлялся отбор слушателей курсов Коминтерна, Международной Ленинской школы, Коммунистического университета трудящихся Востока, Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. По всем этим направлениям деятельности ИККИ опубликовано огромное количество ранее засекреченных документов, изданы сотни сборников, монографий и статей.

Однако это не опровергает факты взаимного использования в своих целях возможностей разведорганов госбезопасности и РККА и служб Коминтерна. Коммунистические партии Запада и Востока были одним из источников кадров советской разведки, конспиративные службы ИККИ помогали разведкам в легализации за рубежом, в том числе в приобретении паспортов и других документов. Ресурсы НКВД / НКГБ использовались для организации связи ИККИ с их представителями в зарубежье, предотвращения провалов эмиссаров Коминтерна, помощи при въезде в СССР делегатов конгрессов Коминтерна и их выезде из Советского Союза и т.п.

В то же время открытые документальные источники не дают оснований рассматривать Коминтерн в качестве одного из компонентов советской разведки. Не выявлены добытые агентурным путем документальные разведывательные материалы Коминтерна – записи или протоколы секретных межправительственных переговоров, секретные межгосударственные договоры и их проекты, дипломатическая переписка, документы зарубежных спецслужб и военных учреждений, чертежи, образцы и описания научных разработок и новейших образцов вооружений.

Анализ рассмотренной в статье проблемы свидетельствует о существовании в 1934–1941 гг. своеобразной, во многом несовершенной советской системы международной информации. В силу закрытости советского общества не использовались такие важные источники внешнеполитической и научно-технической информации, как международное научное сотрудничество, межпарламентские связи на уровне комиссий и комитетов. Была слабо развита сеть страноведческих и региональных научно-исследовательских институтов. Отсутствовал такой важнейший компонент системы как единый надведомственный аналитический центр разведывательной и другой международной

информации, поступавшей политическому и военному руководству страны из различных источников, что не позволяло точнее оценивать состояние и тенденции развития международных отношений, уровень и векторы угроз безопасности страны.

Тремя основными субъектами советской системы анализа международных отношений являлись Наркомат иностранных дел СССР, внешняя разведка НКВД / НКГБ СССР и военная разведка. Начиная с 20-х годов органы государственной безопасности на регулярной основе снабжали НКВД, НКО, наркоматы военно-промышленного комплекса политической и научно-технической разведывательной информацией, которая в целом положительно оценивалась руководством вышеупомянутых ведомств.

Решающим фактором в налаживании делового взаимодействия в этой сфере являлась общность политической цели разведки НКВД / НКГБ, Наркомата иностранных дел и военной разведки – обеспечение национальной безопасности Советского Союза, формирование благоприятной внешнеполитической среды для первого в мире социалистического государства.

На характер сотрудничества этих ведомств негативное воздействие оказывало особое положение НКВД / НКГБ СССР (в структуре которых функционировала разведка) в государстве, контрразведывательный надзор за деятельностью НКВД, советских представительств за рубежом, иностранных посольств и военной разведки и т.п. Преодоление межведомственных споров и конфликтов, а также координация деятельности дипломатической службы и разведки являлось прерогативой ЦК ВКП(б).

Литература

1. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М., 2010. – 608 с.
2. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000. – 512 с.
3. Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны / Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – М., 2009. – 598 с.
4. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. – М., 2009. – 319 с.
5. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009. – 720 с.
6. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2003. – 912 с.
7. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2006. – 640 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

---

8. Положение о Народном Комиссариате по Иностранным Делах Союза Советских Социалистических Республик. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 22 декабря 1923 г. № 107, отдел первый. № 1033. С. 1830, 1832.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 598.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1161.
13. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1028.
14. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 716.
15. РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 65.
16. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX в. – М., 2007. – 454 с.
17. Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. – М., 2009. – 432 с.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ДВЕ БЕСЕДЫ С ДИРЕКТОРОМ ИНИОН РАН, АКАДЕМИКОМ Ю.С. ПИВОВАРОВЫМ

Беседа первая. КАК СТАНОВЯТСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В ИНИОН¹

– Юрий Сергеевич, были ли Вы знакомы с ИНИОН до начала работы в нем, слышали ли о существовании ФБОН, Библиотеки Коммунистической академии, знали ли историю этих учреждений?

– Да, я слышал про ФБОН, поскольку это была известная московская библиотека и находилась она в центре. Я тоже учился в центре, в МГИМО, откуда до библиотеки можно было дойти пешком. И нас, студентов-старшекурсников, туда записывали заниматься в вечернее время. Но я этим не воспользовался, поскольку у меня была возможность работать над дипломом в спецхране Института философии – известного «желтого дома» на Волхонке. Спецхран находился на самом высоком этаже с отличным видом на Москву. И там была масса сборников ФБОН, которые я читал зимой последнего пятого курса МГИМО.

– Какой это был год?

– 72-й. И пару-тройку раз я был в самом ФБОН, в Малом Знаменском переулке, который раньше назывался улицей Маркса-Энгельса. На меня произвело впечатление само здание. Тогда я совершенно не знал, что ФБОН – это такой культурный центр, место, где бывали Солженицын и Бродский. Называю только будущих лауреатов Нобелевской премии, еще там была масса других людей. Должен сказать, что лишь с появлением людей вашего поколения началась какая-то осознанная работа с целью понять историю этого учреждения. Раньше делались отдельные попытки. Я знаю довольно интересные, хотя, на мой взгляд, не всегда объективные воспоминания (но бывают

---

¹ Интервью проведено в ИНИОН РАН Ю.Ю. Черным, Н.Ю. Соколовой и Д.В. Ефременко 14 апреля 2010 г.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ли такие воспоминания объективными?) старых ФБОНовцев или ФБОНовок в «Тыняновском сборнике», которые печатает Мариэтта Чудакова.

Общаясь с людьми, которые старше меня на поколение, я узнаю о том, что и в Ленинграде жили люди – конечно, интеллигенция, кандидаты наук – которые активно пользовались ФБОНовскими сборниками, наезжали в Москву заниматься. Еще в 60-е годы в ФБОН сформировалось ядро интересных ученых. Сборники 60-х годов действительно были прекрасными, интересными, новаторскими. Я читал их примерно так же, как материалы самиздата или тамиздата.

– Это были реферативные сборники или аналитические?

– Это были реферативные сборники, в том числе и по политической науке, которой я стал заниматься потом. Но тогда меня больше интересовали вопросы философии и истории.

– Что и когда привело Вас в ИНИОН? Вы стремились сюда или так сложились обстоятельства?

– Я абсолютно сюда не стремился. После окончания МГИМО меня распределили служить в город Потсдам. Но я сумел счастливо избежать этого и поступил в аспирантуру. Причем сначала хотел поступать в аспирантуру Института мирового рабочего движения (ИМРД) – тогда модного учреждения, а сейчас уже закрытого. Но так сложилась судьба, что я поступил в аспирантуру ИМЭМО. С 72-го по 75-й год учился в очной аспирантуре.

Я был в замечательном Отделе, где работали Г.Г. Дилигенский, К.Г. Холодковский, С.П. Перегудов. Среди аспирантов там был Игорь Бунин, известный сейчас политолог, с которым мы подружились. И вообще аспирантура была замечательной, потому что Дилигенский был замечательным ученым. Он дружил с А.Я. Гуревичем, и тот читал нам лекции по Средневековью. Кстати, Дилигенский сам был когда-то «античником» и лишь потом стал заниматься социальной психологией. Приезжал, скажем, Ален Турен, друг Дилигенского, и Збигнев Бжезинский, и мы могли ходить на их лекции, слушать и слышать полемику. ИМЭМО тогда действительно был такой советской «RAND Corporation». Я, правда, в те годы этого не понимал. Вообще, там можно было видеть людей, которые были мировыми величинами. И сам ИМЭМО, повторяю, был на мировом уровне.

Мой же личный план был таков: закончить аспирантуру, написать в последнее лето диссертацию по Германии (что и случилось), быстро защитить ее и потом уехать в Елабугу. Там несколько лет поработать преподавателем в местном педвузе и написать гениальный роман. Потому что я себя

считал в будущем великим писателем, наукой заниматься не хотел, а служить тем более. Наука была для меня «операцией прикрытия».

– *Это место, связанное с Цветаевой. Трагическим образом.*

– Но я на это тогда не ориентировался. Просто у меня был приятель, однокурсник. И в Елабуге, где его родители были какими-то начальниками, я мог пристроиться. Это был, конечно, совершенно неординарный ход для выпускника МГИМО и аспиранта ИМЭМО...

– *И москвича.*

– Да, и москвича. Но, во-первых, я бы не потерял прописку – тогда это было возможно. А, во-вторых, я отчетливо понимал и сейчас понимаю, что писать можно только в уединении. Даже научные тексты. Но Бог не дал мне литературного таланта, поэтому все мои попытки... Впрочем, я написал один роман. Он называется «Лыгин». Но никогда его не публиковал и, разумеется, не буду публиковать. Это история жизни. Я сам с себя это списывал. Такой идеальный герой – Владимир Сергеевич Лыгин. Не знаю, почему Лыгин. Странная такая фамилия... Думаю, каждый интеллигентный мальчик в очках писал что-нибудь такое, особенно в околосредоватурской атмосфере. У меня было много друзей, которые занимались литературой, работали в журналах. Целый ряд из них потом уехал. Я общался с людьми из «Вопросов литературы», с теми, кто был известен уже тогда и кто получил известность позже.

Но по окончании аспирантуры в 75-м году я уже был готов остаться в ИМЭМО. Однако меня не взяли, поскольку к курировавшему аспирантуру заместителю директора ИМЭМО Е.М. Примакову пришли люди из КГБ и сказали, что Пивоваров – человек недостойный того, чтобы работать в советском учреждении.

Дело в том, что я тогда не просто общался с диссидентами, но и неоднократно арестовывался. В первый раз был арестован 13 февраля 1972 г. на Ярославском вокзале с чемоданом самиздата. Меня вызывали на Лубянку, и я очень боялся этого. Думал, что меня выгонят из института. Но странным образом не только не выгнали, но и даже предложили потом военно-дипломатическую работу. И это при том, что никто за меня заступиться не мог. Странно... Это парадоксы советской системы. Думаю, одна часть системы не знала, что происходит в другой. И в 75-м году меня тоже довольно жестко прессинговали. Помню совершенно забавную штуку. 25 апреля 1975 г. года я ждал друзей на свой день рождения. Мне позвонил человек и сказал, что он из КГБ, его фамилия Сахаров. Я рассмеялся и сказал: «Старик, что за ерунда? Какой Сахаров? Приходи, поговорим». – «Нет-нет, это Вы завтра придите». Я пришел в районное управление КГБ. Меня встретил милый ин-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

тelligentный молодой человек и сказал: «Пожалуйста, садитесь». Я сел на стул, и стул подо мной рухнул. Я в ужасе упал, на что капитан Сахаров рассмеялся и сказал: «Извините, это не специально». Все это было очень карикатурно. Меня в конечном счете просто не взяли на работу в ИМЭМО. Я написал заявление на имя академика Н.Н. Иноземцева, чтобы он меня принял, но получил ответ, что этого не произойдет. И тогда я стал искать работу.

Несколько месяцев я был безработным. И тогда руководитель аспирантуры ИМЭМО Абрам Евсеевич Гордон сказал мне: «Иди в ИНИОН. Там таких, как ты, берут». Но как туда попасть? И тогда мой преподаватель философии по МГИМО, Рудольф Федорович Додельцев, работавший когда-то в ИНИОН, сказал, что позвонит своему приятелю Льву Николаевичу Верченкову и тот устроит мне протекцию. Я позвонил Верченкову, и он через некоторое время сообщил, что я могу прийти на собеседование в Отдел философии.

Впервые я переступил порог ИНИОНа 1 марта 1976 г. Я пришел к А.И. Ракитову, который спросил меня, Моцарт я или Сальери. Я ответил: «Наверное, Сальери». Он сказал, что это хорошо, потому что у него все Моцарты, а ему нужны Сальери. И меня сразу же передали Искре Степановне Андреевой и познакомили с ее мужем, Арсением Владимировичем Гулыгой. Я тогда не осознавал, что познакомился с крупным философом, который, разумеется, работал в Институте философии. Я стал писать рефераты...

– То есть Вы устроились в Отдел философии?

– Нет, я был в Отделе философии внештатным референтом. Мне давали толстые книжки на немецком языке, монографии по 400–500 страниц, например, «Ирония у Ницше» или «Фихте и его концепция закрытого торгового государства». И я должен был их реферировать. Я очень благодарен Арсению Владимировичу за это, поскольку это была школа. Это побудило меня читать. Но места в Отделе философии не было. Потом через Додельцева мне стали искать место оформителя книжных выставок, но и оно оказалось занятым. Но уже весной я понял, что буду работать в ИНИОНе. Потому что мой шеф в МГИМО, профессор Николай Никанорович Разумович уходил из МГИМО с поста заведующего кафедрой сюда заведующим отделом и сказал, что возьмет меня к себе.

С 12 июля 1976 г. я стал работать в Отделе государства и права у Разумовича на улице Димитрова. Отдел находился на шестом этаже, затем переехал на второй. Сначала у меня не было не то, что стола, но даже стула. Я приходил и сидел в коридоре. Но ничего, как-то это все спокойно прошло.

Многие годы я отвечал за первый раздел в зарубежном РЖ – «Теория и история государства и права, теория политических учений, политическая наука». Занимался этим долгие годы и на каком-то этапе даже стал фактиче-

ски редактором этого реферативного журнала, потому что Разумович любил жизнь во всех ее проявлениях. А по молодости все это шло хорошо, и я очень благодарен судьбе, что научился что-то делать.

– В какой должности Вы были тогда?

– Младшего научного сотрудника. Но очень скоро, еще не защитившись, я стал старшим. Надо сказать, что тогда было только две должности – младший и старший. Поэтому стать старшим – значило уже сделать карьеру. Я пришел в возрасте 26 лет младшим, а через год и восемь месяцев, когда Разумович увидел, что я хорошо работаю, он «пробил» мне у В.А. Виноградова старшего. Это был резкий рывок вперед. Старший – это как сейчас ведущий. Тогда мое повышение вызвало в Отделе настоящий шок. Я почувствовал себя большим человеком.

– В выступлении на 40-летию ИНИОН и 90-летию ФБОН год назад Вы говорили о том, что в ИНИОНе формировался и сформировался новый тип ученого. Согласны ли Вы с тем, что говорили тогда?

– Конечно. Но к этому нужно очень осторожно подходить. Понятно, люди, которые с утра до вечера были вынуждены читать западные книжки и писать на них рефераты или обзоры, причем по широкому, а не узкому спектру, плюс редактировать рефераты и обзоры других людей, волей-неволей вливались в поток мировой науки. Они выходили из своеобразного советского гетто, хотели они того или нет. Вместе с тем – что, может быть, не менее важно, – для того, чтобы написать хороший реферат, надо войти во внутренний мир автора, понять его логику и потом ее изложить. Нужно разобраться, что, собственно говоря, важно, а что нет. Я, например, всегда старался в рефератах не столько фотографически отразить структуру работы, а скорее показать то новое, что в ней есть. Так сформировался тип ученого, который входил в психологию другого. Я особенно понимаю это сейчас, когда много преподаю. Ведь вузовский ученый – моего поколения, моложе, старше – как правило, человек другой ментальности. А люди, которые были вынуждены входить во внутреннюю лабораторию зарубежного ученого (они работали, прежде всего, в Академии наук), конечно, иные. Они открыты миру, толерантны, совершенно по-другому мыслят.

Есть, конечно, и масса негативных вещей. Некоторые люди, годами жившие в таком режиме, стали рабами информационного ремесла, не способными к собственному творчеству или некритически относящимися к любому слову, написанному на иностранном языке. Для них любая статья в каком-нибудь шестизначном зарубежном журнале являлась руководством к действию. Но тем не менее я могу сказать, что сотни ученых, прошедшие

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

школу реферирования и написания обзоров в ИНИОН, работающие не только в Институте, но и в других местах – это исследователи весьма высокой квалификации.

Это была очень важная школа в советских условиях. ИНИОН мог дать возможность читать старые книги, в том числе дореволюционные русские, а мог дать возможность читать и современные, самые новые. Причем книги, газеты и журналы приходили сюда очень быстро. И ты мог иметь все. С моим интересом к истории я мог полностью его удовлетворять. Должен сказать, что меня всегда интересовала русская история, и многие годы я мог читать один из лучших американских журналов по русской истории – «Russian history». Я к нему просто привык, подобно тому, как еще в аспирантуре или даже раньше в МГИМО привык читать западные газеты и журналы. Все это было очень важно для формирования ученого. И, кстати, если отвечать на вопрос о том, как совмещалась работа реферативная с творческой, то, думаю, она не просто совмещалась, это были элементы одного и того же. Психологически все равно, что написать – реферат, обзор или статью. Если, конечно, ты относишься к этому всерьез. И, кстати, в реферировании или в написании обзоров есть искушение, которое не все смогли преодолеть. Иные дописывали за авторов, приписывали им свое. Потому что они не могли это делать в какой-то другой форме, а так хотелось преодолеть цензуру. Я для себя это табуировал. Хотя всякий реферат всегда очень личностный. Причем чем ярче личность референта, тем труднее написать реферат. Я знал рефераты одного и того же текста разных людей – ничего общего вообще не было. Причем никто из них не врал. Но один увидел это, а другой – другое. Причем и то, и другое было важно. И это – совершенно удивительная вещь!

– В России больше нигде не учат научному реферированию?

– Здесь тоже никто ничему не учил. Мы учились сами. Больше всего меня научило писать редактирование.

У меня были друзья, которые писали рефераты. Они так главным образом зарабатывали деньги, а я вынужден был их переписывать. Настоящий ИНИОНовец, который работал и работает в реферативных подразделениях, – это помимо всего прочего, профессиональный редактор, что тоже отличает его от обычного научного работника. Кстати, многие люди, служившие в академических институтах, смотрели на нас именно так – как на редакторов.

– Было ли трудно выполнять план научно-информационных работ?

– Нет, но были люди, для которых выполнить план – это была трагедия, слезы, проблемы, а были те, кто его перевыполнял в разы. Мне профессор Разумович как-то сказал, чтобы я перестал заниматься безобразиями. Не в том

смысле, чтобы меньше работать, а в том, чтобы я не писал о таком перевыполнении в отчетах.

– Юрий Сергеевич, Вы работали не в главном здании ИНИОН на Профсоюзной, а на улице Димитрова. Как Вам там работалось?

На Димитрова была совершенно своя жизнь. Старая Москва, тогда еще не так разрушенная, как сегодня. Переулки, где можно было погулять. И книжный магазин «Молодая гвардия» на Полянке. Это был центр города. Рядом французское посольство. Можно было видеть, как, скажем, Владимир Высоцкий въезжает туда на «Мерседесе». Или какой-то дипломатический прием, людей в странных, несоветских одеждах.

– А здесь, на Профсоюзной, была окраина?

– Не окраина, конечно, но уже такой апофеоз советского. А там – дореволюционная Москва и совершенно другая атмосфера. И там, конечно, большая свобода была. Там находилась, если можно так выразиться, более диссидентская часть ИНИОН.

Кстати, там не было человека, который бы командовал всем зданием – каждый отдел жил своей жизнью. Это было несколько интеллектуальных клубов. Много приходило людей со стороны просто поговорить. Приносили самиздат...

К тому, что происходило в этом здании на Профсоюзной, я относился как к чему-то официальному, холодному. Мы приезжали сюда по четвергам, обязательно ходили в «Белый зал». И наш отдел здесь тоже собирался. Поскольку не было кабинета, мы встречались там, где сейчас делают платный ксерокс. Раньше там стоял памятник Ленину. Мы даже не знали, куда поставить портфели. Про все эти системы – АИСОН², ИРИ³ и другие – я ничего не слышал.

– А что представлял собой ИНИОНовский спецхран? Где он находился?

– Их было два. Один был спецхраном для сотрудников – в 304-й комнате. И был еще спецхран для читателей в 250-й комнате. Я работал в 304-й комнате, это было прекрасно. Однажды просидел там три месяца подряд – писал обзор по Н.Я. Данилевскому. Я прочел всю литературу о Николае Яковлевиче, которая существует в мире, и в тот момент был, думаю, самым образованным «данилевсковедом».

---

2. АИСОН – Автоматизированная информационная система по общественным наукам.

3. ИРИ – Избирательное распространение информации.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

– Туда мог попасть любой сотрудник или надо было получить специальный доступ?

– Любой сотрудник «автоматом» имел право и на абонемент, и на спецхран. Ходили в спецхран и в «Белый зал». И что еще очень важно, чего сейчас нет – выписывали литературу. Мы получали библиографические карточки и нужно было из них отобрать треть, четверть или одну пятую. Это было очень важно для того, чтобы выписывать более-менее приличную литературу, и вообще это вводило в круг всего. И раньше в «Белом зале» работали не только с книгами и журналами, но и с издательскими планами, которые Запад присылал, рекламой и т.д.

– Когда Вы начали подниматься по служебной лестнице, стали заведующим отделом, членом Ученого совета?

– Я стал заведующим отделом в 38 лет. Тогда я очень много работал и за год сделал Отдел государства и права одним из лучших по показателям. Для меня перестройка, 1988-й, 89-й 90-й годы, когда многие мои ровесники пошли во власть, бизнес и так далее вне науки, были связаны с работой в ИНИОН. Условно говоря, я «делал» Отдел, который одновременно стал распадаться. Это естественно, поскольку начали уходить люди.

– Став заведующим отделом, а затем директором Вы получили возможность чаще выезжать в научные командировки за рубеж. Насколько плодотворными были эти поездки?

Первая двухмесячная поездка во Франкфурт-на-Майне дала мне для понимания Германии больше, чем предшествующие 20 лет чтения немецких книжек. И деятельность немецких профсоюзов я лучше понял, когда пришел в Кёльне в их штаб-квартиру и посмотрел на этих людей. Лучше раз увидеть, чем десять раз услышать! Я просмотрел сотню разных фильмов о Париже, но, попав туда первый раз, понял, что это совсем другой город. Так всегда бывает. И, думаю, практически со всеми.

– С другой стороны, в одном из своих интервью Вы сказали, что за несколько лет директорства Вы лучше поняли природу русской власти, чем за долгие годы работы с книгами...

Уже больше 12 лет я сижу в директорском кабинете. И когда практически каждый день погружаюсь в реалии жизни Института – не только научной, но и хозяйственной, финансовой – конечно, все, что касается и Института, и его окружения становится более понятным. Я могу писать, скажем, о Струве, но никогда не пойму жизни Струве. Сколько бы вы ни занимались Бердяе-

вым, вы тоже никогда его не поймете. Это невозможно. А находясь на этом месте, да, конечно, начинаешь понимать эту жизнь гораздо лучше. Правда, пишешь меньше. Потому что, во-первых, нет времени, поскольку ты занимаешься пониманием, и, во-вторых, уже и не хочется писать.

То, что я за годы директорства узнал здесь о жизни – не только о власти, а вообще о русской жизни – абсолютно убийственно. И непреодолимо. Потому что, как преодолевать, если ты сам такой же и все вокруг такое же. Это и есть мейнстрим. Как говорил Георг Еллинек, австрийский юрист и социолог, нормативность фактического – *die Normativität des Faktischen*.

– Как структурируется Ваше рабочее время?

– У меня, разумеется, есть обязательные планы. Но во многом работа директора именно ИНИОН – это реагирование. Здесь времени на такую деятельность – сейчас мы проведем одно заседание, потом другое, решим это – значительно меньше. Но должен сказать, что опыт – великая вещь. Как, скажем, спортсмен к 30 годам, теряя скорость на хоккейной площадке, становится более мудрым в каждом моменте, так и здесь. Приходишь со стратегическими планами. Потом их теряешь, но опыт позволяет тебе решать какие-то вопросы уже без них. Инстинкт ведет тебя, как зверя. Волк ведь как-то живет в лесу без планов и выживает. В этом тоже есть некая мудрость. Лев Николаевич Толстой на ней строил мировую историософию. Причем, когда есть хороший ресурс, как в эпоху В.А. Виноградова, все получается, а когда плохой ресурс – получается меньше.

– Какими достижениями Вы, как директор, можете гордиться?

– Могу гордиться, что ИНИОН пока не закрылся, продолжает работать и что иногда, слушая наши научные дискуссии, я говорю себе: «А ведь люди находятся на неплохом уровне!» Появились качественно новые аналитические работы. Когда я иду по коридорам ИНИОН, то нахожу, что среди иных академических институтов ИНИОН выглядит лучше. Или, например, Марк Борисович Шнайдерман и Виктор Михайлович Гусев здорово наладили издательский процесс. И так далее.

Но многое сделать не удалось. И не потому, что нет денег и объективно это невозможно – например, не дают мне построить новое здание, что было бы важно не только для размещения библиотечных фондов, но и как новый шанс для развития Института. Говорю о вещах субъективных. Очень многое не удалось сделать из-за простого русского качества – неумения доводить дело до конца. Оставлять попытки, когда дело не идет.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Мне не удалось, кстати, вырастить полнокровную следующую генерацию в ИНИОН. Вас очень мало и можно уместить за этим столом. Сказать, что это объективно сложно – да, и тем не менее...

– Какова, на Ваш взгляд, роль планово-отчетной деятельности, которую Вы называете бюрократической?

– Чрезвычайно важная. Это я понял, уже работая директором. Она скрепляет организацию. Без нее никакой работы быть не может. Это так же, как люди по грантам пишут отчеты и недовольны требованиями. Но если этого не делать, то как понять, что собственно сделано? Так и здесь. Все эти административные и бюрократические вещи в известном смысле даже самоцель. Они создают хребет организации. И, конечно, люди, работая на реферативной и даже на библиотечной работе, этого совершенно не понимают и говорят: «Вы нас замучили».

Еще раз повторю, что сам раньше ничего этого не знал, не понимал, смеялся и так далее. А когда задумался, понял, что без этого невозможно. Говорят, что есть какие-то сумасшедшие бюрократы, которые все доводят до безумия. Кстати, в ИНИОН я таких не вижу. Но бюрократический цензурный контроль, в котором присутствует и негативное, все равно необходимо.

– Прошлым летом в интервью «Известиям» Вы сказали, что «академик Пивоваров» звучит для Вас примерно так же как «маркиз Пивоваров». Привыкли ли Вы к своему званию?

– Теперь привык. Снимаю трубку, говорю: «Академик Пивоваров». Сначала не мог этого даже произнести. И мне было смешно. Хотя само по себе это значит уже меньше. Вот «академик Виноградов» в 80-е годы – это значило!

Я сейчас стал заведующим кафедрой в МГУ. Когда приезжаю на факультет, вокруг меня начинают суетиться: «Академик приехал!» Там нет больше академиков, и я это воспринимаю как должное. Передаю портфель – чтоб поставили, пальто – чтоб повесили... Только не думайте, что это только пивоваровское.

– Юрий Сергеевич, если бы Вы снова вернулись в 76-й год, конечно, с этим опытом, Вы бы...

– Ну, конечно, сегодняшний Пивоваров вел бы себя совершенно по-другому, зная, что будет потом. Любой провалившийся шпион вел бы себя так, чтобы не провалиться.

– И все-таки, путь в науку или по дипломатической стезе, писать романы, стать литератором? Не жалеете ли Вы о том, что пошли в науку?

– Не знаю, не знаю... Человек о чем-то жалеет, о чем-то нет. Я не стал литератором, потому что Бог не дал литературного таланта. Не стал великим ученым – Бог не дал великого научного таланта. То, что не стал дипломатом, это нормально, потому что я сошел бы с ума от скуки и ужаса такой жизни. Но, как всякий человек, наверное, приспособился бы. Жалею только, что много времени потрачено зря. Могу сказать точнее. Я корю себя за социально неприличную позицию в советское время: то ли ты «за», то ли ты «против». Это неопределенность, которая не очень красит человека. Вместе с тем вся эпоха была такая. Когда я начинал сближаться с диссидентами, меня пугало безумие этих людей, их какая-то болезненность. То, что было страшно, понятно, не без этого. И, кстати, чувство страха владело мною, наверное, до 91-го года.

Но я своей жизнью доволен в том смысле, что все-таки какое-то время отдал чтению, обдумыванию, т.е. чему-то осознанному. Мне кажется, я что-то понял о жизни.

Давайте поговорим об этом отдельно, в другой раз.

Л.В. Камедина

РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Камедина Людмила Васильевна – кандидат
филологических наук, профессор кафедры литературы
Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического
университета, г. Чита.

В основе взаимоотношений институтов государства и церкви на протяжении почти всей дореволюционной истории России был тезис «всякая власть от Бога». До 1917 г. Русская православная церковь (РПЦ) совместно с государством определяла идеологические приоритеты российского общества. Одним из основных векторов ее деятельности выступало миссионерство в разных странах, в том числе на Дальнем Востоке. Этот регион с середины XIX в. стал местом встречи разных цивилизаций и культур, как западных, так и восточных. Со временем все они научились находить пути к мирному сосуществованию. Важную роль в этом сыграли Русские Духовные миссии.

В настоящее время перед РПЦ стоит проблема возрождения Духовных миссий в странах Дальнего Востока, именно проблема, потому что утеряна вековая традиция их существования на этой территории. Возникает вопрос: какую роль они могут сыграть сейчас? Возможно ли их возрождение в полном объеме или только частично, в каком-то одном проекте?

Образование Русских Духовных миссий в странах Дальнего Востока, их деятельность и причины упадка

Говоря о Русских Духовных миссиях в странах Дальнего Востока, прежде всего, следует иметь в виду Миссии в Китае, Японии, Корее и Монголии. Они образовывались в разное время и при различных обстоятельствах. Масштаб их деятельности в каждой из этих стран был неодинаков. Так, Русская Духовная миссия в Китае организована в 1712 г. в соответствии с внутренни-

ми и внешними политическими интересами России. Миссия поддерживала русско-китайские отношения, была центром научного изучения Китая. В связи с отсутствием дипломатических отношений она являлась представительницей России в Китае. В XIX в. Миссия занималась изучением китайского языка, а также истории, культуры, религии, литературы и медицины этой восточной страны. Научные изыскания архимандрита Иакинфа (Бичурина) являются фундаментальными в изучении Китая: он написал книги по географии, истории, литературе, составил словари. Духовная миссия подготовила появление русского дипломатического представительства в Пекине. Миссия проповедовала православие среди китайцев, готовила китайских священников, строила церкви (см. 9). В 1916 г. число крещеных китайцев достигло 5,5 тыс. человек. После революции 1917 г. Миссия давала приют русским беженцам. Однако в советское время работа ее стала затухать, и в 1954 г. Духовная миссия в Китае была закрыта из-за отсутствия средств на ее содержание.

Русская Духовная миссия в Японии организована в 1870 г. усилиями иеромонаха Николая (Касаткина). Этот проповедник был ученым, педагогом, переводчиком. Он изучал японский язык, философию, историю, религию, читал буддийские тексты, беседовал с бонзами. Через японскую культуру, религию и традиции святитель Николай искал пути к японской душе, которая, по его мнению, как и душа любого человека, была христианкой. Святитель стал первым православным епископом Японии. За 50 лет своего служения он окрестил более 30 тыс. японцев, подготовил японских православных священников. Миссионерская деятельность Николая (Касаткина) способствовала установлению государственных отношений между Россией и Японией. В нелегкий же период Русско-японской войны святителю удавалось гармонизировать взаимоотношения с помощью религии. Он построил духовную семинарию для японских учащихся. Епископ Николай чтит японские праздники, упоминал о них во время богослужений, читал лекции по буддизму и христианству, говорил о том, что их объединяет, а в чем преимущество христианства. В советское время Духовная миссия в Японии не закрывалась, но в 1970 г. она была упразднена, и вместо нее создано Патриаршее подворье РПЦ в Японии, задачами которого стало посредничество между общественными и религиозными организациями, осуществление паломнических поездок и миссионерская работа.

Русская Духовная миссия в Корее учреждена в 1897 г. с целью окормления русских дипломатов и деятелей культуры. В первую очередь, Миссия должна была обеспечить политическое влияние России. Но, конечно, она занималась и собственно миссионерской деятельностью: изучала корейский язык, осуществляла переводы православной литературы на корейский язык, строила миссионерские станы, крестила корейцев. Усилиями архимандрита

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Павла (Ивановского) было построено катехизаторское училище, подготовлены корейские священники для богослужений в православных храмах Кореи. После 1917 г. Миссия осталась без материальной поддержки советской власти, и долгое время ей оказывали помощь Англиканская церковь и богатые благотворители. Однако к 1953 г. их влияние ослабло, и Миссия перешла к грекам. После разделения Кореи Духовная миссия окончательно присоединилась к Константинопольскому Патриархату. Начался греческий период Корейской православной церкви, который продолжается и по сей день.

Что касается Монголии, то самостоятельной Духовной миссии в этой стране создать не удалось, помешала революция 1917 г. Однако долгое время православные в Монголии окормлялись Забайкальской и Пекинской Духовными миссиями. В 1860 г. был подписан Пекинский договор, по которому русским купцам разрешалось торговать в Монголии. В Урге было открыто русское консульство, приехали 20 казаков с семьями, и понадобился храм. В 1864 г. была построена Троицкая церковь. Священники приезжали из Забайкалья. Занимались в основном христианским образованием и воспитанием своих же русских купцов, казаков, дипломатов, разного рода специалистов. Миссионерство среди монголов успеха не имело по причине глубоко укоренившихся традиций ламаизма и шаманизма. Так, например, иеромонаху Геронтию, прибывшему в Ургу из Пекинской Духовной миссии, удалось окрестить только 40 монголов, которые верили и Христу, и ламам, и шаманам. В 1921 г., по приказу барона Унгерна, был убит священник, а в 1927 г. храм в Урге был закрыт, хотя на территории Монголии оставались и русские, и семьи со смешанными браками, которые исповедовали православие.

Таким образом, создание Русских Духовных миссий было продиктовано политическими, миссионерскими, научными, культурными, социальными и экономическими причинами. В совокупности это создавало условия, благоприятствующие усилению геополитического влияния России, установлению контактов и сближению со странами Дальнего Востока. После революции 1917 г. государство перестало оказывать поддержку миссиям, и они были вынуждены прекратить свое существование.

Возрождение Духовных миссий и правовые основы их деятельности

Работа РПЦ по возрождению миссионерской деятельности стала осуществляться в конце XX – начале XXI в. Так, в Китае возобновляются богослужения в двух храмах, решен вопрос на высшем уровне о развитии отношений между Россией и Китаем в сфере религии. В Японии активизировало работу Патриаршее подворье РПЦ, в котором занимаются общественными и религиозными организациями, работающими в сфере культуры и религии. В Север-

ной Кореи, в центре Пхеньяна, в 2006 г. построен большой православный храм, появились приходы РПЦ, переводится Библия на корейский язык, подготавливаются корейские священники для богослужения. Активизации работы в Монголии во многом способствует священник Андрей Трубач. При его участии возобновляются православные общины, строится храм, проходят службы для местнорусского населения, создан православный спортивный клуб, заработал издательский отдел, организована работа по переводу на монгольский язык популярных православных брошюр, налажен выпуск православной газеты «Троица» на монгольском языке. Открыт православный детский культурный центр, где работают бесплатно различные творческие кружки, которые пользуются популярностью у монголов, потому что дополнительное платное образование для большинства из них недоступно.

Сегодня Россия начинает уделять все большее внимание восточному вектору своей внешней политики. Во многом это обусловлено геополитическими интересами и остро стоящими вопросами обеспечения национальной безопасности на российском Дальнем Востоке. Снижению остроты некоторых из них могли бы способствовать возрожденные Духовные миссии. Пока государство не заинтересовалось этим вектором современной геополитики. Однако РПЦ может оказать и уже оказывает помощь государству в решении некоторых проблем, например миграционных, что особенно актуально для таких регионов России, как Сибирь и Дальний Восток. Не случайно В.В. Путин во время пребывания в 2000 г. в Благовещенске акцентировал внимание на том, что если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках [8, Дата посещения: 26.05.2010].

«В 1989 г., согласно последней Всесоюзной переписи населения, в СССР было немногим более 11 тыс. китайцев... Сегодня оценки численности китайских мигрантов колеблются от нескольких сот тысяч до 2 млн.» (3, с. 162). По некоторым прогнозам, к 2020 г. количество китайских мигрантов превысит 40 млн. (6, с. 64). В Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке ежегодно проводят научные региональные и всероссийские конференции, общественные слушания по вопросам миграционной политики. В них активное участие принимает РПЦ, предлагая свои варианты гармонизации отношений между гражданами РФ и мигрантами.

Сегодня важной проблемой миссионерской деятельности РПЦ в странах Дальнего Востока является правовой аспект отношений государства и религии. Этот вопрос находится в поле зрения И.А. Арзуманова, который одну из своих монографий посвятил исследованию философско-правового аспекта вероисповедной политики России в Восточной Сибири. Автор справедливо отмечает недостаточную проработанность методологических составляющих,

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

включающих в себя анализ роли и места религиозного фактора в социополитических процессах в контексте их теоретико-правовой интерпретации и нормативно-правовой фиксации (2, с. 4).

В Китае в 1994 г. вышло «Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР», где речь идет о запрете религиозной деятельности для иностранцев. Исключение делается только для тех иностранцев, которые живут в Китае и могут исповедовать свою веру в своих храмах и приходах. В современной Японии наблюдается безразличие государства и общества к вопросам религии. Японцы стремятся к западному образу жизни и считают религию пережитком прошлого. В Северной Корее в последние годы на самом высоком уровне открываются возможности создания Духовной миссии. По крайней мере, глава КНДР Ким Чен Ир после посещения в Хабаровске храма святителя Иннокентия Иркутского решил построить православный храм у себя, со всеми вытекающими из этого миссионерскими делами: созданием приходов, рукоположением корейских священников, переводом богослужебной литературы на корейский язык, организацией иконописной мастерской. При этом редкий случай, храм был построен за государственный счет. Что касается Монголии, то в 1995 г. в Законе страны появилось положение «Об отношениях государства и церкви», в котором в качестве ведущей конфессии утверждается буддизм, причем со строго регламентированным количеством лам-священников, мест для культовых служений и количеством этих мест. То же самое распространяется и на другие конфессии, зарегистрированные в Монголии.

В настоящее время общероссийская и мировая практика деятельности в религиозной сфере базируются на рекомендациях международных правовых институтов. Россия при формировании религиозно-правовых отношений со странами Дальнего Востока пытается войти в международное правовое поле.

При возрождении Духовных миссий в Китае, Японии, Корее, Монголии открываются не только большие возможности, но и возникают проблемы объективного характера. Например, отсутствие подготовленных миссионеров для поездок в страны Дальнего Востока (на первое время такая подготовка могла бы свестись к языковой и богословской). В России не хватает священников для работы в приходах РПЦ, не говоря уже о грамотных священнослужителях для Духовных миссий. Поэтому для возрождения миссий в дореволюционном размахе у нынешней РПЦ просто нет возможностей. Хотя ростки этой работы наблюдаются, а где-то уже есть хорошие результаты.

Перспективы миссионерской работы в странах Дальнего Востока

В настоящее время имеются предпосылки для организации миссионерской работы как в странах Дальнего Востока, так и на территории РФ с мигрантами из этих стран. Ю.М. Галенович для развития духовных взаимоотношений между Россией и Китаем предлагает активизировать «работу обществ дружбы в обеих странах», «постоянно действующий форум интеллигентов», «регулярные телемосты между Москвой и Пекином», «работу по ознакомлению... с древней и современной культурой страны-партнера» (5, с. 193). Протоиерей Павел Великанов находит точки соприкосновения в общих смысловых ценностях, которые объединяют разные культуры на глубинном уровне (4, с. 194). Он определяет главные черты, характерные для китайской традиции: восприятие мира в гармонии и целостности, трудолюбие, реалистичность, укорененность в традиции, сердечность познания и человечность (4, с. 199). Эти же качества характерны для русской духовной жизни: и поиск гармонии мира внутреннего с миром внешним, и прикреплённость к земле, и любовь к труду, и почитание традиций, и миролюбие как образ бытия, и «русский кардиогазис», который отдаёт предпочтение «сердечным знаниям». Протоиерей Павел Великанов считает, что христианство может быть воспринято органично, без отторжения в живой ткани китайской жизни, потому что христианская вера имеет множество опорных точек, запечатленных в философско-религиозных учениях Китая (4, с. 194–205).

РПЦ ставит вопрос о восстановлении Духовных миссий, прежде всего, через православное китайское духовенство. На территории дипломатических представительств в Пекине, Шанхае, Гонконге предоставляется возможность научной работы, переводческой и издательской деятельности РПЦ. В Китае причислены к лику святых 222 китайских мученика, убиенных за православную веру в 1900 г.; есть икона этих святых. В стране живут их потомки, для которых православие – живая вера предков. Большую работу по собиранию православных китайцев осуществлял священник Александр Ду. В настоящее время РПЦ и Пекинский реабилитационный центр проводят совместную работу по избавлению китайских граждан от игровой, алкогольной и наркотической зависимости. Запад, к которому так стремится китайская молодежь, на первое место ставит индивидуализм. На Востоке этого никогда не было. Китайцы ищут человечность, так характерную их ценностному менталитету. В западной культуре они ее не находят. Восточный человек боится потерять свою национальную идентичность. Для русской же духовности тема личности – центральное понятие христианской антропологии. Общая духовность может нас сблизить. В Хабаровске для возрождения миссионерской работы

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

создана духовная семинария, где ведется подготовка будущих священников-миссионеров со знанием китайского языка.

С начала 2000 г. активизировала свою работу православная церковь в Японии. В Токио были посланы митрополит и два епископа, возобновилась работа духовной семинарии. Сейчас в Японии служат более 30 священников, и причисляют себя к православию около 30 тыс. японцев. Однако многие японцы считают православие иностранной религией, а большинство вообще равнодушно к религии. Идет мощная вестернизация страны, японцы тянутся к американским ценностям. Но при этом люди постепенно начинают осознавать, что деньги не заменяют любовь, сочувствие, милосердие, духовность. Не случайно в японских филиалах Дальневосточного государственного университета наряду со светским образованием предлагается программа русской духовной культуры.

В последние годы значительно оживилась миссионерская работа в Корее. Возобновились богослужения в православных храмах, подготовлены корейские священники. Многие православные корейцы, которые посещали греческие православные храмы, переходят в РПЦ к корейским священникам. Перед миссионерами стоит задача активизировать российско-корейские культурные связи, показать красоту и духовную «целебность» русского православного богослужения, открыть для корейцев гармонию духовных песнопений, перевести на корейский язык русские духовные книги.

Таким образом, воссоздание Духовных миссий Русской православной церкви в странах Дальнего Востока могло бы стать одним из векторов государственной политики России и обеспечения ее геополитических интересов. «Религиозный фактор имеет самое непосредственное отношение к вопросам геополитического спектра», так как пространство духовной культуры является объектом геополитики (1, с. 201).

Религиозные инновации на Дальнем Востоке

Помимо внутренних проблем воссоздания Духовных миссий (нехватка священнослужителей, отсутствие миссионерской подготовки, незаинтересованность государственных чиновников и т.д.), есть и внешние проблемы. Это касается не только специальных указов, не разрешающих религиозную деятельность на территории той или иной страны, есть проблема так называемых религиозных инноваций. В последние десятилетия Запад, как и Россия, устремился на Восток. Это, как пишет И.А. Арзуманов, в первую очередь выразилось в духовной экспансии в лице миссионеров и проповедников преимущественно постпротестантских деноминаций. Они используют желание восточной молодежи изучать иностранные языки, а через некоторое время начинают проповедовать протестантизм в различных инновационных разно-

образах. Например, по сведениям секретаря Правительственного Совета по делам иностранных граждан при Минюсте Монголии Б. Доньчжимбуу, за последние годы в стране наблюдается настоящая конфессиональная атака: только в Улан-Баторе действуют 30 общин, сект под вывеской гуманитарного фонда, который скупает недвижимость через подставных лиц; его сотрудники ездят по стране не только с Евангелием, но и с аппаратурой для топо съемок и гидрометеорологических наблюдений; молодежь активно вербуются за границу, формально для обучения пасторскому делу, а фактически идет разрушение единства монгольского народа и его традиционной культуры (1, с. 121).

Для стран Дальнего Востока вопрос о влиянии западных религиозных инноваций становится вопросом национальной безопасности. «Новые крестonosцы» втягивают в свои секты не только монголов, китайцев, японцев, корейцев, они затягивают и российских граждан, проживающих на территории этих стран. Зарубежные религиозные организации хорошо финансируются, зачастую посылаются и снабжаются не церковью, а государственным аппаратом для сбора нужной информации. Деятельность религиозных инноваций на Дальнем Востоке служит насаждению западных культурных ценностей. И.А. Арзуманов выявляет задачи, стоящие перед академическими и государственными институтами: активизация усилий по информационно-аналитической обработке происходящих религиозных процессов и научно-правовое осмысление появившихся религиозных инноваций, в том числе и в рамках государственной безопасности (2, с. 135).

Миссионерская работа среди мигрантов

Наконец, есть еще один вектор работы Духовных миссий на Дальнем Востоке – это миссионерство среди мигрантов из Китая, Японии, Кореи, Монголии, проживающих на территории РФ или временно, или постоянно. Например, на Сахалине работают более 3,5 тыс. японцев, однако жить там они не хотят. То же самое можно сказать о монголах. Живя в России, они не подвергаются русификации. Более того, они боятся утратить национальную идентичность. Корейцам было разрешено заселить Дальний Восток и Сибирь в 1860-е годы из-за массового голода в Корее. Несколько тысяч корейцев поселились в России, приняли гражданство, крестились. Были открыты корейские православные приходы; в Чите, например, работало миссионерское училище для обучения корейцев, китайцев и японцев, проживающих в Забайкалье, а при училище была церковь, где служили священник-кореец и дьякон-кореец. Выходила православная газета на корейском языке. И в настоящее время в Сибири и на Дальнем Востоке России проживают десятки тысяч ко-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

рейцев, многие из которых обрусели, имеют русских потомков в нескольких поколениях и являются достойными гражданами РФ.

Сложнее всего дело обстоит с китайскими мигрантами. На российском Дальнем Востоке и в Байкальской Сибири – это одна из самых острых проблем. Китайская Народная Республика очень быстро осваивает свой север. Избыточное население, бедность, безработица толкают людей еще дальше, севернее китайской границы. С.В. Картунов, бывший в середине 1990-х годов консультантом помощника президента России по национальной безопасности, пишет: «В жестком правовом регулировании – как на федеральном, так и на местном уровне – нуждается процесс формирования китайской диаспоры на Дальнем Востоке, поощряемый китайским руководством. Не следует забывать и того, что нынешняя линия китайского руководства в отношении России является составной частью его долгосрочной стратегии, направленной на выигрыш времени – обеспечение благоприятных международных условий для накопления сил, наращивания экономической и военной мощи до такого уровня, который гарантировал бы ему доминирование в АТР, а в дальнейшем – и в глобальном масштабе» (7, с. 20).

И.И. Арсентьева в своей книге «Забайкальский край в системе национальной безопасности России» отмечает, что «каждый второй китаец приезжает в Россию с твердым намерением не возвращаться на родину» (3, с. 167). Большинство китайцев совсем не знают историю, религию, культуру России (например, китайцы поставили балет «Лебединое озеро» с цирковыми трюками и лягушками вместо лебедей). Во многих китайских представлениях о русских нет привлекательности, нет духовного образа носителя русской культуры. Решению этой проблемы может способствовать возрождение Духовных миссий. Так, Хабаровская духовная семинария уже занимается подготовкой миссионеров по работе с китайскими мигрантами, есть случаи крещения, посещения храмов, сначала с экскурсией, а потом и по духовной потребности. Организуются такие экскурсии и в Чите, их проводят преподаватели центра русской культуры «Кириллица», созданного при филологическом факультете Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Таким образом, для России актуально взаимодействие государства с традиционными созидательными религиями, которые вносят позитивный вклад в культуру, язык, традиции и самосознание народа. Возрожденные Духовные миссии могли бы сыграть большую роль в изучении стран Дальнего Востока, способствовать взаимодействию с ними на дипломатическом, культурном, религиозном и прочих уровнях. При сегодняшнем отсутствии государственной программы миссионерской деятельности создаются условия, отрицательно влияющие на национальную безопасность России в целом и ее отдельных регионов.

Литература

1. Арзуманов И.А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2006. – 212 с.
2. Арзуманов И.А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 191 с.
3. Арсентьева И.И. Забайкальский край в системе национальной безопасности России. – М.: Восточная книга, 2009. – 208 с.
4. Великанов Павел, протоиерей. Россия и Китай: перспективы культурного диалога цивилизаций // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. научно-практич. конференции (Хабаровск, 19–21 сентября 2006 г.). – Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2006. – С. 194–206.
5. Галенович Ю.М. Духовное взаимопонимание в отношениях России и Китая // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. научно-практич. конференции (Хабаровск, 19–21 сентября 2006 г.). – Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2006. – С. 184–194.
6. Гильбо Е. Перспективы китаизации России // Российская Федерация сегодня: общественно-политический журнал Федерального собрания – Парламента РФ. – М., 2004. – № 13. – С. 63–64.
7. Картунов С.В. Россия ищет союзников // Международная жизнь. – М., 1996. – № 5. – С. 17–30.
8. Путин В.В. Выступление на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» (Благовещенск, 21 июля 2000 г.) // Российская газета. – Режим доступа: http://www.rg.ru/official/from_min/mid/897.htm (Дата посещения: 26.05.2010).
9. Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (страницы истории). – Россия и современный мир. – М., 2001. – № 1. – С. 165–181.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Т.В. Абанкина, В.М. Гнедовский

НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО МЕСТНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРАХ ВЕЙМАРА, СТРАТФОРДА И ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ)

Абанкина Татьяна Всеволодовна – кандидат
экономических наук, директор Центра прикладных
экономических исследований Высшей школы экономики.

Гнедовский Василий Михайлович – эксперт
Института культурной политики.

*«...В одной только Европе насчитывается 102 000
территориальных единиц, 1000 регионов и миллионы
населенных мест, и у каждого из них должно быть
свое уникальное лицо, свои конкурентные преиму-
щества на определенных рынках»
(Ф. Котлер и др. Маркетинг мест, М., 2005).*

В этом исследовании сравниваются три знаменитых европейских культурных центра, представляющих небольшие регионы (в узком смысле этот термин употребляется и далее), соревнующиеся на рынке культурного туризма, чей главный капитал – культурное наследие, оставленное выдающимися художниками и мыслителями прошлого*.

Цель исследования – анализ возможностей использования местных ресурсов и культурного наследия в интересах регионального развития, а также

---

* Исследование выполнено Институтом культурной политики по заказу Международного фонда «Наследие Л.Н. Толстого» в рамках совместного проекта «Стратфорд-на-Эйвоне – Веймар – Ясная Поляна: Национальное культурное наследие как фактор устойчивого регионального развития». Проект поддержан Европейской комиссией в рамках программы TACIS-IBPP.

обмена опытом и сотрудничества между национальными культурными центрами в Стратфорде-на-Эйвоне, Веймаре и Ясной Поляне.

Все три центра получили известность благодаря тому, что в них жили великие писатели – Шекспир, Гёте и Толстой. На основе сохранившихся мемориальных объектов возникли культурные институты. До недавнего времени их усилия были направлены на сохранение и изучение наследия. Однако в последние 15–20 лет в Великобритании, Германии и России были осуществлены серьезные реформы, связанные с изменениями в политике и экономике. Эти изменения сказались и в том, что культурные институты стали более самостоятельными и одновременно более открытыми к сотрудничеству. Круг задач культурных институтов существенно расширился. В их деятельности появились новые ориентиры: решение острых социальных проблем в регионах, окружающих культурные центры, и создание позитивного социального климата, развитие социальной коммуникации и стимулирование креативности, привлечение инвестиций и повышение конкурентоспособности регионов.

Местные условия и структура взаимоотношений ключевых субъектов изучались по методике «Environmental Profile», разработанной подразделением Организации Объединенных Наций «ООН-Хабитат» и адаптированной экспертами Института культурной политики для целей данного исследования. Сравнительный анализ ситуации в трех регионах был проведен в традициях российской школы общественной географии, предполагающих параллельный анализ пространственных и отраслевых аспектов развития территории.

География культурных центров

Исследуемые регионы расположены в трех крупных и влиятельных государствах, обладающих развитой экономикой. Все они входят в «Большую восьмерку» (G8) и имеют валовой внутренний продукт более 1,5 трлн. долл. каждая, в них проживают от 60 до 142 млн. человек. Таким образом, все три региона вполне могут рассчитывать на внутренний национальный рынок как основу своего развития. Главные отличия заключаются в том, что граждане Германии и Великобритании живут компактнее и почти вдвое богаче россиян.

В большинстве европейских стран около половины доходов туристических центров обычно приходятся на однодневные поездки, которые совершают жители окрестных территорий и крупных городов. Таким образом, существенное значение приобретает объем местных и региональных рынков, а также близость столиц и других крупных городов. В случае Веймара, Стратфорда и Ясной Поляны расстояние до столиц примерно равное, его можно

преодолеть за 2–2,5 часа, однако Лондон и Москва примерно в 3 раза превосходят Берлин по численности населения, не уступая ему при этом по уровню благосостояния жителей. С другой стороны, местный туристический рынок Ясной Поляны (даже потенциальный рынок, представленный всем населением Тульской области) в полтора раза меньше, чем у Веймара, и в два с половиной меньше, чем у Стратфорда, который расположен в очень густонаселенной местности. Стратфорд выделяется и по объемам регионального туристического рынка, в первую очередь за счет наличия на прилегающих территориях крупных городов – миллионного Бирмингема и Ковентри, население которых в сумме существенно больше Тулы, Новосибирска и Серпухова в России, Эрфурта, Йены и Горы в Германии (см. табл. 1 в приложении).

Культурное наследие

По плотности культурного наследия в количественном выражении (число культурных брендов, музеев и достопримечательностей, операторов культурного наследия и высших учебных заведений) Веймар превосходит Стратфорд в 3–5 раз, а Ясную Поляну примерно в 6 раз. Из трех регионов лишь в немецком культурном центре находятся штаб-квартиры высших учебных заведений (Университета Баухаус и Консерватории), в Стратфоре есть лишь филиал Бирмингемского университета (Институт Шекспира), а в Ясной Поляне вузов пока нет. Кроме того, в 1999 г. в ходе реализации программы «Веймар – культурная столица Европы» в городе появились новые Конгресс-центр и современный учебный центр, которые располагают большими инфраструктурными возможностями для развития образования, проведения конференций, концертов и других культурных мероприятий.

Существенно, что в истории Веймара не было единственной исторической личности, которая бы абсолютно доминировала в культурном ландшафте города: десятки великих творческих людей, насколько знаменательных событий и крупных социально-художественных явлений определяют образ города и делают его разнообразным. В то же время в Ясной Поляне все вращается вокруг имени Льва Толстого, а в Стратфорде – вокруг Уильяма Шекспира. Это выделяет Веймар на фоне двух других регионов.

Развитие туризма

Туристическая индустрия стала главным инструментом капитализации культурного наследия во всех трех регионах. Туризм и связанные с ними отрасли определяют экономическую специализацию, экономический базис трех национальных культурных центров: именно в этой сфере создается больше всего рабочих мест и именно в этих отраслях создается наибольшая добавленная стоимость.

Три региона находятся на разных стадиях развития туризма. В Стратфорде отрасли туристского сектора развиваются уже около 350 лет и достигли своего пика в 1970-е годы; сейчас этот город переживает период стабильности и даже небольшого снижения своей туристической привлекательности. В Веймаре история «туристического освоения территории» несколько короче и насчитывает около 150 лет, а после объединения Германии туристическая индустрия, да и сам город переживают новое рождение – большую волну нарастающего интереса. В Ясной Поляне туризм получил существенное развитие только после Второй мировой войны, и здесь также произошли существенные изменения после 1991 г. Немецкий и российский регионы сейчас переживают период бурного роста туристического потока, отраслей туристического сектора и соответствующей инфраструктуры.

Ясная Поляна, принимающая 130 тыс. посетителей в год, безусловно, выглядит «карликом» на фоне крупных туристских регионов Веймара и Стратфорда, на долю которых приходится соответственно 3,5 и 5,5 млн. туристов в год. Из них примерно 15–15% ночуют в городских гостиницах и гостевых домах, приезжают в среднем на два дня, 1–1,5% туристов приезжают в гости к друзьям и родственникам, а остальные 82–84% проводят в Веймаре и Стратфорде лишь несколько часов.

Все три региона в основном работают на национальных туристических рынках, поскольку они очень велики. Среди посетителей Ясной Поляны лишь 1% иностранцев, а в других регионах 13–14% постояльцев местных гостиниц – гости из заграницы. По имеющимся данным, около половины посетителей музеев Стратфорда – иностранцы; о Веймаре, к сожалению, таких данных нет, однако по оценкам местных экспертов, доля зарубежных посетителей не столь высока.

Возможно самый важный социально-экономический эффект развития туризма – это создание дополнительных рабочих мест в отраслях, связанных с обслуживанием туристов. Этот – мультипликативный – эффект развития туризма наиболее ценен для жителей туристического центра и для местных властей. Безусловно, для Стратфорда туризм играет более существенную роль, чем для Веймара: 6884 занятых на рабочих местах, созданных в результате развития туризма – это больше половины всех работающих людей в городе. В Веймаре же из 21 тыс. занятых в экономике жителей города, на рабочих местах, созданных в результате развития туризма, работают лишь 4300 (20,6%). Таким образом, эффект развития туризма для населения германского культурного центра имеет в 2,5 раза меньшее значение, чем для британского.

Если экстраполировать результаты количественной оценки социальных эффектов развития туризма на Ясную Поляну, по которой, к сожалению, нет данных, то получается, что уровень заинтересованности местных жителей в развитии туризма при существующем туристическом потоке не может иметь

определяющего значения для развития социума. На данный момент туризм может обеспечить работой не более 1/5 работающего населения.

Цифры свидетельствуют, что Стратфорд буквально «живет» туризмом, в нем все пропитано духом туристского обслуживания. Для других регионов туризм пока не играет такой важной роли, хотя его возрастающее значение уже заметно. Очевидно, что и Веймару, и Ясной Поляне необходимо увеличить туристический поток примерно в 2–2,5 раза, чтобы достичь уровня Стратфорда в туристической специализации местной экономики. Причем Ясной Поляне одновременно нужно повышать эффективность использования существующего потока посетителей. Вместе с тем понятно, что зависимость от одной отрасли экономики, пусть и не такой динамично развивающейся, как туризм, не может гарантировать устойчивость социально-экономического развития региона.

Можно сделать вывод, что Стратфорд-на-Эйвоне представляет пример эволюционного развития культурного центра с опорой на территориальные ресурсы (месторасположение, культурное наследие, торговлю). В истории Веймара наблюдается смена типа территориального развития с промышленного на постиндустриальное: сворачивание промышленного производства и становление культурных, образовательных и творческих институтов, способствующих развитию новой экономики. Что касается Ясной Поляны, то она являет собой опыт того, как на территории малых городов и сельских районов создается федеральное учреждение культуры – музей-заповедник, финансируемый за счет средств федерального бюджета. Здесь характерен резкий разрыв взаимосвязей между отсталой локальной территориальной инфраструктурой, лишенной финансовых источников, и федеральным учреждением, вследствие чего Ясную Поляну следует считать неким анклавом в окружающей социокультурной среде. Оптимальный вариант развития этого значимого отечественного музея-заповедника – преодоление «модели анклава», превращение ее в *модель партнерства*.

Подводя итоги, можно кратко сформулировать *предложения для России* по перспективам развития партнерства в сфере культуры, обеспечивающим устойчивое развитие территорий. Необходимо:

- обеспечить институциональное сотрудничество коммерческих и некоммерческих региональных и локальных субъектов, заинтересованных в развитии территориальной культурной инфраструктуры;
- стимулировать предпринимательскую активность местного сообщества, в том числе за счет формирования корпоративных (паевых) экономических субъектов, способность преодолеть несомасштабность индивидуальной предпринимательской активности развитию крупных инфраструктурных объектов культуры и туризма;

- разработать и освоить специальные финансовые схемы долевого участия, обеспечивающие «стягивание» финансовых ресурсов для оживления территориального развития, и удовлетворяющие потребность креативного класса в «недорогих длинных деньгах».

Одна из ключевых управленческих задач среднесрочного периода для России после выхода из финансового кризиса – приостановить отток и вымывание экономически активного населения в столичные города и обеспечить за счет развития социальной инфраструктуры приток и закрепление креативного класса на территориях, ориентированных на постиндустриальное развитие. Соответственно, необходимо создать институциональные и легальные условия для кооперации и интеграции проектной активности в сфере культуры, укрупнение масштабов специальных проектов, обеспечивающих самостоятельное выживание и развитие экономических субъектов, усадебных хозяйств и предпринимательской деятельности в сфере культуры и туризма.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Веймар – Ясная Поляна – Стратфорд: сравнительная характеристика трех культурно-туристских регионов

Таблица 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТРЕХ РЕГИОНАХ

		Стратфорд	Веймар	Ясная Поляна
Страна локализации				
Название		Соединенное Королевство	Федеративная Республика Германия	Российская Федерация
Площадь		244 820 км ²	357 050 км ²	17 075 400 км ²
Население				142 400 000
ВВП				1576 млрд. долл.
ВВП на душу населения				11 041 долл.
Туристический центр				
Тип населенного пункта		Город	Город	Сельская местность
Население		23,676 (2001)	64,361 (2005)	2,461 (2002)
Возрастная структура населения	до 15 лет	18,3%	11,1%	16,9%
	16–65	65,2%	69,6%	46,1%
	от 65	16,5%	19,3%	37,0%
Туристско-рекреационный район				
Название (центры)		Страна Шекспира** (Стратфорд и Уорик)	Земля Веймара*** (Веймар и Апольда)	Щекинский район* (Щекино)
Площадь		1262 км ²	885 км ²	1379 км ²
Население (тыс. чел.)		259,3	154,7	110,3
Уровень безработицы (МОТ)		2,3%	20,6%	8,8%
Регион локализации				
Название		Вест Мидлэндс	Тюрингия	Тульская область
Центр		Бирмингем	Эрфурт	Тула
Площадь		13 004 км ²	16 171 км ²	25 700 км ²
Население (тыс. чел.)		5267 (2001)	2411 (2005)	1622 (2005)
Ближайшие крупные города				
Название – население (тыс. чел.)		Бирмингем – 1001,2 Ковентри – 304,2	Эрфурт – 202,6 Гера – 104,7 Йена – 102,2	Тула – 465,9 Новомосковск – 129,8 Серпухов – 126,7

* – Данные по сельской местности Щекинского района в целом.

** – Включает округа Стратфорд-на-Эйвоне и Уорик графства Уоркшир.

*** – Включает территорию города Веймар и района Земля Веймара.

Таблица 2

КУЛЬТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ ТРЕХ РЕГИОНОВ

	<i>Стратфорд</i>	<i>Веймар</i>	<i>Ясная Поляна</i>
Важнейшие бренды			
Число	2	6	1
Названия	• У. Шекспир • «Королевский шекспировский театр»	• «Немецкий “Золотой век”» (литература) • «Немецкий “Серебряный век”» (музыка) • «Баухаус» • «Немецкий национальный театр» • И.С. Бах	Л.Н. Толстой
Важнейшие операторы культурного наследия			
Число	2	6	1
Названия	• Фонд «Родина Шекспира» • Королевская шекспировская театральная компания	• Фонд Веймарской классики • Немецкий национальный театр • Фонд Бухенвальда • Мэрия Веймара • Университет Баухаус • Консерватория	Музей-заповедник «Ясная Поляна»
Музеи и музеефицированные объекты			
Число	7	30	5
Высшие учебные заведения			
Число	1	2	0
Названия	• Институт Шекспира Бирмингемского ун-та	• Университет Баухаус • Консерватория (Высшая школа музыки им. Ф. Листа)	—

Таблица 3

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ТРЕХ РЕГИОНАХ

	<i>Стратфорд*</i>	<i>Веймар**</i>	<i>Ясная Поляна**</i>
Инфраструктура размещения			
Количество мест	7,622 (4,506***)	3,469	550
Наполняемость		42,9%	н/д
Туристы (посетители)			
Общее число, в том числе:	~5,465 тыс.	~3,500 тыс.	~130 тыс.
Однодневные	4,517 тыс. (82,6%)	~3,500 тыс. (84,2%)	н/д (~95%)
С ночевкой	862 тыс. (15,8%)	543 тыс. (14,2%)	н/д (~5%)
В гости	86 тыс. (1,6%)	35 тыс. (1%)	н/д
Доля иностранных туристов среди ночующих	109 тыс. (12,7%)	74 тыс. (14%)	1,2 тыс. (1%)****
Доходы от туризма			
Все туристы, в том числе:	£238,1 млн.	125,85 млн. евро	н/д
Однодневные	£108,9 млн. (45,7%)	66,3 млн. (46,0%)	н/д
С ночевкой	£121,4 млн. (51%)	57,95 млн. (52,7%)	н/д
В гости	£7,7 млн. (3,2%)	1,5 млн. (1,3%)	н/д
Рабочие места			
Создано всего, в том числе:	6,884	4,300	н/д
Напрямую	5,702	н/д	н/д
Косвенно	1,183	н/д	н/д

Данные: Стратфорд – 2001 г.; Веймар и Ясная Поляна – 2005 г.

* – Данные за 2001 г.

** – Данные за 2005 г.

*** – Количество мест исключительно в гостиницах.

**** – Доля среди туристов.

Таблица 4

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ТРЕХ РЕГИОНАХ

	<i>Стратфорд</i>	<i>Веймар</i>	<i>Ясная Поляна</i>
Количество туристов (тыс. чел. за год)	5465	3500	130
Работающее население (чел.)	12 658	20 918	879
Количество туристов на одного работающего жителя	432	167	148
Созданные в результате развития туризма рабочие места, всего:	6884	4300	106**
в том числе напрямую	5702	3562*	132
и косвенно	1883	738*	28**
Социальный эффект развития туризма (доля связанной с туризмом занятости в общем числе работающих граждан в %)	54,4	20,6	18,2

Созданные в результате туризма рабочие места рассчитаны по так называемой Кембриджской модели.

* – Значения экстраполированы.

** – Такие значения могут быть достигнуты при существующем потоке, при условии развития сферы услуг.

Д.А. Ивашинцов

АЛЬМАНАХ «РУССКИЙ МІРЪ»

Ивашинцов Дмитрий Александрович – заслуженный деятель науки РФ, главный редактор альманаха «Русский міръ».

К идее создания альманаха «Русский міръ» международная ассоциация «Русская культура» пришла не сразу – по мере того, как все более очевидной становилась востребованность такого альманаха. Понятно, что современные тенденции в развитии интеллектуально-духовного потенциала нашей цивилизации не вселяют оптимизма. Современность предлагает нам разнонаправленные тренды этнокультурных процессов, которые формируют зоны повышенной напряженности. Снятию напряженности в этнических и национальных конфликтах может способствовать принцип «гражданства на основе культурной идентичности». Этот принцип тесно связан с пониманием этнокультурного мира как сетевой структуры¹. В трактовке авторов этой идеи этнокультурные миры будущего, которые сохраняют свою внутреннюю идентичность, будут базироваться на транснациональных связях обществ и отдельных индивидуумов, четко позиционирующих себя относительно культурной идентичности.

Международная ассоциация «Русская культура» в основу своей деятельности положила выработку стратегии и философии новой глобальной структуры – «Русского міра», представляющей собой единое жизненное пространство разделенной нации. «Русский міръ» – это своеобразный мост между прошлым и будущим. При этом первая часть наименования проекта имеет современное написание и обращена в будущее. Вторая часть несет философско-онтологическую нагрузку и отсылает к традициям русской историософии, к основам русской философской мысли XIX – начала XX в.

---

1. Русский міръ: Проблемы и перспективы. Материалы I Международной Конференции. Санкт-Петербург 28–29 ноября 2002 г. Изд-во «Петербургский писатель», С.-Петербург, 2004.

Таким образом, проект «Русский мірь» предполагает построение новой этнокультурной общности, онтологическим ядром которой станут традиции православия, русский язык и русская культура, а структурную связность обеспечат современные информационные технологии.

Консолидация такой общности, которая моделирует надгосударственные структуры будущего, невозможна ни по приказу свыше, ни по призыву отдельно взятого лидера. Именно поэтому мы попытались создать площадку коммуникации сначала в виде конференций «Русский мірь – проблемы и перспективы», которые с успехом прошли в Петербурге в 2002 и 2004 гг. Затем, с 2008 г., выпуска альманах «Русский мірь. Пространство и время русской культуры»².

Помимо глобальных задач к созданию альманаха нас подтолкнуло состояние художественной культуры и гуманитарных научных дисциплин в самой России. В редакционной статье, открывающей второй номер альманаха, отмечается, что особая наша цель – сохранение русской интеллигенции, создание условий для ее духовного воспроизводства.

На сегодняшний день из печати вышло три выпуска альманаха и одно литературное приложение. География его авторов отражает пеструю карту русского мира. Помимо городов и весей самой России, она успела охватить более 15 стран мира. Это прежде всего наши ближайшие соседи – Латвия, Финляндия, Норвегия, Эстония; страны, приютившие эмигрантов первой волны – Германия, США, Франция; страны с большой русскоговорящей диаспорой – Израиль, Греция.

Открытость нашего подхода демонстрирует рубрика альманаха «Кафедра ЮНЕСКО», которую ведут директор СПб отделения РИК, доктор филологических наук Дмитрий Спивак и научный сотрудник сектора фундаментальных исследований культуры отделения Алексей Тимашков. На страницах этой рубрики мы пытаемся получить ответ на вопросы, связанные с восприятием концепта «Русского міра» представителями других стран и национальностей.

Ряд других наиболее значимых рубрик конструируют концептуальное пространство альманаха. Идея свободного движения / плавания философской мысли воплощается в рубрике «Философский пароход», которая предлагает читателю (во втором и третьем выпусках) беседы русских философов Татьяны Горичевой, Александра Секацкого, Даниэля Орлова и Андрея Положинцева. Темы бесед говорят сами за себя: «Наваждение глобализма», «Каспар Давид Фридрих: взгляд по ту сторону горизонта (об актуальном в романтизме)». Событием рубрики стала статья филолога и искусствоведа Ольги Саку-

2. Интернет-версия альманаха доступна по адресу <http://www.russkymir.org?page.-id=49>.

ровой «Конь, Всадник и Змея», предлагающая новое (и во многом неожиданное) прочтение поэмы Пушкина «Медный всадник» в контексте рефлексии над ключевыми архетипами и символами российской истории.

Одна из важнейших задач альманаха – представление многообразия словесной культуры Русского мира. Открываемая в третьем номере рубрика «Народная письменность» важна для нас тем, что вводит в общекультурный контекст огромный материк словесности, включающий частную переписку, записные книжки, дневники, жизнеописания (написанные «для себя», а не «для печати»), альбом, песенники, наивные поэтические опыты и т.д. Ведущий рубрики, филолог Олег Николаев, отмечает: «Пренебрежение народными (неофициальными) источниками ведет к тому, что мы теряем целые пласты “другой” – запечатленной простым человеком – отечественной истории... История имеет смысл для человека только потому, что обладает “человеческим” измерением, а значит, помогает каждому обрести свою идентичность». В третьем выпуске опубликованы документы и материалы, связанные с раскулачиванием и ссылкой крестьян в Северо-Западную Сибирь в период сплошной коллективизации. Широк жанровый диапазон этих текстов: опись имущества, изъятого при раскулачивании; сборник частушек в самозаписи; восстановленная от руки часть текста Нового Завета; разные виды жизнеописаний и даже наивная стихотворная хроника.

Рубрика «Поэзия плюс» нацелена не только на поиск интересных поэтических произведений, но и на создание пространства их восприятия в культурологических, философских социальных контекстах. В этом отношении альманах уходит от традиционной практики герметичной (узкохудожественной) репрезентации поэзии. Наиболее показательна публикация во втором номере подборки стихотворений известного рок-музыканта Юрия Шевчука совместно с материалами члена редколлегии Татьяны Ковальковой («Правда голых слов») и филолога Людмилы Шишкиной-Ярмоленко («Русский экстрим. Опыт антропологической прозы»).

Только к третьему выпуску мы определились с разделением мемуарной прозы между двумя рубриками: «Струг истории» и «Далекое близкое». Первая из них включает в себя воспоминания людей, ушедших из жизни, и касается событий, отделенных от нас достаточным отрезком времени. Таковы интереснейшие воспоминания русского морского офицера Бориса Бьёркелунда (1893–1976), предоставленные нам его вдовой Ириной Романовной, проживающей в Хельсинки. Во втором выпуске опубликованы воспоминания Сергея Туника, юриста, российского офицера, о его детстве, переданные в редакцию альманаха его дочерью Галиной Туник-Роснянской, проживающей в США.

Рубрика «Далекое близкое» касается недавнего прошлого. Отметим воспоминания драматурга и издателя Николая Якимчука из Санкт-Петербурга о

Сергее Курёхине и Давиде Самойлове, а также культуролога и публициста Лидии Довыденко из Кенигсберга о русском философе Николае Арсеньеве. Последний текст сочетается с любезно предоставленной исследователем из Ниццы Ренэ Герра статьей самого Арсеньева из сборника «Старые – молодым». Этот сборник примечателен не только подбором авторов и тем, что он издан Издательством Центрального Объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) в Мюнхене в 1960 г., но также исключительной редкостью. На сегодняшний день в библиотеках и частных собраниях сохранились считанные экземпляры этой книги.

Особо отметим, что сотрудничество, а затем и совместная работа над альманахом с тонким знатоком русской культуры конца XIX – начала XX в., заведующим кафедрой русского языка и литературы Университета Ниццы Ренэ Герра обогатило содержание альманаха. Прежде всего речь его о статье «История моей переписки с Б.К. Зайцевым», сопровождаемой впервые воспроизводимыми факсимиле и фотографиями писателя. В третьем выпуске наш французский коллега опубликовал интереснейшую статью «Репатрианты» о мемуаристке Наталье Ильиной.

Переходя к рубрике «Русский некрополь» отмечу, что русская традиция связывает воедино восприятие некрополя как части истории и ощущение неразрывности связи с ней. «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости. Дикость, подлость и невежество не уважает прошлое, пресмыкаясь перед одним настоящим» (А.С. Пушкин). Насколько же достойны осуждения современное кладбищенское запустение, забвение и небрежение к памяти могил и предков, и современников! Но мы еще можем видеть образцы мемориальной культуры и погребальной традиции в отечестве. По большей части это сохраненные старообрядческие кладбища, не старше XVIII в., расположенные в глухих сибирских и северных краях. Такими образцами могут послужить и малоизвестные в России многочисленные заграничные некрополи, на которых нашли последний приют русские эмигранты. Они расположены почти по всему миру, огромная часть их – в Америке и Канаде. Два самых больших кладбища – монастырское и мирское – находятся возле русского мужского монастыря в Джорданвилле (США). Однако под угрозой исчезновения военные кладбища Первой и Второй мировых войн. В России остались единичные могилы, не считая недавно восстановленных энтузиастами, а на европейской территории их еще немало, но всюду возникает проблема с истечением срока аренды земли...

В первом выпуске альманаха был помещен очерк Ольги Мусатовой «Русский крест – болгарская канва» о совершенно уникальном русском некрополе, территорией для которого стала вся страна – Болгария, о памятниках и могилах Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В четвертом выпуске читатель может ознакомиться с очерком Сергея Дыбова о русских военных клад-

бищах во Франции. Точное число их на самом деле никто не знал, пока автор по собственной инициативе и по сердечному сочувствию к заброшенным русским могилам не решился проехать почти по всей Франции и точно установить – этих некрополей 266. Цифра ошеломила...

Пока живы остатки русских кладбищ, старинных и новых, в отечестве и в рассеянии, попытка их описания, рассказов, очерков видится как создание единого словесного поля памяти о прошлом, возможность восстановления уходящей традиции.

Концепция рубрики «Берег искусств» сформировалась не сразу. В первых двух выпусках ее функции выполняла рубрика «Вернисаж». Однако такое название не только сужало проблемное поле наших публикаций, но и создавало ощущение легкомысленной прогулки по художественным галереям. Задача новой рубрики – анализ эстетической ценности тех или иных произведений искусства, их культурных смыслов, контекстов, путей автора к обретенному им «берегу». В третьем выпуске помещена статья Вадима Старка «Солнечные фрески Надин Блок», сопровождаемая цветной вкладкой с фотографиями фресок в храме Святого Александра Константинопольского на острове Скирок; в четвертом – статья Иосифа Райскина, посвященная хоровой симфонии-действе «Перезвоны» Валерия Гаврилина в контексте размышлений композитора (отраженных в записных книжках, дневниках, эссе) над судьбой русского человека в XX в.

Редакция альманаха стремится многогранно представить читателю наших современников, чье творчество имеет принципиальное значение для самоидентификации «Русского мира». Этой цели служит рубрика «Званный гость», которую ведет журналист Татьяна Ковалькова. Рубрика появилась со второго выпуска, познакомив читателя с двумя интересными людьми: философом Татьяной Горичевой (с публикацией части ее дневниковых записей 2005–2008 гг.) и словенским философом и поэтом Гораздом Коциянчичем.

Завершим эту информацию обращением к читателям в редакционных статьях первого и второго выпуска: «Предлагаем Вам, граждане Русского мира, свой альманах как площадку для диалога, как место, где каждый сможет внести свой вклад в сохранение и развитие русской культуры, словесности, философии, в пробуждение столь присущих русскому характеру совестливости, пытливости ума, стремлении найти ответы на самые сокровенные вопросы бытия».

А.А. Будко, Н.Г. Чигарева

**ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИЙ МУЗЕЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ.
МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Будко Анатолий Андреевич – доктор медицинских наук,
профессор, директор музея, заслуженный врач РФ.

Чигарева Наталья Григорьевна – доктор биологических наук,
старший научный сотрудник музея.

Военно-медицинский музей (ВММ) был основан в Москве в разгар Великой Отечественной войны – 12 ноября 1942 г., а затем переведен в город на Неве. Передислокация состоялась уже после полного снятия блокады Ленинграда и была завершена к июлю 1945 г.

Богатые фонды музея содержат более 420 тыс. музейных предметов, в том числе: уникальные коллекции хирургических инструментов XVIII–XX вв.; медицинские приборы и аппараты, средства иммобилизации для различных участков тела, коллекции одежды гражданских и военных врачей, образцы госпитальной одежды, индивидуальные средства защиты от химического оружия (коллекция противогазов), историко-медицинские документы, уникальный фотофонд, различные чертежи и альбомы, а также произведения живописи, графики и скульптуры. Среди них есть полотна Репина, Боровиковского, скульптуры В.И. Мухиной и М.К. Аникушина.

Музей стал обладателем уникального архива военно-медицинских документов, в нем насчитывается свыше 60 млн. единиц хранения. Они содержат сведения о Первой мировой и Гражданской войнах, о боевых действиях на Халхин-Голе (1936), у озера Хасан (1937), о советско-финляндской войне (1939–1940).

Значительная часть материалов музея посвящена Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Прославленный маршал И.Х. Баграмян в книге отзывов музея оставил следующую запись: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо

подвигом...» Колоссальный объем работы, проделанной в эти годы медицинской службой, тяжелейшие условия, в которых она протекала, ее уроки и достижения отражены в 35-томном труде «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», подготовленном музеем.

В Великую Отечественную войну медицинская служба Красной Армии вступила, имея организационную структуру мирного времени и недостаточное количество лечебных учреждений с учетом предстоящих условий. Полевой военно-медицинской организации Красной Армии в предвоенный период создано не было (1).

Основные склады материально-технического имущества и мобилизационные запасы медицинской службы размещались в районах, которые подверглись внезапному нападению противника в первые же часы наступления. В этих районах находились почти 40% всей численности врачей и около 36% больничных коек советского здравоохранения (3). Так, только Западный фронт лишился 32 хирургических и 12 инфекционных госпиталей, 35 различных санитарных частей, учреждений и пр. Медицинская служба в первые недели войны лишилась не только кадровой и материальной базы, но и потеряла источники пополнения.

В этих условиях лечебные койки стали развертываться в тыловых районах страны, куда уже к декабрю 1941 г. было перемещено 395 единиц госпитального коечного фонда, которым располагало военное и гражданское здравоохранение.

К началу войны комплектование медицинской службы также составляло серьезную проблему. Некомплект хирургов общего профиля исчислялся 41,4%, нейрохирургов – 64, окулистов – 24,2, челюстно-лицевых хирургов – 43,7%. Сказывались последствия не только непродуманной системы подготовки кадров в предвоенный период, но и репрессий в отношении представителей медицинской службы разного ранга.

Большие потери отмечались непосредственно и на поле боя: только в 1941 г. медицинская служба не досчиталась 4400 офицеров-медиков (2). Обеспеченность медицинской службы авиационным и автомобильным транспортом была низкой, что затрудняло своевременное отмобилизование госпиталей и эвакуацию раненых и больных.

Первым из военных медиков встретил врага медицинский состав гарнизона Брестской крепости, врачи А.В. Банников, М.Н. Гаврилкин, Н.И. Григорьев, И.К. Маховенко, Ю.В. Петров; военфельдшеры Р.И. Абакумова, И.Г. Бондарь, В.С. Солозобов. Они спасали жизнь своим товарищам, рисковали жизнью, гибли...

Но с каждым днем войны формировался новый опыт, приобретались знания и практические навыки военных медиков. С каждым днем улучшалось материально-техническое оснащение медицинской службы. А стабилизация

обстановки на фронте и последующий переход наших войск в контрнаступление по всей его линии способствовало неуклонному расширению медицинской помощи и возвращению в строй максимального числа раненых и больных военнослужащих.

В целом с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. были госпитализированы 22 326 905 раненых, контуженных, обмороженных и заболевших. Эти цифры красноречиво показывают, какой объем работы пришлось проделать медицинской службе за эти годы. Благодаря ее усилиям в строй были возвращены 71,7% раненых и 86,7% больных солдат и офицеров. А из военно-морских госпиталей в действующую армию вернулись 86,4% раненых и 95,9% больных, что в абсолютных показателях выглядит еще более впечатляюще: против врага продолжали сражаться 17 млн. пораженных в боях и заболевших и 10,5 млн. раненых (4).

Высокие показатели возвращения раненых и больных в строй свидетельствовали также и об успехах советской медицинской науки. В состав медицинской службы Красной Армии входили 4 академика, 22 – заслуженных деятеля науки, 275 – профессоров, 308 – докторов медицинских наук и около 2000 – кандидатов медицинских наук.

Огромный вклад в развитие военно-медицинской науки в годы Великой Отечественной войны внесли выдающиеся ученые-медики Н.Н. Бурденко, М.С. Вовси, Ю.Ю. Джанелидзе, А.Л. Мясников, Л.А. Орбели и многие другие. За это время выросла целая плеяда талантливых медиков, определивших впоследствии развитие отечественной и мировой медицинской науки. В их числе Л.С. Персианинов, Б.В. Петровский, Н.А. Преображенский, Ф.И. Углов и др.

В тяжелейшие годы войны была создана Академия медицинских наук СССР (1944). Научные коллективы ее институтов: нейрохирургии, травматологии, гематологии и переливания крови – сыграли исключительно важную роль в разработке проблем, занимающих особое место в военно-полевой хирургии. Ее важнейшие положения, легшие в основу всей современной системы оказания помощи раненым на поле боя, были разработаны замечательным русским хирургом, основоположником военно-полевой хирургии как науки – Н.И. Пироговым, чье 200-летие со дня рождения отмечала Россия в 2010 г.

В своих трудах он утверждал идею о преобладании на войне врачебно-административной деятельности над чисто врачебной: «От администрации, а не от медицины зависит то, чтобы всем раненым без изъятия и как можно скорее была бы подана первая помощь»...

Он писал об обязательной сортировке раненых, о массовом использовании обезболивания при хирургических операциях на театре военных действий, о способах предотвращения гнойных поражений, о введении консервативного лечения огнестрельных ранений, о применении женского труда в

лечебных учреждениях действующей армии, об участии различных благотворительных организаций в военно-санитарном деле и т.д. ...

Особую роль в организации медицинской помощи военнослужащим в годы войны сыграли представители Военно-медицинской академии им. Кирова. В ноябре-декабре 1941 г. она была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Самарканд, где развернула работу по подготовке кадров в расширенном масштабе.

За годы войны академия подготовила 1800 военных врачей. Ее профессора, преподаватели, сотрудники и воспитанники составили костяк руководящего состава медицинской службы действующей армии. Одним из самых выдающихся выпускников академии был Ефим Иванович Смирнов, на протяжении всей войны руководивший Главным военно-санитарным управлением Красной Армии.

На полях сражений погибли 532 воспитанника Военно-медицинской академии и 236 воспитанников Военно-морской медицинской академии. А вообще 88,2% санитарных потерь медицинской службы приходилось на рядовой и сержантский состав, т.е. на звено, действовавшее на переднем крае. Зачастую ценой собственной жизни спасали они раненых на поле боя (2).

Среди пограничников, первыми принявших на себя удар противника на северо-западной границе страны, был военфельдшер А.А. Кокорин. В ночь с 3 на 4 августа 1941 г., участвуя в боях, он спас жизни шестерым раненым товарищам. Будучи сам дважды ранен, он взял в руки оружие и, израсходовав весь запас патронов, последней гранатой уничтожил пятерых фашистов, погибнув смертью храбрых. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 г. А.А. Кокорину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На Ленинградском фронте было широко известно имя фельдшера Валентины Чибор. В первые же дни войны она добровольно ушла на фронт в дивизию Народного ополчения и уже в 1941 г. вынесла с поля боя более 85 раненых. За время войны она 5 раз была ранена, из них 3 – тяжело. Но после выздоровления неизменно возвращалась В.И. в свою часть. Чибор была награждена орденом Ленина.

Врач Петр Михайлович Буйко, спас жизни многим партизанам и мирным жителям. В самом начале войны он попал в плен, но сумел бежать и устроиться в больницу, находившуюся в зоне немецкой оккупации. Участь многих тысяч советских людей смягчил П.М. Буйко, выдавая ложные медицинские заключения. Его подпольная деятельность была обнаружена, и Петр Михайлович ушел к партизанам. В один из своих походов к нуждавшимся в медицинской помощи тяжелораненым он был схвачен фашистами и заживо сожжен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 г.

профессору П.М. Буйко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Из более чем 6 тыс. госпиталей, сформированных в годы Великой Отечественной войны, 117 – были захвачены противником и значатся уничтоженными, 17 – понесли большие потери при выходе из окружения и были расформированы, 14 – пропали без вести в ходе боевых действий, а судьба 79 так и не установлена.

Смертельной угрозе подвергались и те, кто трудился в армейских и фронтовых госпиталях. Вопреки всем законам международного права их жизнь обрывалась при захвате лечебных учреждений противником. Особенно часто это происходило в первый период войны.

Общие потери медицинской службы армии и флота за период войны составили 210 601 человек, что в 10,5 раз больше потерь медицинской службы вооруженных сил США за эти годы.

Заслуги военного здравоохранения по возвращению раненых и больных воинов были отмечены на правительственном уровне – более 116 тыс. человек личного состава медицинской службы Вооруженных сил СССР и 30 тыс. тружеников гражданского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями Советского Союза. Звания Героя Советского Союза были удостоены 42 медицинских работника. В их числе: главный хирург Красной армии генерал-полковник медицинской службы Н.Н. Бурденко, главный хирург военно-морских сил генерал-лейтенант медицинской службы Ю.Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии генерал-полковник медицинской службы Л.А. Орбели. 18 советских медиков стали кавалерами орденов Славы трех степеней. За исключительную самоотверженность, милосердие и заботу, проявленные при оказании медицинской помощи раненым и больным, 44 медицинские сестры были награждены высшим знаком отличия Международного Комитета Красного Креста – медалью Флоренс Найтингейл (5).

Данью заслугам военных медиков явились изданные музеем справочники: «Советские военные врачи – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» в пяти частях, «Памятники военным медикам», «Памятные даты военной медицины», каталоги персональных фондов выдающихся деятелей российской военной медицины.

Благодаря активному использованию музейных и архивных документов более 8 млн. ветеранов, инвалидов и участников ВОВ, локальных войн и вооруженных конфликтов получили социально-правовую поддержку. За эту деятельность Военно-медицинский музей был отмечен высокими наградами Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (2001) и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (2002).

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В архиве музея хранятся материалы на граждан иностранных государств 45 национальностей. За последние годы музей передал правительствам Германии, Польши, США, Франции сведения о более чем 100 тыс. участников Второй мировой войны, считавшихся в своих странах погибшими или пропавшими без вести.

* * *

Основным направлением деятельности музея по-прежнему остается экспозиционно-выставочная работа, обеспечивающая наиболее полную демонстрацию его уникальной коллекции. Здесь в первую очередь необходимо назвать такие выставки, как «Блокада Ленинграда 1941–1944. Досье» (Берлин, 2004); «Военная медицина России», «Милосердие без границ» с успехом экспонирующаяся помимо Санкт-Петербурга в разных регионах нашей страны.

В числе ведущих музеев мира музей принял участие в организации выставки «Мировая война 1914–1918 гг.: Опыт, воспоминания – Память» (Берлин).

В 2010 г. в Берлине посетители смогли ознакомиться с выставкой «Гитлер и немцы. Народ и преступление», подготовленной при участии нашего музея. В том же году была открыта выставка, посвященная 65-летию Победы – «Герой двух наций», где были представлены подлинные документы об американском сержанте десантной дивизии «Кричащие орлы» – Джозефе Байерли (1923–2004).

В июне 1944 г. во время высадки союзников в Нормандии Байерли попал в немецкий плен. После нескольких попыток бегства он, наконец, оказался в расположении северной танковой бригады, где воевал в течение месяца. В начале февраля Байерли был тяжело ранен и отправлен в советский госпиталь. Здесь произошла его встреча с Г.К. Жуковым, благодаря вмешательству которого Байерли в апреле 1945 г. смог вернуться в родной город Маскегон, штат Мичиган. На родине его считали погибшим – в церкви Маскегона отслужили панихиду, а местная газета опубликовала некролог. В 1994 г. на церемонии, посвященной 50-летию открытия Второго фронта, Дж. Байерли был награжден памятными медалями. Награду ему вручили в Белом доме Президент США Билл Клинтон и Президент РФ Борис Ельцин. Сын Дж. Байерли – Джон в настоящее время является послом США в России.

Большое внимание музей уделяет информационной работе. С 1946 г. силами его сотрудников издается информационный бюллетень «Зарубежная военная медицина», а с 1966 г. сборник «Вестник истории военной медицины».

Для курсантов, слушателей и студентов Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Санкт-Петербургского государственного университета, Академии постдипломного педагогического образования и многих других

учебных и научных учреждений Санкт-Петербурга музей служит прекрасной учебной и научной базой.

Сегодня перспективы развития музея связаны прежде всего с вводом в строй после реконструкции экспозиционного корпуса и открытием новой постоянной экспозиции.

Литература

1. Быков И.Ю., Гайдар Б.В. Вклад советской медицины в достижение победы в Великой Отечественной войне // Воен.-мед. жур. – 2005. – № 5. – С. 4.
2. Зильбельберг Л.Б., Лобастов О.С., Цветков В.В., Чмутов В.П. Потери медицинского состава войск в Великую Отечественную войну // Воен.-мед. журнал. – 1990. – № 2. – С. 20–21.
3. Комаров Ф.И., Лобастов О.С. Основные итоги и уроки медицинского обеспечения Советской Армии в годы Великой Отечественной войны / Воен.-мед. журн. – 1990. – № 5. – С. 4.
4. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 242–243.
5. Советские медицинские сестры, награжденные медалью Флоренс Найтингейл. – Л., 1987. – С. 7.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Валлерстайн И.

КУДА ИДЕТ МИР? //
Европа-Europe. – Warszawa,
2009. – Т. 9, N 2 (31). – С. 61–67.

Оценивая перспективы развития мира в ближайшие десятилетия, известный американский ученый, автор мир-системной теории, указывает на два основных направления, где следует ожидать серьезных изменений: геополитическая арена и мировая экономика.

«Относительный упадок американской геополитической власти теперь признается почти всеми. Избрание Барака Обамы не может ничего изменить. На самом деле оно лишь подчеркнет, что даже более разумная, более многосторонняя внешняя политика сможет в лучшем случае воспрепятствовать стремительному упадку американского влияния, но не изменить положений вещей. Мы перешли в действительно многосторонний мир – в том смысле, что реальная власть относительно более слабых государств внезапно усилилась» (с. 61).

Кто же является главными игроками в этом многостороннем разделении реальной и действенной геополитической власти?

Наряду с США, которые в действительности все же остаются главным действующим лицом, в западном мире существуют еще два ключевых игрока – ЕС и Япония. Но, кроме того, ныне выросла роль России, Китая, Индии, Ирана, Бразилии (как предполагаемого лидера южноамериканского блока) и Южной Африки (как потенциального лидера африканского блока).

Большое количество стран еще не определились, как они должны действовать в новых геополитических условиях. Речь идет о Польше, Украине, Корее, Пакистане, Египте, Нигерии, Мексике, Канаде и многих других.

Мир оказывается в совершенно новой геополитической ситуации, весьма отличной от той, которую он знал в течение долгого времени. Это не полная анархия, но, безусловно, массовый геополитический беспорядок, который накладывается на острую ситуацию в мировой экономике. Среди ученых и крупных финансовых игроков на мировом рынке существуют острейшие разногласия насчет дальнейшего развития событий и порядка действий.

Мировая экономика сталкивается с рядом реальных проблем. Это, прежде всего, проблема валют. Начиная по крайней мере с 1945 г. в мире доминировал доллар. Упадок США, в особенности как лидера мирового производства, в соединении со значительной их обремененностью долгами – преемственными, предпринима-

тельскими и индивидуальными – вызвали серьезное падение обменного курса доллара, пределы которого неясны, но, вероятно, будут ниже и даже намного ниже, чем в настоящее время.

Это падение курса доллара ставит серьезную экономическую дилемму перед другими странами, особенно теми, которые поместили их растущее богатство в обеспечиваемые долларами облигации и резервы. Эти страны разрываются между желанием оставить США главным покупателем их экспорта и реальными убытками, которые они терпят в своих обеспечиваемых долларом активах. Все они медленно уходят от доллара. Заменит ли доллар какая-нибудь другая валюта в качестве резервной мировой валюты? Очевидный кандидат – евро. Однако не очевидно, что он сможет сыграть эту роль или что европейские правительства хотели бы, чтобы он сыграл эту роль, хотя его возможно к этой роли подтолкнуть. А если не евро, то не получим ли мы ситуацию с использованием нескольких валют, когда в мировых сделках будут одновременно использоваться доллары, евро, иены и, возможно, китайские юани и английские фунты? Ответ на этот вопрос близок к решению вопроса о геополитических альянсах. Конечно, это была бы не полная анархия, но все же беспорядок и сумятица, и правительства и производители чувствовали бы себя весьма дискомфортно, не говоря уже о пенсионерах во всем мире.

Однако валюта – далеко не единственная проблема. Многие крупные страны прошли через значительный прирост производства и уровня потребления. Например, страны БРИК – Бразилия, Россия, Китай и Индия, в которых проживают 60% мирового населения. Рост производства и потребления привел в них к невероятно возросшему спросу на энергию, сырье, продовольствие и воду. Внезапно цены во всех этих сферах неконтролируемо подскочили, так как спрос заметно опередил предложение.

Правительства, обеспокоенные снижением реальных доходов и находящиеся под давлением не увеличивать налоги в качестве компенсации, могли бы пойти на серьезные сокращения в трех ключевых областях: образовании, здравоохранении и пенсионной системе. Но эти три области, которые в результате демократизации во всем мире стали областями ключевых требований общественности. Правительства, неспособные справиться с обслуживанием этих трех форм социального перераспределения, столкнулись бы с потерей легитимности, с весьма неопределенными последствиями гражданского неповиновения.

Таким образом, «мировая система ушла далеко от равновесия и вошла в состояние хаоса» (с. 65). Однако хаос не может продолжаться вечно. Хаотические ситуации порождают в конечном счете собственные решения. Главный вопрос для мира сегодня таков: что мы выберем, как мы выберем и как

мы будем пытаться достичь того, чтобы наш выбор восторжествовал.

Мир прошел через головокружительный подъем XIX и XX столетий. Это мобилизовало крупномасштабную и очень эффективную поддержку. Был момент, в период после 1945 г., когда успехи («триумфализм») наблюдались везде и повсюду.

Потом наступили великие разочарования. Страны, где антисистемные движения пришли к власти, так или иначе оказались на практике далеки от того, чего ожидали и что надеялись установить народные силы. И уязвимость этих режимов стала другой иллюзией. К началу 1990-х годов «триумфализм» полностью исчез в мире, сменившись широко распространенной летаргией, зачастую чувством поражения. Правыми идеологами был провозглашен «конец истории», тема, отчеканенная слоганом М. Тэтчер: нет альтернативы единственному возможному выбору неолиберальной глобализации.

Триумфализм правого мира, как ныне известно, также потерпел фиаско, имевшее следствием подрыва американского имперского доминирования в мире.

Успешный срыв съезда ВТО в Сиэтле в 1999 г. и основание Мирового социального форума в Порто-Алегре в 2001 г. свидетель-

ствуют, что левый мир снова вышел на международную арену.

Реальный вопрос в том, какие виды политических выступлений могут быть значащими в течение последующих 30 лет, и предопределяют исход борьбы и выбор лучшей мировой системы, максимально демократичной и в значительной степени эгалитарной. В современном мире все настойчивей звучит требование «снизу» – усиление контроля народных сил на локальном уровне. Это требование о передаче реального принятия решений лежит в основании местных движений за «мультикультурные» государства. Все эти движения разворачиваются не столько ради разрушения государства, сколько ради того, чтобы государство как можно меньше вмешивалось в жизнь людей.

«Мы живем в окружающей среде мирового хаоса. Хаос – это огромный водоворот с большой неустойчивостью... Выживут в нем те, кто может одновременно использовать что-то в качестве компаса для определения направления движения и смотреть под ноги, чтобы видеть, куда они ступают, и не провалиться в какую-нибудь дыру. Компас – это наши текущие цели: новая мировая система, которую мы желаем построить. Твердая почва под ногами – политика меньшего зла. Если мы потеряем и то, и другое – мы погибнем» (с. 67).

Ю.И. Комар

**Ноймайер Э.,
Плюмпер Т.**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ
И КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

NEUMAYER E., PLUMPER T. International terrorism and clash of civilizations // British j. of political science. – Cambridge, 2009. – Vol. 39, Pt. 4. – P. 711–734.

Э. Ноймайер (Лондонская школа экономики и политологии) и Т. Плюмпер (Эссекский университет, Великобритания) предлагают стратегическую теорию международного терроризма, оспаривающую концепцию С. Хантингтона о противостоянии цивилизаций как главном источнике международных конфликтов после «холодной войны».

Наиболее интенсивная борьба, по прогнозу Хантингтона, будет происходить между исламской и западной цивилизациями, находящимися в многовековом противостоянии, поскольку обе они по своей ориентации являются универсалистскими и миссионерскими, но в то же время фундаментально различными по культуре и религии. «Главная проблема для Запада, по мнению Хантингтона, не исламский фундаментализм, а

исламская цивилизация, народы которой убеждены в превосходстве своей культуры и остро переживают падение их власти и влияния в мире»¹ (с. 715–716).

В отличие от Хантингтона авторы считают главными мотивами международного терроризма не культурно-цивилизационные факторы, а политико-стратегические интересы. Практически все террористические лидеры хотят добиться коренного изменения в политике или даже смены политических режимов в своих странах или регионе.

Террор – это инструмент в достижении их целей, поскольку террористические организации исключены из обычного политического процесса и не имеют достаточно широкой поддержки населения. С помощью террора они надеются во-первых, подорвать политическую стабильность, посеять страх и чувство неуверенности и незащищенности, во-вторых, спровоцировать правительства на ответные жесткие меры и, в-третьих, привлечь к себе внимание средств массовой информации, что способствует распространению их идеологии. Все это помогает террористическим группам вербовать новых сторонников. По существующим оценкам, 90% террористических актов приходится на национальный терроризм, когда

---

1. Huntington S. *The clash of civilizations and remaking of world order*. – N.Y.: Simon a. Schuster, 1996. – P. 211, 217. Здесь и далее описание дано по реф. источнику.

террористы и их жертвы принадлежат к одной национальности и не имеют признаков международного терроризма (с. 719). Почему террористы атакуют граждан и объекты иностранных государств? Авторы считают, что террористы атакуют граждан и объекты преимущественно тех стран, правительства которых оказывают военную, политическую и экономическую помощь правящим режимам стран, где проживают террористы и ведут борьбу с этими режимами. В некоторых случаях только благодаря такой поддержке местным режимам удастся выживать. Кроме того, нападение на иностранные объекты имеет для террористов стратегическое значение, поскольку такие акты становятся глобальной новостью для международных СМИ, и повышают политические акции той или иной террористической организации.

Проанализировав базу данных о международном терроризме, охватывающих период с 1969 по 2005 г. и 148 стран², авторы находят аргументы в пользу своей концепции. Согласно Хантингтону, отношения между латиноамериканской и западной цивилизациями должны быть относительно мирными³, однако статистика говорит об обратном: теракты, исходящие из Латинской Америки и

направленные против политики Запада, составляют 14% всех международных и около 26% всех межкультурных инцидентов за период с 1969 по 2005 г. (с. 720).

Концепция, предлагаемая авторами, прогнозирует такую террористическую активность ввиду активной западной (и прежде всего со стороны США) поддержки латиноамериканских правительств в их борьбе с террористическими организациями.

Также неверны прогнозы Хантингтона об отношениях западной цивилизации с индийской и китайской цивилизациями, которые он квалифицирует как конфликтные и весьма конфликтные соответственно⁴. Факты показывают, что угроза антизападного терроризма, исходящая от этих цивилизаций, ничтожна – 0,4 и 1% всех международных терактов соответственно (с. 720). Авторы объясняют это тем, что правительства Индии и Китая в очень слабой степени зависят от западной поддержки.

Прогнозы авторов статьи и Хантингтона сходятся в предвидении роста антизападного терроризма, особенно со стороны исламских террористов, но расходятся в объяснении причин такого феномена.

Хантингтон считает, что речь идет о глубоком и многовековом межкультурном конфликте. Ноймайер и Плюмпер объясняют рост антизападного терроризма высокой стратегической ценностью западных целей, а в случае

---

2. *International terrorism: Attributes of terrorist events* / Mickolus E.F., Sandler T., Murdock J.M., Flemming P.A. // YTERATE, data Codebook. – 2003.

3. Huntington S. *Op. cit.*, p. 245.

---

4. *Ibid.*

исламского терроризма также и активным вмешательством Запада в дела стран исламской цивилизации, что препятствовало достижению политических целей террористов. Американское военное вторжение в Ирак и Афганистан под флагом борьбы с терроризмом превратило США в главного врага исламских террористов.

В войне с исламским терроризмом западные страны находятся в патовой ситуации. «Если они уйдут из мусульманского мира, это будет рассматриваться террористическими лидерами как победа и далее может последовать круше-

ние прозападных режимов. Однако с продолжением западной военной интервенции в страны мусульманского терроризма будут усилены атаки на западные объекты... Кроме того, каждый убитый или раненный мусульманин в этой войне облегчает лидерам исламского терроризма вербовку новых сторонников» (с. 733–734).

В заключение авторы подчеркивают, что «для понимания международного терроризма необходима политическая и стратегическая, а не культурологическая теория» (с. 733).

Ю.И. Комар

**Репникова М.,
Балзер Х.**

**КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ
В РОССИЮ: УПУЩЕННЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ**

**REPNIKOVA M., BALZER H. Chinese
migration to Russia: Missed oppor-
tunities. – Wash., D.C.: Woodrow
Wilson internat. center for scho-
lars, 2010. – 56 p.**

В исследовании аспирантки Оксфордского университета М. Репниковой и профессора Университета Джорджтауна Х. Балзера рассматривается вопрос: почему отсутствует сколько-нибудь значимая трудовая миграция китайцев в Россию при очевидных ее плюсах? Ведь, с одной стороны, Россия остро нуждается в рабочих руках, а с другой – Китай без проблем может их предоставить. С падением мировых цен на углеводородное сырье в 2008–2009 гг. рабочие-мигранты стали покидать РФ. По мнению авторов, неспособность создать устойчивое сообщество китайских мигрантов в условиях процветания означает, что возобновление притока китайцев с новым циклом экономического роста маловероятно.

М. Репникова и Х. Балзер поддерживают оценки, сделанные учеными ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, согласно которым постоянно пребывают в России около 200–450 тыс. китайцев в год. Большинство же граждан КНР посещают РФ по краткосрочным визам и возвращаются в страну постоянного пребывания до срока истечения визы (с. 14).

М. Репникова и Х. Балзер выделяют три потока китайской миграции в Россию.

Первый – торговцы, начиная от челноков, перевозящих тюки с вещами через границу по туристическим визам, до оптовых продавцов, управляющих крайне развитой коммерческой инфраструктурой. Многие из них хотя бы немного говорят по-русски, весьма мобильны и всегда готовы переместиться в новое место при возникновении новых возможностей. Женщины составляют почти половину китайских торговцев, тогда как на стройках преобладают мужчины. В отдельных случаях китайцы вытеснили местное население, что вызывает этнические конфликты.

С 15 апреля 2007 г. иностранцам запретили торговать на рынках России. С этого времени зарубежному торговцу разрешается заниматься своей деятельностью при условии найма местного населения. В результате усилилась сегрегация и изоляция китайцев в России. Многие китайские торговцы были вынуждены покинуть РФ,

продав весь свой товар по заниженной цене.

Вместе с тем порядка 80% китайских рыночных торговцев остались в России. Ограничения были обойдены за счет перевода уличной торговли в крытые киоски и найма русских продавцов. Несмотря на снижение прибыли, китайские торговцы зарабатывают в России вдвое больше, чем в Китае. Также запрет привел к росту контрабанды товаров через российско-китайскую границу. Прозрачность и доходность легального торгового бизнеса снизилась, тогда как коррупция увеличилась. Более того, легальная торговля исчезает вследствие снижения лимита на провоз товаров через границу: с 2006 г. физическое лицо может перевезти через границу в ручной клади не более 35 кг (ранее – 50 кг) (с. 17).

Однако крупные китайские оптовые торговцы получают выгоду от увеличения оборотов за счет вытеснения челноков с рынка. Авторы доклада видят в этом слияние интересов российских чиновников и китайских бизнесменов.

Второй поток миграции из КНР в РФ – рабочие. Китайские мигранты преимущественно работают в сельском хозяйстве, строительстве и на лесозаготовках и обычно посещают Россию по трудовым договорам на фиксированный период времени. Они являются наименее видимым слоем китайских мигрантов в РФ, поскольку живут в бараках и редко выходят за пределы рабочей территории. Недостаток социальных

контактов между китайцами и русскими приводит к большому количеству мифов.

Так, считается, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, и отдельные виды работ становятся «привилегией» китайцев. На самом деле, по мнению авторов, китайские рабочие не имеют желания оставаться в России на длительный период времени. Их семьи живут в КНР, мигранты не владеют русским языком, и по окончании работ возвращаются на родину. В неформальных интервью с М. Репниковой китайские рабочие говорили о том, что предпочитают работать в Казахстане или Бурятии, где они не выделяются антропологически. Кроме того, авторы развенчивают миф о том, что русские женщины часто выходят замуж за китайцев, поскольку они трудолюбивы, приносят домой заработанные деньги и не бьют своих жен в состоянии алкогольного опьянения. В действительности количество русско-китайских браков крайне невелико.

Третий поток китайской миграции в Россию – студенты и работники умственного труда, самый малочисленный из трех. Одна из причин этого – растущая ксенофобия, порой санкционированная милицией. Кроме того, российские вузы не прилагают особых усилий для привлечения китайских студентов в отличие от университетов Австралии, Европы, США и даже стран Средней Азии. Многие китайцы предпочитают учиться в Казахстане, а не в РФ.

Россия также испытывает трудности с удержанием своих собственных интеллектуалов. Образованные россияне скорее будут жить в КНР, чем образованные китайцы в РФ.

В начале 1990-х годов китайские торговцы начали продавать в России недорогие товары в условиях экономического спада на территории бывшего СССР. После 1998 г. с началом экономического возрождения РФ можно было ожидать увеличения потока китайской миграции на Дальний Восток России. Однако такая возможность была упущена. М. Репникова и Х. Балзер называют следующие препятствия для увеличения миграции китайцев в РФ.

Первая группа препятствий – законодательные и бюрократические. Получение рабочей визы крайне проблематично, поэтому многие китайцы находятся в нашей стране по туристическим визам, создавая проблемы для предпринимателей, желающих использовать иностранную рабочую силу. Кроме того, неблагоприятный таможенный режим препятствует китайцам вести дела с Россией.

Однако отдельные местные власти пытаются начать работу по решению проблем. В 2007 г. в Хабаровском крае была создана межведомственная комиссия в составе ряда чиновников краевой администрации, местных отделов Федеральной миграционной службы, работодателей, общественных организаций для решения проблем с иностранными рабочими. В ре-

зультате, если в 2006 г. Хабаровский край установил квоту для китайцев – 6 тыс. человек, то после создания комиссии она была повышена до 11 тыс. человек (с. 22).

Вторая группа препятствий для китайской миграции в Россию, по мнению авторов, – поиск российскими властями альтернативных источников рабочей силы. При этом сделан упор на возвращение русскоязычных из стран бывшего СССР. В 2006 г. была учреждена Национальная программа поддержки добровольной миграции соотечественников, живущих за рубежом. В том же году около 400 тыс. мигрантов воспользовались этой программой. По самым оптимистическим оценкам, к 2025 г. в РФ вернутся около 5,2 млн. человек из стран СНГ, что не восполнит естественную убыль населения России, вызванную высокой смертностью и низкой рождаемостью (с. 23).

Третья группа препятствий китайской миграции в Россию связана с отсталостью российского Дальнего Востока. Местная добывающая промышленность не нуждается в большом притоке рабочей силы. А строительные и инфраструктурные проекты, такие как сооружение комплекса зданий для саммита АСЕАН в 2012 г. и строительство железной дороги в Якутии, потребуют очень ограниченного числа строителей на сравнительно короткий период времени. А начало экономического кризиса в 2008 г. еще больше ослабило потребность в рабочей силе.

Слабость регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии – это четвертая причина малочисленности китайской миграции в Россию. Отношения между РФ и КНР строятся преимущественно через Москву и Пекин. Руководство России препятствует сотрудничеству Дальнего Востока и северных китайских провинций.

Пятое обстоятельство – безопасность китайцев в России. Движение скинхедов, неконтролируемое милицией, крайне беспокоит жителей КНР, размышляющих о возможности работать в РФ. Главы кадровых агентств, проинтервьюированные М. Репниковой, в провинции Хейлонгхуань, выразили обеспокоенность вопросами безопасности своих клиентов, посещающих Россию. Более того, российские работодатели не платили зарплату китайским рабочим в 30% случаев (с. 30).

И последняя – шестая причина нежелания многих китайцев работать в РФ – это наличие других возможностей. Россия занимает пятое место в иерархии приоритетов безработных после США, Европы, других стран Азии и урбанизированных районов КНР. В провинции Хейлонгхуань имеются программы направления рабочей силы в китайские города и такие страны, как Япония и Южная Корея. Россия в данных списках не значится. Например, средняя заработная плата китайского рабочего в Сингапуре составляет 3 тыс. долл. в месяц против 300 долл. – в России.

Демографическая ситуация в КНР также не способствует росту миграции в Россию. Количество людей трудоспособного возраста достигнет пика в 2015 г., а затем начнет резко снижаться. По данным Китайской академии социальных наук, уже в 2010 г. Китай начнет испытывать проблемы с недостатком рабочей силы. Политика «одна семья – один ребенок» – основная причина данной ситуации.

В 2002 г. 55% городских и 11% сельских работников Китая были охвачены государственной пенсионной системой. К 2020 г. каждый китаец должен будет заботиться о своих двух родителях и четырех бабушках и дедушках, ввиду отсутствия развитого государственного пенсионного обеспечения.

Кроме того, гендерный дисбаланс все более увеличивается. Нормальное соотношение женского и мужского населения составляет 105 к 100. В КНР этот показатель в 2000 г. достиг 117 к 100 (с. 31).

Учитывая приведенные факты, миграционные потоки, скорее всего, развернутся в обратную сторону – российские квалифицированные работники поедут в Китай. Уровень цен в Китае ниже, чем в России, а уровень экономического развития выше, чем во многих регионах РФ. Китай обогнал Египет как второе самое популярное место для туризма (на первом месте Турция). Помимо увеличивающегося числа российских граждан, работающих и учащихся в КНР, некоторые пенсионеры пригра-

нических с Китаем регионов России продают свое жилье, перебираются в Китай и живут на разницу. Некоторые семьи на Дальнем Востоке посылают своих детей изучать китайский язык в Харбин и другие города в надежде сделать карьеру в бизнесе. Китайские университеты и научно-исследовательские лаборатории рекрутируют российских ученых и, в отличие от вузов РФ, признают иностранные ученые степени. Почти все российские студенты, учившиеся в КНР после распада СССР в 1991 г., остались в Поднебесной. Около 5 тыс. русских основали «русский город» возле рынка Я Баолу (Ya Bao Lu) в Пекине. С течением времени, считают авторы, количество русских в КНР превысит количество китайцев в РФ.

Четыре фактора, по мнению авторов, могут увеличить китайскую миграцию в Россию.

Во-первых, области и провинции на российско-китайской границе могут пересмотреть свои приоритеты и начать работу по развитию местных экономических связей, не оглядываясь на Москву и Пекин.

Во-вторых, изменение отношений к китайским мигрантам может способствовать росту миграции в РФ. Однако, как показывает исследование М. Репниковой и Х. Балзера, это маловероятно.

В-третьих, изменение экономического баланса, т.е. рост в России и замедление роста экономики в КНР могут привести к интенсификации китайской миграции в РФ.

В условиях мирового экономического кризиса ряд китайских заводов и фабрик в южных регионах Китая начинает сокращать рабочих. Правда, в России также наблюдается спад. Поэтому изменение баланса также маловероятно.

В-четвертых, экологическая катастрофа в северных провинциях Китая, где проживают более 100 млн. человек, может привести к миграции в РФ.

В заключение М. Репникова и Х. Балзер подводят итоги. Китайская миграция (редко иммиграция) в Россию разнообразна и изменчива. Ограниченный характер китайской миграции в Россию скорее создает впечатление упущенной возможности, а не угрозы. Количество китайцев, работающих в России, не соответствует сложившимся в России представлениям, а количество китайцев, желающих остаться в РФ на постоянной основе, крайне мало.

В России считается, что депопуляция Дальнего Востока неизбежно приведет к волне мигрантов из КНР. Экономическое развитие северных провинций Поднебесной и мировой финансовый кризис не способствуют этому. Китайские рабочие возвращаются из городов в родные деревни, ситуация в российской промышленности еще более плачевная. В ней нет перспектив для роста потребности в рабочей силе. Даже если цены на нефть вновь резко повысятся, а китайская экономика продолжит стагнировать, Дальний Восток РФ, скорее всего, будет отставать в развитии.

Авторы подчеркивают факт наличия негативного баланса иммиграции и эмиграции в Россию. В то время как большинство русских в КНР это профессионалы с высшим образованием и востребованными компетенциями, китайцы в России – неквалифицированная рабочая сила, занятая физическим трудом. Успешные китайцы на российском Дальнем Востоке, либо возвращаются на родину для основания бизнеса, либо мигриру-

ют в европейскую часть России или в ЕС.

Российская коррупция, низкая управляемость административного аппарата, психологические факторы препятствуют изменению этой ситуации. Авторы полагают, что значительная волна миграции китайцев в РФ может быть связана только с резким ухудшением экологической ситуации в северных провинциях Китая.

С.С. Костяев

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Summaries

Д.В. Ефременко. Россия и постамериканский мир
D.V. Yefremenko. Russia and the Post-American World

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., многополярный мир, международные отношения, многовекторность, модернизация, великодержавный статус.

Key words: Russia, early 21st century, multipolar world, international relations, diversity of vectors, modernization, great power status.

Возможности, открывающиеся перед Россией в процессе становления постамериканского мира, должны быть использованы для создания благоприятных условий внутреннего развития страны, а не для их усложнения вследствие вовлеченности в жесткие союзы и поспешной ориентации на внешние модели развития. Сохранение за Россией статуса самостоятельного глобального игрока, даже если оно потребует привлечения серьезных дополнительных ресурсов, окажется менее затратным и рискованным, чем вхождение в зону притяжения одного из более мощных игроков.

Opportunities which open to Russia in the process of formation of the post-American world must be used to create favorable conditions for domestic development instead of their greater complexity as a consequence of being involved in rigid alliances and hurried orientation toward foreign developmental models. Keeping the status of an independent global agent, even if demands massive additional resources, will appear less expensive and risky than an entry into the gravitation zone of a more powerful agents.

Х. Фогель. Передышка или поворот? (К текущим дискуссиям о внешней политике России)

H. Vogel. A Moment of Respite or Time of Turn? (After the current discussions of Russia's foreign policy)

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., внешняя политика, Россия и Запад, выбор стратегии, сотрудничество и противоречия.

Key words: Russia, early 21st century, foreign policy, Russia and the West, choice of strategy, collaboration and controversies.

Все участники мировой политики должны осознать, что геостратегические спекуляции в категориях «окружение или сотрудничество» или «стратегическая передышка или поворот» давно затмеваются угрожающими масштабами проблем, перешагнувших государственные границы (распад государств, огромные миграционные потоки, торговля оружием, финансовые кризисы и т.д.). Перед лицом подобных вызовов, которые не делают различий между Россией и «Западом», продвижение по пути прежней политики доверия малыми, недоверчивыми шагами отнимает слишком много времени. Да и внешняя политика России слишком медлительна. Полезные инициативы из Москвы по разработке совместных стратегий решения глобальных проблем были бы более чем желанны.

All world policy actors must recognize that any geostrategic speculations in the categories of «encirclement or cooperation», «strategic respite or turn» have been long overshadowed by the menacing scale of problems transcending state boundaries (disintegration of states, huge migration flows, arms trade, financial crises etc.). Facing these challenges which do not discriminate Russia and the «West», to follow the former policies by small suspicious steps will take too much time. Generally, Russian foreign policy is too sluggish. Fruitful initiatives from Moscow aimed at working out common strategies to solve global problems are more than welcome.

Л.Е. Бляхер. Сотрудничество «поверх границ»: Экономические выгоды и политические проблемы

L.Ye. Blyakher. Collaboration «across Boundaries»: Economic Advantages and Political Problems

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., Дальний Восток, внешнеэкономические связи, пограничные проблемы, трансграничное сотрудничество.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Key words: Russia, early 21st century, Far East, foreign economic relations, border problems, trans-boundary collaboration.

В последние четыре-пять лет Дальний Восток стал осознаваться, как наиболее проблемный, экономически прозябающий федеральный округ. Коммуникация между центральным и местным политическим сообществом превратилась в серию уголовных дел в отношении региональных и федеральных чиновников высокого уровня. Готовность населения к миграции и протесту постоянно возрастает. Последние соглашения В.В. Путина с китайским руководством содержат стремление институционализировать уже сложившиеся экономические отношения, включить в их рамки общероссийскую хозяйственную и политическую систему. Если этого не произойдет, деградация региона окажется неотвратимой.

In the last 4–5 years the Far East was regarded as the most disturbing, economically backward federal territory. Communication between the central and local political communities turned into a series of criminal cases against high level regional and federal executives. The population gets ever more ready to migrate or protest. The latest agreements signed by V.V. Putin and the Chinese leadership reflect Russia's striving to institutionalize the existing economic relations into the national economic and political framework. If this does not happen, degradation of the region will be inescapable.

А.Н. Барковский, А.Б. Шилов. Русские немцы в современной Германии

A.N. Barkovsky, A.B. Shilov. Russian Germans in Today's Germany

Ключевые слова: Россия, Германия, начало XXI в., миграция, диаспоры, российско-германские отношения.

Key words: Russia, Germany, early 21st century, migration, diasporas, Russian-German relations.

Значительную долю русских немцев составляют люди в трудоспособном возрасте от 18 до 65 лет, получившие полное среднее или профессиональное образование на территории бывшего СССР. Для них остро встает проблема интеграции в новый для них рынок труда. Наибольшее количество безработных зарегистрировано среди лиц с высшим образованием (более 40%). Средняя начальная заработная плата высококвалифицированного «позднего переселенца» на 40% ниже начальной заработной платы «коренного» немца. По

мере снижения квалификации работника снижается и разница в начальной средней заработной плате. Несовпадение формального уровня образования и фактического рода работы свидетельствует о недостаточно успешной интеграции «этнических немцев» в германский рынок труда.

A considerable part of the Russian Germans constitute people at working age from 18 to 65 with complete middle school or professional education on the territory of the former USSR. They face the painful problem of integration in the new labor market. Most of the unemployed are those with higher education (over 40 percent). The average initial wage of a highly qualified «later time migrant» is 40 percent lower than that of a native German. The discrepancy between a formal educational level and actual work is an evidence of inadequate integration of «ethnic Germans» in the German labor market.

А.В. Докучаева. Отношение к России и русским в Украине, Белоруссии и Казахстане (по опросам соотечественников)

A.V. Dokuchaeva. Attitudes toward Russia in Ukraine, Byelorussia and Kazakhstan (polls among Russians abroad)

Ключевые слова: русские за рубежом, русские на Украине, русские в Белоруссии, русские в Казахстане, опросы соотечественников.

Key words: Russians abroad, Russians in Ukraine. Russians in Byelorussia, Russians in Kazakhstan, public opinion polls.

Положение и самочувствие российских соотечественников в постсоветских государствах может служить определенным индикатором для оценки перспектив отношений стран их проживания с Россией. И этот индикатор показывает, что Россия утрачивает свое положение центра притяжения не только в политической элите, определяющей политику, но и в массе населения этих государств, а также, к сожалению, и в среде тех, кого мы считаем российскими соотечественниками. Еще большее сожаление вызывает то, что антироссийские настроения все в большей мере прослеживаются в славянских странах.

The status and the mood of Russian compatriots in the post-Soviet states can serve as a certain indicator to assess the prospects of the relations of the relevant countries with Russia. This indicator shows that Russia is losing its position as a gravitation center not only in the political elites, but the masses of population within those states including those who we consider our compatriots. Still more

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

---

pitiful is that anti-Russian attitudes increasingly manifest themselves in the Slavic countries.

Е.И. Шibaева. Русские и поляки в Литве: Разный статус нацменьшинств

Ye.I. Shibaeva. Russians and Poles in Lithuania: Different Statuses of Minorities

Ключевые слова: начало XXI в., Литва, русские за рубежом, русские в Литве, поляки в Литве, статус нацменьшинств.

Key words: early 21st century, Russians abroad, Lithuania, Russians in Lithuania, Poles in Lithuania, minorities status.

С начала 2000-х годов поляки стали второй по численности (206 тыс. человек) национальностью в Литве после титульного населения, отодвинув русских (165 тыс.) на третье место. Состояние польской диаспоры в Литве можно охарактеризовать как прочное – поляки представлены в органах власти всех уровней, функционирует обширная сеть польских школ. Состояние российской диаспоры прямо противоположное: осталось только пять депутатов в трех самоуправлениях, количество школ сокращается, а со стороны исторической Родины нет никакой ощутимой поддержки.

Since the beginning of the 2000's the Poles in Lithuania became the second national group in number after the native population, the Russians being moved to the third place. The condition of the Polish diaspora in Lithuania can be characterized as firm – they are represented in the bodies of authority at all levels, there is a wide network of Polish schools. The condition of the Russian diaspora is quite opposite: only 5 deputies are left in the 3 local self-government bodies, schools decrease in number and there is no sensible support from their historical homeland.

И.И. Глебова. Особенности эволюции государства в России: «Дворец»

I.I. Glebova. Peculiarities of the State's Evolution in Russia: «The Palace»

Ключевые слова: Россия, эволюция государства, власть и общество, дворцовое государство, преемственность власти.

Key words: Russia, evolution of the state, authority and society, palace state, continuity of authority.

Цель статьи – понять, как в 1990–2000-е годы трансформировалось государство в России. Для уяснения сути трансформации используются политические метафоры. Прежде всего это метафора, принадлежащая В.О. Ключевскому – «дворцовое государство» (или «государство-Дворец»). В этой формуле выражена природа послепетровского государства, сохраняющаяся и сейчас. Позицию «верхов», вполне удовлетворенных «дворцовым» режимом функционирования государства, способен изменить только интенсивный и внятный запрос «низов».

This essay calls for understanding the way of the state's transformation in Russia in the 1990–2000's. Political metaphors are used to grip the essence of this transformation. First of all it is the metaphor introduced by V.O. Klyuchevsky – «palace state» or «State-Palace». This formula reflects the nature of the post-Petrine state preserved by now. Only a clear and persistent demand from below can change the position of the elite quite satisfied with the «palace» regime of the state's functioning.

Р.Х. Симонян. Реформы 1990-х годов: Оценка сегодня

R.Kh. Simonyan. The Reforms of the 1990's: An Appraisal Today

Ключевые слова: Россия, конец XIX – начало XXI в., распад СССР, смена советской системы, рыночные реформы, режим Ельцина.

Key words: Russia, end of the 1990's – beginning of the 2000's, dissolution of the USSR, system change, market reforms, Yeltsin's regime.

Рассматриваются последствия российских экономических реформ 1990-х годов в обществе, в том числе в науке, культуре, образовании, общественной морали. Анализируются инновационные ресурсы созданной реформаторами экономической модели, оцениваются возможности модернизации российской промышленности после 19 лет функционирования этой модели.

The paper examines the effects of Russian economic reforms of 1990 in the society including science, culture, education, public morals. The author analyzes innovative resources of the economic model developed by the reformers and estimates the prospects of the modernization of the Russian industry after almost twenty years of the model's performance.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

А.М. Кулькин. К вопросу о становлении общероссийской инфраструктуры технологического развития

A.M. Kulkin. On the Problem of Formation of the All-Russian Infrastructure of Technological Development

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., наука и технология, реформы, инфраструктура развития.

Key words: Russia, early 21st century, science and technology, reforms, developmental infrastructure.

Возрождение былого научного потенциала Российской академии наук связано с постановкой правительством перед ней научных мегапроектов, сверхзадач. В течение последних двух десятилетий во взаимоотношениях науки и власти в России сложилась неприемлемая ситуация. Мощный научно-технический и экспертный потенциал РАН, превосходящий потенциал самых лучших исследовательских университетов страны вместе взятых, не используется правительством.

The revival of the former potentialities of the Russian Academy of Sciences depends on the Government's initiation of nation-wide mega-projects and super tasks. The last two decades witnessed a highly inadequate situation in the relationship between the authorities and the scientific community. The Academy's powerful technological and expert capacities exceeding the combined capacities of the top research universities in the country is not used by the Government.

И.В. Игнатова. Миллиардеры как явление современного российского общества

I.V. Ignatova. Billionaires as a Phenomenon of the Contemporary Russian Society

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., частная собственность, социальное расслоение, миллиардеры.

Key words: Russia, early 21st century, private property, social differentiation, billionaires.

Социологический портрет российского миллиардера выглядит следующим образом – это мужчина, 46 лет, с высшим образованием, женат, имеет двоих детей, основные доходы получает от нефтяного бизнеса, инвестиций,

черной и цветной металлургии, в сфере финансов и недвижимости. Бизнес-элита участвует в решении экономических, политических и социальных вопросов страны.

The sociological portrait of a Russian billionaire looks as follows – a male of 46, higher education, married with two children, main income coming from petroleum business, investments, ferrous and non-ferrous metallurgy, finances and realty. Russian business elite is actively participates in solving economic, political and social problems on a nation-wide level.

А.Е. Чирикова. Женское лидерство и семейные роли: Социологический анализ

A.Ye. Chirikova. Female Leadership and Family Roles: A Sociological Analysis

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., гендерные отношения, женщины-руководители, женщины в бизнесе, женщины в семье.

Key words: Russia, early 21st century, gender relations, senior female executives, business women, family women.

Исследования, проведенные в 1998 и 2008 гг. в восьми регионах России, основывались на интервью, взятых у 140 женщин, занимающих руководящие посты в бизнесе. Было выявлено, что деловые женщины, достигшие успеха, вполне адекватно справляются со своими семейными функциями, а успешность или неуспешность их семейной жизни во многом предопределяется ожиданиями мужчины в отношении семейных ролей, которые должны исполнять женщины.

Research of the problem was based on interviewing 140 women holding leading private business positions in 8 Russian regions in 1998 and 2008. It was found out that successful business women quite adequately perform their functions in their families. The quality of this performance is greatly determined by male expectations as to what roles a woman is to play in the family.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Т.А. Воронина. Практика поста в «сказаниях о 12-ти пятницах» (XIX – начало XX в.)

T.A. Voronina. Fasting Practices in the Tales of the «Twelve Fridays» (19th – early 20th centuries)

Ключевые слова: Россия, XIX – начало XX в., традиции поста, «сказания о 12 пятницах».

Key words: Russia, 19th – early 20th centuries, fasting traditions, piety, «Tales of 12 Fridays».

Статья посвящена «сказаниям о 12-ти пятницах», распространенным среди крестьян в XIX – начале XX в. В ее основе – рукописные и опубликованные материалы о почитании пятниц постом перед некоторыми 12 праздниками церковного календаря. Соблюдая пост, крестьяне видели в святой Параскеве (Пятнице) надежную покровительницу и помощницу во многих их домашних и личных делах.

The article is devoted to the «tales about 12 Fridays» that were spread in Russia in the 19th – early 20th centuries and is based on manual and published materials about observance of Friday fasting before the 12th feasts of the Christian calendar. Following the abstinence, peasants saw in St Paraskeva (Friday) a reliable patroness and helper in their domestic and private matters.

А.А. Тюняев. Сколько лет Москве? (К вопросу о спорах между археологами и летописцами)

A.A. Tyunyaev. Just How Old Is Moscow? (On the polemics between archaeologists and chroniclers)

Ключевые слова: Москва, возраст Москвы, археологические раскопки, хроники.

Key words: Moscow, age of Moscow, archaeological research, chronicles.

По мнению большинства исследователей археологии Москвы, ее летописный возраст не отражает действительности и его необходимо удревнить. Такое удревнение возраста Москвы подтверждено многочисленными археологическими находками, аналогичными тем, на основании которых устанавливаются возрасты городов в мировой практике. Наиболее реальным на настоящее время может являться удревнение возраста Москвы на 300 лет.

SUMMARIES

Most of the researchers of Moscow's archaeology believe that its chronicled age does not correspond to reality and should be older. This opinion is confirmed by multiple archaeological findings analogous to those which help determine the age of cities in practices common the world over. The most plausible analysis as of today prompts that Moscow may be 300 years older than is believed.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

***Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления
научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!***

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: market@inion.ru

Россия и современный мир № 1–2011 (70)

Художественный редактор Т . П . С о л д а т о в а

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор

О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 10.12.2010 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 21,6 Уч.-изд. л. 15,0

Тираж 900 экз. Заказ № 35

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9